Главлит № А—77006. Тираж 17500 экз.

Типография газеты „ПРАВДА“, Москва, Тверская, 48.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. 1-21-16, кремл. 1-90.

№ 19—20 — 31 ОКТЯБРЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Передовая.— Мировой экономический кризис и наш под'ем	1
Розенталь, К.— Боевые задачи промышленности на особый квартал	10
Геккерт, Ф.— Германские выборы и КПГ	23
Сафаров, Г.— Октябрь и колониальная революция	39
Вайсберг, Р.— Фронт планирования и вредительство	55
Гатовский, Л.— Реконструкция хозяйства и вопросы снабжения	70
Гайдуль, И.— Опыт борьбы за промфинплан (з-д «Серп и Молот», Москва)	84

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

	Стр.
Ленин.— Письмо т. Курскому по вопросу о терроре	92
Черняк, И.— О письме Ленина т. Курскому по вопросу о терроре	94
К вопросу о положении на философском фронте. (Резолюция бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е.)	100

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

	Стр.
Кин, Д.— Об основных моментах развития ВКП(б). (О статье А. С. Бубнова «ВКП(б)» в БСЭ, т. XI)	111
Незнамов, Ф.— Разоблачим правый оппортунизм в теории и практике на аграрном фронте! (О книге Г. Гордеева «Основные проблемы сельскохозяйственной экономии»)	118
Рабинович, С.— Против оппортунистической клеветы на партию. (По поводу книги П. Суслова «Политическое обеспечение советско-польской кампании 1930 года»)	123

Мировой экономический кризис и наш под'ем.

Антисоветские силы за границей проявляют снова повышенную активность. После провала крестового похода в ход пущена басня о так называемом «советском демпинге». «Умышленным понижением цен на свои экспортные товары советское правительство хочет углубить мировой экономический кризис» — таково последнее самоновейшее «открытие» реакционных политиков буржуазии.

Вся наглая ложь о «бросовом советском экспорте» вскрывается при первом же сопоставлении с фактами. Французские банкиры, Детердинги, трестовики Англии и Америки, польские и финские спекулянты, румынские королевские фашисты, экономисты Лиги Наций, — все они прекрасно знают, что советского демпинга не существует в природе, что советский экспорт, составляя весьма незначительную долю мирового вывоза — около 1,5%, не может ни

вызвать, ни углубить мирового экономического кризиса. Больше того, Советский Союз в последние годы стал растущим рынком для ввоза оборудования и сырья из основных капиталистических стран в целях удовлетворения гигантских нужд индустриализации страны. В ряде капиталистических стран наш Союз покупает больше, чем продает.

Задача советского экспорта — не завоевание новых рынков для эксплоатации, а исключительно создание возможностей для импорта, являющегося одним из необходимых условий нашей социалистической реконструкции.

Советский экономический строй, как противоположность буржуазного экономического строя, свободен также от одного из коренных противоречий капиталистического хозяйства — противоречия между растущим производством и низким уровнем потребления народных масс. Систематическое повышение благосостояния трудящихся масс СССР с ростом индустриализации страны создает для советской промышленности и сельского хозяйства совершенно неограниченный рынок. Ускоренные темпы социалистической реконструкции делают необходимым ввоз из-за границы оборудования, машин, недостающего сырья. Создать возможность этого импорта и есть основная задача советского экспорта.

Совершенно очевидно отсюда, что крики о так называемом «советском демпинге» являются организованной кампанией, преследующей цель отвлечь внимание широчайших масс капиталистических стран от истинных причин их растущей нищеты, бедствий трудящихся, организовать экономическую блокаду СССР, словом — организовать борьбу против социалистического наступления в СССР и сколотить общий империалистический фронт для военной интервенции против Советского Союза.

Когда руководители антисоветской кампании связывают ее с мировым экономическим кризисом, то они выдают себя с головой.

XVI партийный с'езд дал анализ происшедшему п е р е л о м у в международном развитии. «Перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического п о д ' е м а, для капиталистических стран поворот означал поворот к экономическому у п а д к у» (Сталин).

Капитализм терпит банкротство. С экономическим кризисом «стабилизации капитализма приходит конец». Буржуазия рассчитывала через «промышленный мир», при помощи социал-демократии, применяя фашистский террор, подавить классовую борьбу пролетариата. Получилось так, что рабочий класс начал все больше отбрасывать руководство социал-фашистов, все больше итти за руководством коммунистических партий, очищающихся от оппортунистической гнили. В ответ на капиталистическую рационализацию нарастает

новый революционный под'ем. Буржуазия рассчитывала подавить национально-революционное движение. Получилось так, что рабоче-крестьянские массы, выковывая в жесточайшей борьбе свою коммунистическую партию, держат высоко знамя революции в колониях и полуколониях. Буржуазия рассчитывала на крах СССР. Получилось совсем наоборот: СССР растет и крепнет, социализм наступает по всему фронту, выкорчевываются корни капитализма в стране, растет и ширится опора советской власти — советская власть стала самой прочной властью в мире. В СССР происходит невиданный под'ем.

Таковы основные факты.

Под'ем в СССР на фоне небывалого мирового экономического кризиса подводит п е р в ы й исторический итог состязания д в у х с и с т е м — социалистической и капиталистической. В этом мировом состязании мы одержали победу как о б щ е с т в е н н а я с и с т е м а, более высокая, чем капитализм.

Конечно, это не значит, что мы уже догнали и перегнали передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. «Это не значит..., что мы уже догнали их в смысле размеров производства, что наша промышленность уже достигла у р о в н я развития промышленности передовых капиталистических стран. Нет, далеко еще не значит. Т е м п развития промышленности и у р о в е н ь развития промышленности нельзя смешивать друг с другом» (Сталин).

Но п р е и м у щ е с т в а с о ц и а л и с т и ч е с к о й с и с т е м ы доказаны сейчас неопровержимо на всемирно-историческом опыте.

Борьба со стороны капиталистического мира идет за то, чтобы, прежде всего, замедлить наше движение, сорвать высокие темпы нашего развития, не дать нам выполнить задачу «догнать и перегнать» и потом военным путем разгромить нас, т.-е. попытаться сделать то, что не удалось буржуазии в 1918—1920 гг. в более благоприятных для капитализма условиях. Борьба со стороны социалистической системы,—с нашей стороны, идет за то, чтобы в кратчайший срок догнать и затем перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении, чтобы во всеоружии встретить интервенционистские атаки, со всей бдительностью и революционной энергией пресекая внутри страны все попытки классового врага: тормозить социалистическое строительство и оказывать помощь империалистам в подготовке интервенции; чтобы развертывать победоносную борьбу за полное торжество социализма в нашей стране и во всем мире.

У нас есть все данные и возможности выиграть и в этом состязании. Факты и цифры—вещь упрямая. Вот, что указывают цифры самой Лиги Наций: индексы промышленной продукции, принимая 1925 г. за 100, равнялись в 1929 г. в стране «процветания»—в САСШ—113, а в СССР—240; по чугуну: весь мир—127, в СССР—334,7; по стали: весь мир — 130,8, а СССР — 270,1.

Эти цифры говорят о том, что Советский Союз быстро догонял капиталистические страны даже и в период их «процветания».

С экономическим кризисом «процветание» на капиталистическом полюсе потерпело банкротство как-раз тогда, когда СССР начал брать еще более высокие темпы в борьбе «догнать и перегнать». Июнь 1930 года в капиталистическом мире дал огромное снижение продукции в основных отраслях, по сравнению с июнем 1929 года. Снижение по железу: Англия — 15%, Германия — 26%, САСШ — 21%; по стали: Англия — 28%, Германия — 28%, САСШ — 28%; по углю: Англия — 17%, Германия — 10%, САСШ — 12%. В общем снижение продукции за год — на 25%, а в СССР за такой же примерно период мы имеем рост тяжелой промышленности на 40%.

В области тяжелой промышленности СССР быстро догоняет капиталистический мир.

Таков ход борьбы за выполнение нашего лозунга — «догнать и перегнать». Факты говорят ясно о том, каков будет ближайший исход этой борьбы. «Догнать и перегнать» — стало программой, которую можно выразить в цифрах, в сроках.

Победа СССР в этом состязании явится всемирной победой социализма над империализмом.

Это состязание, эта борьба происходит сейчас в новой международной обстановке.

Кризис привел к огромному обострению всех противоречий капитализма. Капитализм заживо гниет. В ряде важнейших стран (Германия, Польша и др.) кризис экономический перерос в кризис политический, в других — и почти всюду — это перерастание происходит, назревает.

Буржуазия, чтобы смягчить кризис, ведет бешеное наступление на рабочий класс. «Теория высокой зарплаты» провалилась. Вся буржуазная печать вопит о «необходимости жертв» со стороны рабочего класса. По официальным данным, только за 6 месяцев 1930 г. реальный доход рабочего класса Германии снизился более чем на 12%. В Англии, в угольной промышленности зарплата за второй квартал 1929 года снизилась на 19%. В САСШ сумма зарплаты рабочих с августа 1929 г. к августу 1930 г. сократилась на 27%. Помимо этого растут лавиной миллионные армии безработных.

На последних фактах международной обстановки целиком подтверждается и оправдывается оценка тов. Сталиным значения мирового экономического кризиса, перерастающего в политический.

«Это значит,— говорит т. Сталин,—...что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию..., что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции».

А пролетариат, «борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции».

Действительно контрнаступление пролетариата, крестьянства и колониальных народов все более подымается в ответ на бешеные попытки буржуазии выйти из кризиса и разгромить силы нарастающего революционного под'ема. Развертывается острейший кризис социал-демократии. Нельзя сейчас аргументировать благами «промышленного мира», рационализации и т. д. Разрушаются социал-демократические иллюзии в рабочих массах. После фашистских деяний социал-демократии злой насмешкой звучат в ушах рабочих лживые обещания насчет «хозяйственной демократии», «промышленного мира» и т. д.

Буржуазия может лишь цинично аргументировать интересами самосохранения, сохранения своего кошелька, своего господства. «Классовый характер буржуазной власти выступает теперь во все более обнаженной форме» (Молотов).

Фашистская диктатура или диктатура пролетариата—этот вопрос ставится вплотную перед борющимися классами.

Под этим знаком прошли выборы в Германии, под этим знаком проходят они в Польше. И миллионы голосуют за пролетарскую диктатуру, за пролетарскую революцию. Более $4\frac{1}{2}$ миллионов пролетариев Германии голосовали за компартию. О возрастающей революционной активности германского пролетариата говорит стачечная борьба металлистов. Зимой в Германии будет 5—6 млн. безработных.

Могучий революционный под'ем происходит в Польше. Быстро назревают здесь элементы революционной ситуации.

Массовые политические стачки прокатились на промышленном севере Франции.

Небольшая компартия в Англии развертывает широкое массовое движение за «рабочую хартию» против лжерабочего правительства.

В САСШ кризис обостряется с каждым днем. Безработица, по признанию самых официальных источников, достигла 7 — 8 млн. чел.

Советское знамя укрепляется в Китае.

Индийская революция организует силы для нового контрнаступления против английского империализма.

Широчайшие народные массы всюду приходят в движение.

На почве бушующего экономического кризиса с особой силой обнажаются и обостряются все противоречия версальской системы послевоенного империализма—противоречия между нациями господствующими и угнетенными, между победителями и побежденными, внутри самих победителей. Не случайно германские выборы концентрировались на борьбе вокруг плана Юнга. Не случайно в центре польских вы-

боров стали народные движения в угнетенных окраинах Польши, данных ей на порабощение версальской системой.

Коренной факт состоит в том, что массы начинают видеть, что в рамках капитализма невозможно разрешение противоречий Версаля. На германских выборах миллионы пролетариев голосовали за разрешение противоречий Версаля через пролетарскую революцию. Все более ясно выступает перед массами тот факт, что противоречия версальской системы есть противоречия всей капиталистической системы вообще. Обнажение этих противоречий перед массами происходит тем быстрее, что единственная страна, свободная от пут Версальского договора,— СССР — победоносно идет вперед, растет, развертывает свободный труд, организуя его на совершенно недоступных капитализму, на социалистических основах,—преодолевая большие трудности, учась на опыте, осуществляет — и не плохо — боевой лозунг: «пятилетка в четыре года».

За последние месяцы, после XVI с'езда, произошло дальнейшее развитие мирового экономического кризиса, дальнейшее развертывание обостряемых им противоречий. Усилились тенденции капиталистического мира—попытаться за счет СССР как-нибудь смягчить или разрешить раздирающие его противоречия,—прежде всего, обостряющиеся противоречия между буржуазией и пролетариатом. На рост социалистического строительства в СССР, увеличение революционизирующей роли наших успехов среди трудящихся масс мира— империализм отвечает активным поиском путей и мобилизацией всех сил для того, чтобы раздавить Советский Союз стремительным наступлением, разгромить революционный под'ем в рабочем движении.

Кампания против «советского демпинга» является важнейшей частью развертывающегося наступления капитала на рабочий класс. Буржуазия хочет сказать народным массам: вы страдаете от кризиса — это верно, мы тоже страдаем. Но кто общий враг? Это — СССР, это—«демпинг» Советского Союза обостряет кризис, и от него все несчастья кризиса. Поэтому — общим фронтом против СССР.

Таков тактический маневр буржуазии.

Нечего сомневаться, что оголтелая реакция потерпит банкротство в своих расчетах, как она потерпела банкротство в предыдущих антисоветских кампаниях. Достаточно уже прочен авторитет СССР в трудящихся массах капиталистических стран. Немногие поддадутся махинации темных реакционных сил. Передовым рабочим нетрудно будет доказать истинный смысл и бессмыслицу реакционной демагогии.

Все данные говорят за то, что новый взрыв антисоветской кампании, борьбы против советского экспорта связан с широкой и решительной подготовкой войны против Советского Союза. На это указывает хотя бы один тот факт, что вопрос о «советском демпинге» вдруг стал мировым вопросом, что идейная гегемония в этой кампании принадлежит Франции, которая уже поспешила принять запретительные законы против советского экспорта, что этим вопросом занялась Лига Наций, а для борьбы против «советского демпинга» лучшим средством оказалась организация антисоветских блоков и конференций в сопредельных с СССР странах под руководством Франции. На это же указывают «аграрные» конференции прибалтийских и балканских стран, бряцание оружием в Польше, бесцеремонная антисоветская кампания польской буржуазной печати, усиленная фашизация пограничных с СССР стран (Румыния, Финляндия, Латвия). Речь идет конкретно о создании фашистского плацдарма на западных границах СССР для империалистической интервенции против Советского Союза.

Советский Союз должен быть на-чеку!

Мы знаем, что в империалистическом лагере борются противоречивые интересы. Мы знаем, что в каждой стране, как Франция, Польша, Англия, САСШ — одна часть буржуазии ведет бешеную кампанию против советского экспорта, а другая, более заинтересованная в экономических отношениях с СССР, даже разоблачает эту антисоветскую кампанию. Эта (последняя) часть буржуазии делает практические выводы из того факта, что советский экспорт есть основа советского импорта. А последний, при современном обострении для капиталистических стран проблемы рынков сбыта, не так-то легко сбросить со счетов. Мы знаем, что и между империалистическими странами противоречия не только не смягчаются, но сильно обостряются. Империалисты бряцают оружием. Ведется лихорадочная подготовка для второй всемирной империалистической бойни. Мы знаем далее, что буржуазия понимает опасность для себя при подготовке и мобилизации сил для нападения на СССР,—опасность со стороны революционизирующихся масс как вследствие растущей неустойчивости своего тыла, так и вследствие растущей мощи СССР. Но буржуазия также знает, что время работает за нас, что СССР растет и крепнет. Международная обстановка делается все более неустойчивой. Возможность крутых перемен в ситуации теперь значительно выше.

Военно-политические штабы империализма активно работают над подготовкой интервенции против СССР. Белогвардейщина за границей оживилась. Классовый враг внутри СССР пытается мобилизовать свои силы, чтобы, опираясь на международный империализм, оказать последнее сопротивление наступающему социализму. Дело контрреволюционных вредительских групп говорит достаточно красноречиво о том, как империалисты пытаются опереться внутри СССР на эти группы для подготовки интервенции.

В этой ситуации задача усиления бдительности масс в отношении военных планов империализма, задача мобилизации масс против империалистической войны и особенно в защиту международного отечества трудящихся — Советского Союза, в защиту

социалистического строительства в СССР, разоблачение истинного характера кампании против советского экспорта,—требуют мобилизации сил коммунистических партий и всех революционных рабочих. Выполнение этих задач является в настоящий момент важнейшей частью организации революционного контрнаступления пролетариата против атак буржуазии, фашизма и социал-фашизма за торжество пролетарской революции.

Капитализм готов итти на самую отчаянную авантюру, чтобы спасти свое господство.

Но ничто не задержит социалистического наступления в СССР. Оно в руках миллионов масс трудящихся в городах, заводах и деревнях. На его стороне борьба и симпатии миллионов трудящихся в капиталистических странах. Оно под охраной сплоченной с рабоче-крестьянскими массами Красной армии. Оно идет под руководством ВКП(б).

Борьба социализма и капитализма в мировом масштабе сейчас вступила в новый этап. Политика и задачи СССР, политика и задачи партии ясны: *дальнейшее развертывание большевистского наступления по всему фронту внутри страны, продолжение твердой большевистской политики мира вне ее.*

Наша политика мира есть политика обеспечения социалистического наступления внутри страны. Мы готовы итти на всякие разумные переговоры, соглашения. Мы будем использовывать максимально преимущества нашей системы внешней торговли. Но мы дадим, как на КВЖД, беспощадный отпор всякой попытке перейти в наступление против нас, всякой панике перед такими попытками, в какой бы форме — правой или «левой» — она ни выражалась. Постановление советского правительства об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с СССР, говорит о том, что в распоряжении Советского Союза есть и достаточные экономические возможности для принятия контр-мер против слишком зарвавшихся в своем усердии вдохновителей борьбы с советским экспортом.

«Догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении — важнейшая историческая задача, стоящая перед нами в непримиримой борьбе между социалистической и капиталистической системами. В этой борьбе партия не упустит ни одной возможности усиливать социалистическое наступление и даст сокрушительный отпор всяким оппортунистическим попыткам помешать этому. Люди, болтающие о снижении темпов развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами стоящих по ту сторону фронта, агентами руководителей кампании против советского экспорта.

Наше развернутое социалистическое наступление по всему фронту, выполнение высоких темпов строительства социализма — на

основе мобилизации масс и перестройки работы всех организаций рабочего класса,— это самое верное, неотразимое орудие пролетариата в защите СССР от опасности войны и интервенции.

Правые и «левые» оппортунисты, примиренцы и двурушники все более обнаруживают себя не только как об'ективных агентов кулака, но и как людей, об'ективно ослабляющих силы СССР в борьбе за «пятилетку в четыре года», в международной борьбе СССР.

Партия преодолевает все трудности социалистического наступления и идет вперед в мировом состязании социализма и капитализма под ленинским руководством своего ЦК, на основе большевистских решений XVI с'езда, на основе решительной борьбы на два фронта со всеми искажениями ленинской политики.

К. Розенталь.

Боевые задачи промышленности на особый квартал.

Второй год пятилетки — 1929/30 хозяйственный год — окончен. Народное хозяйство нашего Союза и промышленность, как его ведущая отрасль, вступили в тот особый, боевой, ударный квартал, который отделяет этот истекший хозяйственный год от того нового хозяйственного года, который согласно решению партии и правительства, начнется с 1-го января 1931 г.

Каковы задачи этого особого квартала? Что должен он будет дать народному хозяйству? И, в частности, что требует народное хозяйство в этом особом квартале от промышленности?

Ответ на все эти вопросы в значительной степени связан с анализом тех итогов, которые промышленность подводит, закончив истекший хозяйственный год.

* * *

Первый год пятилетки — 1928/29 г. — был закончен промышленностью, как известно, более или менее удовлетворительно. Несмотря на некоторое недовыполнение качественных показателей работы промышленности, рост промышленной продукции п р е в ы с и л проектировки пятилетнего плана. Но в этом не было ничего удивительного. В своем поступательном ходе развития, революция открывала все новые и новые факторы, ускоряющие темпы социалистического строительства. И с этой точки зрения особое значение в ходе развития нашей революции имеет первый год пятилетки, справедливо названный т. Сталиным, годом «великого перелома». Именно этот год — год, выдвинувший социалистическое соревнование и ударничество, как основные формы социалистической организации труда, именно этот год — год начавшегося перехода к непрерывной производственной неделе, открывшей новые величайшие резервы в деле ускорения темпов социалистического строительства и взрывающей, так сказать, «на корню» старый быт; именно этот год с его новым гигантским под'емом творческой активности миллионных масс рабочего класса позволил еще и еще раз пересмотреть наши проектировки темпов социалистической индустриализации в сторону их дальнейшего повышения. Несколько превысив в части роста промышленной продукции проектировки пятилетнего плана в п е р в о м году пятилетки, в т о р о й г о д пятилетки мы, исходя из этих новых условий, новой обстановки и выявившихся новых дополнительных резервов,—могли запроектировать уже с значительным превышением проектировок пятилетнего плана п о в с е м п о к а з а т е л я м нашего индустриального развития.

Прирост промышленной продукции — так, как он проектировался контрольными цифрами на 1929/30 год, — значительно превышал не только все прежние проектировки, но и проектировки пятилетнего плана. В какой

мере это было именно так, лучше всего иллюстрирует приводимая ниже таблица:

Темпы прироста продукции за 1929/30 г.

(в неизменной оценке).

„Пятилетка“ ОСВОК'а	13,0 %
Материалы комиссии Струмилина	9, „
„ „ Гинзбурга	13,7 „
„ „ Межнаука	17,6 „
Перспективный проект Госплана 1927 года	16,6 „
ВСНХ декабрь 1928 г.	20,2 „
Госплан а) отправной вариант	18,6 „
Госплан б) оптимальный вариант	21,4 „
Контрольные цифры на 1929/30 г.	32,3 „

Таким образом, второй год пятилетки должен был дать в п о л т о р а р а з а большие темпы роста промышленной продукции, чем это намечалось пятилетним планом, утвержденным с'ездом Советов.

Сходное положение мы имеем и по всем остальным показателям развития промышленности: капитальные работы должны были составить 3.960 млн. руб. против 2.331 млн. руб. по пятилетнему плану, снижение себестоимости должно было составить 11% против 7% по пятилетке и т. д.

Каковы же предварительные итоги выполнения этого плана, столь значительно превышающего проектировки пятилетки?

Ориентировочные данные, которыми мы располагаем, говорят о том, что в 1929—30 г. мы имели прирост промышленной продукции примерно на 25% против 21,4% по пятилетнему плану. Те самые проектировки пятилетнего плана, которые своей грандиозностью пугали наших правых оппортунистов, не веривших и не верящих в величайшие творческие силы рабочего класса, не умевших и не умеющих видеть все те преимущества, которыми обладает наша система хозяйства, — оказались далеко превзойденными. Особенно значительным было превышение проектировок пятилетнего плана по отраслям тяжелой индустрии — основной базы социализма, где в истекшем хозяйственном году прирост продукции составил 38%, вместо 26% по пятилетнему плану. Темпы роста тяжелой индустрии в п о л т о р а р а з а превысили темпы, намеченные пятилетним планом.

Эти крупнейшие успехи нашей социалистической промышленности приобретают особое значение в свете того жесточайшего кризиса, который переживает капитализм. Т а м — снижение производства, там — предприятия вынуждены останавливаться из-за отсутствия сбыта, выбрасывая на улицу все новые и новые сотни тысяч и миллионы рабочих. З д е с ь — в стране Советов, в стране строящегося социализма — новый крутой под'ем, новое и притом значительнейшее продвижение нашей промышленности вперед, оставляя далеко позади проектировки пятилетнего плана. На наших глазах претворяется в жизнь наш реально осязаемый боевой лозунг, наша боевая директива: догнать и перегнать в кратчайший исторический срок передовые капиталистические страны.

И, тем не менее, несмотря на всю значительность тех успехов, которые одержала промышленность в истекшем хозяйственном году, то плановое задание, которое было дано не пятилеткой, это задание выполнено и перевыполнено), а К. Ц. на 1929—30 г., значительно повысившими задания пятилетнего плана для этого года, — оказалось невыполненным.

Г д е п р и ч и н ы э т о г о н е в ы п о л н е н и я п р о м ы ш л е н н о с т ь ю п л а н о в о г о з а д а н и я на 1929/30 г о д?

Частичное об'яснение этому явлению в области производства промышленной продукции дает анализ выполнения плана по двум основным подраз-

делениям промышленности: производству средств производства и производству средств потребления.

Рост промышленного производства (к 1928/29 г.)

(по кругу ЦОС'а.)

	План	Фактически выполнено	Процент выполнения плана
„А"	13[illegible],7%	137,7%	98,5%
„Б"	123,8%	111,1%	89,7%
По всей промышленности . . .	130,8%	124,2%	94,9%

При общем недовыполнении плана промышленного производства по всей промышленности на 5,1%, по отраслям легкой индустрии план недовыполнен на 10,3%, а по отраслям тяжелой индустрии — на 1,5%.

Таким образом, столь значительное недовыполнение плана промышленного производства идет в основном за счет легкой индустрии. А это, в свою очередь, об'ясняется, прежде всего, недостатком сырья, перерабатываемого этими отраслями промышленности. В частности, хлопчатобумажная промышленность, которая играет решающую роль в определении динамики развития всей легкой индустрии, находилась в исключительно напряженных условиях — в смысле обеспеченности сырьем.

Если, однако, в отраслях легкой индустрии (хотя и не во всех) недовыполнение плана может быть об'яснено недостатком сырья, то в отраслях тяжелой индустрии (особенно в таких ее отраслях, как топливная, металлургическая и химическая) недовыполнение плана явилось прямым результатом неиспользования тех производственных резервов, которыми эти отрасли промышленности обладают, неумением поднять и возглавить ту активность рабочих масс, которая является решающим условием выполнения планов социалистического строительства.

На первый взгляд как-будто незначительное (1,5%) невыполнение плана производства по тяжелой индустрии тем не менее значительно дезорганизовало работу промышленности. И здесь сыграло свою роль не только само по себе недовыполнение плана, но и распределение этого недовыполнения плана по кварталам.

Внутригодичная динамика производства

(в процентах к предыдущему кварталу).

		I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
Группа „А"	1928/29 . . .	106,8	106,0	105,5	111,2
	1929/30 . . .	105,0	11[illegible],4	105,0	104,2
„ „Б"	1928/29 . . .	122,3	105,2	100,1	101,6
	1929/30 . . .	114,9	105,8	87,3	89,2
Вся промышленность	1928/29 . . .	115,2	105,6	102,4	105,8
	1929/30 . . .	110,8	110,4	95,7	96,8

Как в целом по промышленности и особенно по легкой индустрии (гр. «Б»), так и по отраслям тяжелой индустрии, последние кварталы истекшего хозяйственного года были кварталами снижающихся темпов прироста промышленной продукции. Если, повторяем, в отраслях легкой индустрии это явилось результатом недостатка сырья, то в отраслях тяжелой индустрии эта снижающаяся кривая темпов прироста промышленной продукции явилась результатом неумения использовать те производственные ресурсы, которыми они обладают, ухудшением использования механизмов и аггрегатов, неумением преодолеть возросшую текучесть рабочей силы, ослаблением рационализаторской работы и общего технического руководства, и т. д.

С особенной наглядностью это положение может быть проиллюстрировано на работе Донбасса. Дав в марте месяце рекордную добычу — 3.600 тыс. тонн, Донбасс начинает из месяца в месяц уменьшать свою добычу, показывая по месяцам последнего квартала 1929/30 года такую динамику:

июль	2.600 тыс. тонн
август	2.400 „ „
сентябрь	2.300 „ „

Иначе говоря, в результате полугодовой работы Донбасс свел месячную добычу до ⅔ своей мартовской добычи! Каменноугольная промышленность, дав в 1929—30 г. свыше 46,6 млн. тонн и увеличив добычу за год на 17,6%, все же недодала стране свыше трех миллионов тонн угля. Ежегодное снижение добычи угля в эти летние месяцы в истекшем хозяйственном году носило недопустимо резкий характер, захватив даже сентябрь, когда кривая добычи давала, как правило, резкий перелом в сторону роста добычи.

Где корни и причины этого безобразного положения вещей в угольной промышленности?

> «Производственный прорыв в Донбассе вскрыл, — говорится в постановлении ЦК КП(б)У по докладам т.т. Молотова и Лобова, — что в хозяйственном руководстве угольной промышленностью было сделано серьезнейшее упущение, выразившееся в недооценке значения механизации Донбасса, как решающего фактора в развитии угольной промышленности в данный период.
>
> Вместо того, чтобы в соответствии с директивами партии сосредоточить главное внимание хозяйственного и технического руководства на максимальном использовании внутренних, прежде всего, технических ресурсов угольной промышленности;
>
> вместо того, чтобы на деле поставить на службу пролетарскому государству все имеющееся механическое оборудование и обеспечить его полное и действительно рациональное использование;
>
> вместо того, чтобы обеспечить проведение этой задачи соответствующими кадрами рабочих и техников;
>
> вместо того, чтобы на основе максимального использования имеющегося уже механического оборудования восполнить создавшийся в летние месяцы недостаток в рабочей силе и чтобы благодаря всем этим мероприятиям теперь же значительно ускорить развертывание добычи угля в Донбассе и сделать новый важнейший шаг по пути облегчения труда шахтерской массы, — хозяйственно-техническое руководство упустило время для перестройки своей работы в соответствии с необходимостью решительного поворота лицом к механизации Донбасса».

Результаты мартовской добычи угля со всей неопровержимостью свидетельствуют о тех величайших резервах, которыми обладает наша каменноугольная промышленность и которые могут и должны быть использованы в деле ускорения темпов нашего хозяйственного строительства.

Это особенно необходимо и особенно важно, поскольку каменноугольная промышленность только выполнила в 1929—30 г. задания пятилетнего плана, в то время как вся промышленность в целом, как мы это видели, далеко превысила проектировки пятилетнего плана. Каменноугольная промышленность уже в 1929—30 г. являлась узким местом нашего хозяйственного развития, и ей необходимо решительно перестроиться для того, чтобы обеспечить намечаемые на ближайшие годы темпы развития как самой промышленности, так и транспорта и всего народного хозяйства.

Весьма значительным оказалось недовыполнение плана и по черной металлургии, хотя и здесь проектировки пятилетнего плана оказались превышенными.

	1929/30 год	
	Пятилетка	Фактически выполнено
Чугун в млн. тонн . . .	5,0	4,98
Сталь „ „ . . .	5,2	5,55
Прокат „ „ . . .	4,0	4,44

Что означают эти достижения нашей металлургии, будет наглядно видно из сравнения с теми процессами, которые происходят в мировой металлургической промышленности.

	Чугун (в тыс. тонн)			Сталь (в тыс. тонн)		
	1929 г. август	1930 г. август	В %%	1929 г. август	1930 г. август	В %%
САСШ	3.755	2.523	67,2	4.939	3,095	62,7
Англия	684	416	60,8	753	451	59,9
Германия	1.168	739	63,2	1.402	897	63,9

Таким образом, в то время как металлургия крупнейших стран капитализма сократила свое производство до ⅔ своего производства 1929 г., наша металлургия дала прирост за 1929—30 г. в 24% по чугуну, 17,6%—по стали и 14,5% — по прокату. Надо при этом отметить, что довоенный уровень производства черной металлургии в истекшем хозяйственном году был значительно превышен. Довоенный уровень производства был превзойден по чугуну на 18,2%, по стали — на 30,7% и по прокату — на 26,5%. И, тем не менее, несмотря на превышение проектировок пятилетнего плана, свое повышенное, по сравнению с пятилеткой, задание на 1929—30 г. черная металлургия сводит в условиях недодачи народному хозяйству полумиллиона тонн металла!

Плановое задание недовыполнено:

по чугуну на . . 8,0%
„ стали „ . . 10,0%
„ прокату „ . . 11,0%

Этот прорыв по черной металлургии не мог не отразиться самым болезненным образом на всем народном хозяйстве, усилив и обострив тот дефицит металла, который намечался даже в условиях полного выполнения плана по черной металлургии.

В известной степени результатом этого невыполнения плана производства металлургической промышленности явилось недовыполнение плана и по некоторым отраслям машиностроения. В частности промышленность сельскохозяйственного машиностроения, несмотря на то, что она в 1929/30 году довоенный уровень производства превзошла в 4,5 раза, — все же не выполнила годовой план.

Особенно значительно недовыполненным оказался план химической промышленности, которая заняла одно из последних мест по выполнению плана. Несмотря на продолжающийся рост производства продукции основной химии, несмотря на то, что темпы возрастания в 1929—30 г. относительно довольно высоки, — требования, поставленные химии промфинпланом и еще раз подкрепленные постановлением XVI партс'езда о форсировании производства химпромышленности, остались невыполненными.

Производственный прорыв в основной химической промышленности охватил не только IV квартал (что характерно для ряда других отраслей тяжелой промышленности), но также и III квартал. Между тем здесь прорыв тем меньше оправдываем, что в данной отрасли за отчетный год пущено много новых установок и произведены расширение и реконструкция старых заводов.

Недовыполненным, наконец, остался план и промышленности строительных материалов.

Из числа отраслей тяжелой индустрии, выполнивших или близких к выполнению планового задания на 1929/30 год, надо отметить нефтяную промышленность 99,8%, кокс (выжиг) — 99%, электротехническую — 100%, тяжелое машиностроение — 107%, и т. д. В результате, как это уже указывалось выше, отраслями тяжелой индустрии в целом план производства на 1929/30 г. был выполнен на 98,5%.

Что же, однако, означает это недовыполнение плана промышленного производства с точки зрения заданий пятилетки и соотношения с довоенным уровнем производства? Несмотря на невыполнение повышенного плана на 1929—30 г., мы идем с значительным превышением проектировок пятилетнего плана. Но мы можем поставить под угрозу выполнение лозунга — «пятилетка в четыре года», если не добьемся дальнейшего ускорения темпов нашего индустриального развития, если величайшим напряжением сил, мобилизацией всех творческих сил рабочего класса не ликвидируем тех прорывов, которые имели место в истекшем хозяйственном году. Отсюда — прямо вытекает одна из тех серьезнейших задач, которая должна быть поставлена перед особым кварталом, который отделяет истекший хозяйственный год от нового 1931 хозяйственного года.

Что же касается сравнений с довоенным уровнем промышленного производства, то нужно прямо сказать, что эта «довоенная мерка» может для нас играть роль некоей «статистической» мерки. Довоенный уровень промышленного производства, превзойденный уже в 1926/27 году, в истекшем хозяйственном году был превзойден почти в два раза.

Недовыполненным, как мы уже указывали выше, оказался и план капитального строительства, хотя проектировки пятилетнего плана и здесь остались далеко позади. Определяемый, по данным ЦОС'а, в 3.267 млн. руб. фактический об'ем капитального строительства на 700 млн. рублей меньше годового планового задания на 1929/30 г., на 936 млн. руб. выше проектировок пятилетнего плана и в два раза превышает об'ем капитальных работ 1928—29 года.

Где причины столь незначительного, — по сравнению с заданиями ЦК на 1929—30 г., — недовыполнения плана капитальных работ? Они лежат в первую очередь в недостаточной подготовленности строительных организаций к осуществлению этой большой программы капитальных работ, задержке в проектировании, недостаточных темпах развертывания работ, рвачестве и хищническом отношении строителей к делу распределения строительных материалов (в результате чего при общем напряженном балансе стройматериалов на ряде строительств при избытке одних строительных материалов испытывалась острая нужда в других строительных материалах), неумение поднять и использовать растущую активность масс, бороться с той волной текучести рабочей силы, которая имела место, и т. д.

Наконец, серьезнейшей и важнейшей причиной невыполнения этих количественных показателей (рост производства и об'ем капитальных работ) работы промышленности является серьезное недовыполнение планового задания по качественным показателям работы промышленно-

сти, — снижении себестоимости промышленной продукции, снижении строительного индекса и росту производительности труда.

Контрольные цифры на 1929/30 г. снижение себестоимости определяли (без пищевкусовой промышленности) в 11,8%, что должно было дать увеличение внутрипромышленных накоплений примерно в полтора миллиарда рублей. Предварительные и притом сугубо ориентировочные данные за 11 месяцев истекшего года говорят, однако, о том, что это плановое задание будет выполнено лишь на 60%, — и общее снижение себестоимости составит 7,1%.

Из отдельных отраслей план по себестоимости выполнен только нефтяной, пеньковой и полиграфической промышленностью. Цветная металлургия, машиностроение, автотракторостроение, электротехническая, лакокрасочная, анилокрасочная и химико-фармацевтическая отрасли промышленности план по себестоимости выполнили в размере 80—90%.

Все же остальные отрасли выполнили план снижения себестоимости менее чем на три четверти, а по ряду отраслей (каменноугольной, черной металлургии, лесохимической, льняной, спичечной и фото-химической) план выполнен всего лишь в размере около одной трети.

Что означает это невыполнение плана снижения себестоимости? *Уменьшение внутрипромышленных накоплений, против плановых предположений на 450—500 млн. рублей.*

В этом недовыполнении планозых проектировок в части снижения себестоимости наряду с такими факторами, как невыполнение производственной программы и останов фабрик в отраслях, работающих на с.-х. сырье (текстиль и др.), сыграли свою роль слабая подготовленность фабрик и заводов к реализации намеченных планов снижения себестоимости на 1929—30 г.; запоздалое доведение плана по себестоимости до фабрик, заводов, цехов; текучесть рабсилы; низкий уровень использования основных средств производства; частые аварии и простои оборудования; недовыполнение производственной программы; низкий коэфициент использования топлива, сырья, полуфабрикатов; большой размер брака, пониженный уровень качества продукции и проч.

Наконец, весьма существенную роль в этом недовыполнении плана снижения себестоимости сыграло недовыполнение плана в части роста производительности труда.

По данным (ориентировочным) за 11 месяцев, *производительность труда*, как средняя из 11 месяцев 1929—30 г., по сравнению со средней годовой предшествующего года *возросла в пределах* 12—13%. Планом же было предположено увеличение выработки на одного рабочего на 25%.

В результате мы имели значительно превышающий плановые предположения рост общей численности рабочих, занятых в промышленности. Вновь вовлеченными в промышленное производство оказалось свыше 384 тыс. рабочих, вместо 194 тыс., намеченных по плану. Иначе говоря, общий рост числа рабочих составит 13,4%, вместо 4,7% по плану. Надо, однако, сказать, что вызванный, с одной стороны, невыполнением плана роста производительности труда этот, превышающий плановые проектировки, общий рост численности занятых в промышленности рабочих явился, с другой стороны, результатом стремления некоторых хозяйственников «перестраховать» себя от текучести рабочей силы и иметь некоторый «резерв» излишней рабочей силы. Такая «политика» некоторых хозяйственных организаций, по сути дела, означает не борьбу с текучестью, а *приспособление* к текучести и требует самой решительной и упорной борьбы, ибо вызывает дальнейшее напряжение с рабочей силой и еще большее обострение того недостатка в рабочей силе, который мы имеем.

Таковы те, вкратце, итоги, с которыми промышленность закончила второй год пятилетки. Задания пятилетнего плана *выполнены и перевыполнены*. Но промышленность не справилась с теми повышенными заданиями, которые на нее были возложены контрольными цифрами на 1929/30 год. *Необходимо величайшее напряжение сил для того, чтобы нагнать упущенное, наверстать потерянное.* И с этой точки зрения подлинно боевым и ударным должен быть тот особый квартал, который отделяет истекший хозяйственный год от нового хозяйственного года. Именно на его долю ложится труднейшая и ответственнейшая, но и благодарнейшая задача (наряду с разрешением тех задач, которые были на него возложены как на первый квартал 1930—31 года) — покрыть и перекрыть те прорывы, которые нам оставил в плане промышленного развития 1929—30 хозяйственный год.

Итоги истекшего хозяйственного года, наряду с необходимостью осуществления задачи «пятилетка в четыре года», в основном предопределили и материальное содержание плана промышленности, планируемой ВСНХ на особый квартал — октябрь — декабрь 1930 г. Выполнить задания, возложенные на особый квартал, как первый квартал ранее спроектированного 1930—1931 г., и перекрыть прорывы, которые оставил истекший 1929—30 хозяйственный год, — такие гигантские задачи поставлены перед особым кварталом, и они должны быть во что бы то ни стало разрешены.

Исходя из этих предпосылок промышленность запроектировала свой план на особый квартал октябрь — декабрь 1930 года. Выше мы уже указывали, как неблагоприятно складывалась динамика поквартального роста промышленного производства в 1929—30 г., — начиная со второй половины года, мы имели из квартала в квартал снижение темпов промышленного производства, особенно резкое по отраслям легкой индустрии, но захватившее и отрасли тяжелой индустрии. План промышленного производства на особый квартал исходит из *резкого перелома* этой кривой темпов промышленного развития и *крутого под'ема* промышленного производства.

В целом по промышленности, планируемой ВСНХ, и по основным ее подразделениям (тяжелой и легкой индустрии) этот рост промышленного производства в особом квартале по сравнению с IV кварталом истекшего хозяйственного года представляется в таком виде:

Валовая продукция в млн. рублей по неизменным ценам.

	Ожидаемое выполнение в IV кв. 1929/30 г.	Особый квартал. Абс.	Особый квартал. В процентах к IV кв. 1929/30 г.
Гр. „А“	2.424	3.312	136,6
„ „Б“	1.411	1.855	131,5
Вся промышленность	3.835	5.167	134,7

Таким образом, особый квартал в процентах к предыдущему IV кварталу 1929/30 года должен будет дать прирост промышленной продукции свыше 36,6%, а в абсолютном своем выражении должен будет дать примерно *треть* всей промышленной продукции 1929—30 года.

Уже из этих нескольких цифр можно видеть, какой смысл имеет право- и «лево»-оппортунистическая болтовня, что особый квартал тем только и «особенен», что является выражением признания нереальности лозунга «пятилетка в четыре года». В истории великой и героической борьбы миллионных масс пролетариата за осуществление ими же брошенного лозунга

«пятилетка в четыре года», особый квартал войдет как квартал большевистского штурма трудностей, стоящих на пути осуществления этого лозунга. И пусть эти кулацкие подголоски, «молочные» братья Кондратьевых и Громанов, злобно и издевательски хихикают в кулак. Они будут сметены штурмом миллионных масс пролетариев, не останавливающихся ни перед какими трудностями в борьбе за социализм.

Необходимость, — наряду с разрешением тех задач, которые стояли перед кварталом октябрь—декабрь 1930 года, как первым кварталом третьего года пятилетки, — покрытия прорывов второго года пятилетки потребовала особо напряженных заданий, прежде всего, по таким отраслям промышленности, как каменноугольная, металлургическая; невыполнение плановых заданий именно по этим отраслям во втором году пятилетки было особенно болезненно для всего народного хозяйства. По этим отраслям промышленности на особый квартал возложены такие задания:

	IV кв. 1929/30 г.	Особый квартал. Абс.	В процен. к IV кв.
Каменный уголь в млн. тонн .	9,7	21,2	218,5
Чугун в тыс. тонн	1.228	1.545	125,8
Сталь " "	1.319	1.802	136,6
Прокат " "	947	1.529	161,4

Какого решительного перелома в работе этих отраслей промышленности требует план на особый квартал, особо наглядно будет видно, если рассмотреть помесячную динамику добычи угля по Донбассу:

Добыча угля в тыс. тонн.

IV квартал.		Особый квартал.	
Июль	2.600	Октябрь	4.800
Август	2.100	Ноябрь	5.[illegible]00
Сентябрь	2.300	Декабрь	6.170

Иначе говоря, уже октябрь месяц по сравнению с сентябрем месяцем должен будет дать увеличение добычи больше чем в два раза. Декабрь же месяц должен будет дать в 2,7 раза больше чем сентябрь. Снижающейся из месяца в месяц кривой добычи каменного угля по Донбассу в IV квартале 1929—30 года противостоит энергичная решительная большевистская кривая неуклонного под'ема из месяца в месяц добычи каменного угля в ударном боевом особом квартале.

Нет сомнения, что такого рода задание по каменноугольной промышленности потребует исключительного напряжения, подлинно большевистской работы всех звеньев этой промышленности, каждого ее работника, боевых ударных темпов работы, величайшей активности рабочих масс и всего инженерно-технического и административно-хозяйственного персонала, но оно во что бы то ни стало должно быть выполнено, ибо этого требуют насущные интересы всего народного хозяйства и самой промышленности.

Велики и напряженны задания на особый квартал и по всей группе машиностроительных отраслей промышленности.

	IV кварт. млн. руб.	Особый квартал млн. руб.	в %% IV кв.
Тяжелое машиностроение .	63,3	79,5	124,2
Среднее . .	56,0	69,0	123,3
Паровозо-вагоно-дизельное .	89,0	124,0	134,8
Котлотурбина	41,5	54,5	122,5
С.-х. машиностроение . . .	90,0	133,7	148,5
Автотракторное	23,7	42,7	180,0
Станкоинструмент.	19,6	24,5	125,0

Из числа отраслей машиностроительной промышленности особое внимание обращает на себя с.-х. машиностроение, дающее прирост на 48,5%, и автотракторная промышленность, увеличивающая свою продукцию в особом квартале на 80% по сравнению с IV кварталом истекшего хозяйственного года.

Надо при этом заметить, что эти проектировки в области машиностроения, несмотря на всю свою значительность, не являются все же, так сказать, «предельными». По целому ряду отраслей машиностроительной промышленности можно было бы взять более повышенные темпы развития, чем это проектируется на особый квартал. Лимитом здесь является не производственная мощность предприятий машиностроительной промышленности (здесь мы имеем еще весьма значительные неиспользованные ресурсы), а ограниченность сырьевой базы этих отраслей промышленности — недостаток металла. И это еще и еще раз подчеркивает, в какой степени безусловно обязательна программа, данная металлургии и каменноугольной промышленности. Срыв здесь неизбежно отразится на программе машиностроительной промышленности в сторону снижения. На металлургии лежит величайшая ответственность не только за выполнение своего плана, но и в значительной степени — плана машиностроительной промышленности, а следовательно, и плана всей промышленности и всего народного хозяйства.

Сказанное о машиностроительной промышленности в полной мере приложимо и к электротехнической промышленности, где также наличные производственные возможности предприятий еще далеко не исчерпаны, но где лимитом является ограниченность сырьевой базы.

Надо, впрочем, сказать, и это относится ко всей машиностроительной и электротехнической промышленности, что отношение этих отраслей промышленности к использованию металла — исключительно безобразное. Металл расходуется нерационально, запросы и требования на металл искусственно вздуваются, предприятия сплошь да рядом имеют значительные запасы металла, которые им не нужны и о которых они подчас даже сами не знают, а зная — скрывают «про запас» и т. д. Мы много говорим (хотя еще и очень мало делаем) об экономии топлива, но мы мало говорим (и еще меньше делаем) в отношении экономии металла. Борьбу за экономное расходование металла, за мобилизацию всех наличных запасов металла мы должны начать немедленно и развить здесь подлинно большевистскую энергию. Необходимо, чтобы за это дело со всей энергией взялась вся наша партийная, профессиональная и комсомольская общественность. Самая непримиримая борьба должна быть об'явлена растратчикам и укрывателям металла. Надо помнить, что каждая тонна металла это — еще одна из машин, которых так жаждет народное хозяйство, и недостаток которых она так болезненно ощущает. Здесь, в деле экономии металла, еще непочатый край работы. Между тем, каждое достижение здесь — новый резерв в деле ускорения темпов социалистического строительства.

Весьма значительные темпы развития на особый квартал намечаются и по химической промышленности.

	IV квартал	Особый квартал млн. руб.	в %%
Химическая промышл. . . .	154,3	198,8	128,5
В том числе:			
Основная химическая . . .	51,0	72,4	141,6
Лакокрасочная	26,5	44,1	170,4
Анилокрасочная	20,5	25,5	124,5

Промышленность строительных материалов увеличивает свое производство в особом квартале всего лишь на 9,6% по сравнению с IV кварталом 1929/30 года. Но это об'ясняется тем, что ряд отраслей этой промышленности имеют сезонный характер и в особом квартале сокращают свое производство (заготовка сырца в кирпичной промышленности и т. д.).

Особо значителен в особом квартале рост валовой продукции лесной и деревообделочной промышленности, где валовая продукция составит 769 млн. рублей против 469 млн. рублей в IV квартале 1929/30 года.

В отраслях легкой индустрии особое внимание обращает текстильная промышленность, продукция производства которой составит в особом квартале 864,3 млн. рублей против 487,5 млн. рублей в IV квартале 1929—30 г., что означает прирост производства на 77,3%. Надо, однако, сказать, что этот головокружительный процент прироста продукции текстильной промышленности об'ясняется тем, что IV квартал 1929/30 года был кварталом, когда текстильная промышленность испытывала особо острую нужду в сырье и работала не полностью и на значительно более низком уровне, чем первые три квартала 1929/30 года. Это будет наглядно видно, если сказать, что, давая увеличение по сравнению с IV кварталом 1929—30 года на 77,3%, продукция производства текстильной промышленности в особом квартале составит всего лишь 26,2% среднегодовой 1929—30 года.

Плановые производственные задания на особый квартал по наиболее характерным отраслям промышленности — задания, несомненно, напряженные и трудные, но безусловно осуществимые. Задания эти могут быть выполнены и должны быть выполнены.

Столь значительное развертывание промышленного производства позволило запроектировать и весьма значительные задания по линии качественных показателей работы промышленности. В то время как за 11 месяцев 1929/30 года промышленность снизила себестоимость на 7,1%, на особый квартал запроектировано снижение себестоимости на 7%. Это снижение себестоимости обеспечивается как той совокупностью рационализаторских мероприятий, которые намечены проведением в жизнь, и запроектированным ростом производительности труда, так и общим ростом промышленного производства. В этом отношении проектировки в части снижения себестоимости безусловно реальны. Но это еще далеко не означает, и это было бы выражением правооппортунистических расчетов на самотек, что запроектированное снижение себестоимости может быть достигнуто «само по себе». Как в целом план на особый квартал, так и в частности, и в особенности по снижению себестоимости может быть достигнут только при напряженной, боевой и ударной работе всех звеньев промышленности, каждого ее работника и, прежде всего, при условии полного выполнения проектировок в области труда.

Выполнение этих проектировок по труду как в области повышения производительности труда, — так и роста зарплаты должно быть, несмотря на всю свою напряженность, выполнено во что бы то ни стало, ибо без этого весь план на особый квартал будет поставлен под угрозу срыва. Эти проектировки налагают и крупнейшие обязательства как на хозяйственников, так и на профсоюзные организации. Намеченное по каждому об'единению, по каждому предприятию и цеху увеличение производительности труда только тогда будет действительно обеспечено, когда промфинплан будет доведен до рабочего места, агрегата, забоя, когда каждый рабочий будет знать, какие совершенно конкретные обязательства возлагаются на него для выполнения одного общего задания в области повышения производительности труда. Намеченное повышение производительности труда, наряду с улучшением всего дела рабочего снабжения, является важнейшим условием для действительного выполнения намеченного планом роста как номинальной, так и реальной заработной платы.

Только при выполнении заданий по производительности труда социалистическое соревнование и ударничество дадут максимум того, что они могут дать в деле выполнения и перевыполнения плана особого квартала, в деле ускорения темпов индустриализации страны и социалистического строительства.

Наконец, особое место в плане на квартал октябрь — декабрь 1930 г. занимает капитальное строительство. В этой важной области промышленного плана, играющей решающую роль при определении перспектив и темпов нашего индустриального развития, особый квартал в первую очередь и раньше всего должен быть кварталом полной ликвидации тех недоделов, которые мы имели в истекшем 1929/30 году и форсированного строительства того жестко-ограниченного круга об'ектов, которые имеют особо важное значение для всего народного хозяйства.

Исходя из этого финансируемый об'ем капитального строительства промышленности, планируемый ВСНХ, определен в 970 млн. рублей. Таким образом намеченный физический об'ем капитальных работ будет выполнен только при условии снижения стоимости строительства на 8%. Как минимум на 120 млн. рублей строительные материалы и оборудование, оплаченные в истекшем году, должны быть израсходованы на строительные работы в этом особом квартале.

В истекшем хозяйственном году мы имели ряд недопустимых дефектов в области капитального строительства. Намеченное снижение стоимости строительства достигнуто не было. Не была в достаточной степени проведена концентрация финансового и материального снабжения, технических кадров и рабочей силы на основных и важнейших об'ектах строительства и т. д. Эти дефекты должны быть решительно устранены в особом квартале. Мы должны добиться такого положения вещей в области капитального строительства, при котором было бы обеспечено финансовое и материальное снабжение прежде всего в полной мере крупнейших строительств, имеющих первостепенное народно-хозяйственное значение, и тех строительств, которые могут быть в кратчайший срок закончены и введены в действие. Безусловно должно быть выполнено задание по снижению стоимости строительства на 8%.

Подавляющая часть (95%) капитальных работ приходится на долю тяжелой индустрии, которая в особом квартале по первоочередным, важнейшим об'ектам должна будет развернуть особо-интенсивное строительство.

* * *

Такова в основных своих чертах характеристика плана промышленности на особый квартал. План, несомненно, напряжен и сложен. Но план безусловно реален и выполним. И он должен быть выполнен. Ибо, только выполнив этот план, мы создадим необходимые условия, обстановку и предпосылки для выполнения того гигантского плана, который намечается на 1931 год и который по ряду важнейших отраслей промышленности будет означать завершение пятилетки.

Шире должно быть развернуто социалистическое соревнование и ударничество. Каждый рабочий, каждый инженер и техник должен знать, что от степени напряжения его сил и качества его работы зависит выполнение пятилетки в четыре года. В борьбе за план боевого ударного квартала по-боевому, по-ударному должна вестись работа и всех партийных и профессиональных организаций, и всех хозяйственных организаций.

Надо твердо помнить, что только подлинно большевистскими методами работы и величайшим напряжением сил, безжалостно сметая всю право- и «лево»-оппортунистическую гниль, мешающую и срывающую эту работу, мы сумеем добиться полной реализации и претворения этого плана в жизнь. Надо ударить по тем «левым» оппортунистам, которые свой оппортунизм и неумение понять и настойчиво бороться с трудностями прикрывают «левыми» фразами и одними криками о высоких темпах. И надо с еще большей решительностью разоблачать тех правых оппортунистов и тех примиренцев и двурушников правооппортунистического толка, которые, на словах признавая генеральную линию партии, на деле ведут свою грязную работу кулацких агентов, тормозя и срывая дело развернутого социалистического наступления по всему фронту.

Ф. Геккерт.

Германские выборы и КПГ.

Происходившие 14 сентября выборы в рейхстаг имеют значение не только для Германии, они имеют и международное значение. Об'ясняется это не только поразительным результатом выборов, но и всей той ситуацией, в которой они происходили.

В выборах приняло участие более 82% всех лиц, пользующихся избирательными правами. По сравнению с результатами предыдущих парламентских выборов (1918 г.), когда также наблюдалась сравнительно высокая избирательная активность,—количество участвовавших в выборах лиц, пользующихся избирательными правами, возросло более чем на 13%. В некоторых избирательных округах процент участия в выборах превысил даже 90. В особенности он был высок в промышленных районах, сильно страдающих от безработицы. Это значит, что массы хотели как-либо выразить свой гнев, свое разочарование по поводу политики правительства. В других условиях массы прибегли бы к другим средствам для того, чтобы выразить свой гнев и изменить свое тяжелое положение. Но массы еще недостаточно классово-организованы, не достаточно уяснили себе свою цель и недостаточно ясно видят, где находятся их подлинные вожди для того, чтобы они могли прибегнуть к более решительным мерам в борьбе с существующим строем.

Учитывая эти обстоятельства и надеясь на то, что массы не примут активного участия в выборах, рейхсканцлер Брюнинг распустил в конце июня рейхстаг для того, чтобы завоевать те 15 мандатов, которых нехватало правительственным партиям, чтобы иметь в старом рейхстаге большинство. Вышло, однако, совсем не так, как представлял себе Брюнинг. До большинства ему теперь нехватает не 15, а целых 150 мандатов.

Католические попы, составляющие влиятельный штаб функционеров партии центра, сообщили руководству партии, что в настоящий момент нет никаких оснований бояться потери голосов и мандатов на выборах. Выборы подтвердили правильность этого прогноза. Брюнинг решился начать предвыборную кампанию, и вся его ошибка заключалась в том, что он судил о настроении масс, отдавших свои голоса другим правительственным партиям, по настроению избирателей центра. Число голосов, поданных за партию центра, поднялось с 3.711 тысяч до 4.129 тыс., число мандатов—с 62 до 68.

> «Только партия центра может еще держаться,—писал берлинский «Тагеблатт» назавтра после выборов,—но что представляет собой эта амфибия, принимающая то республиканский характер, то реакционный и выдвигающая из своей среды то Вирта, то Брюнинга?»

Как обстоит дело с другими правительственными партиями? Германская государственная партия — этот конгломерат из демократов, членов антисемитского младо-германского ордена (Юнгдо), возглавляемого фашистом Мараунюм, получила всего лишь 1.302 тыс. голосов или 20 мандатов, против 25 мандатов и 1.505 тыс. голосов, которые на предыдущих вы-

борах получила одна лишь демократическая партия. Если бы государственная партия состояла только из одних бывших демократов, то она должна была бы получить 29 мандатов. Еще больше потеряла другая либеральная партия— *народная*. Получив под руководством Штреземана в 1928 году 2.678 тыс. голосов и 45 мандатов, она на этот раз, под руководством Шольца, получила лишь 1.657 тыс. голосов и 30 мандатов. Это означает потерю 33% своих мандатов. *Хозяйственная партия* потеряла всего лишь 20 тыс. голосов, и поэтому она сохранила число своих мандатов, хотя она должна была получить на 250 тыс. голосов, т.-е. на 4 мандата больше.

Хуже всего оказались результаты выборов для тех групп правительственной коалиции, которые вышли из лагеря немецких националистов с тем, чтобы расширить коалицию вправо. Тревиранус и Шилле потерпели катастрофическое поражение.

Выборы оказались, таким образом, подлинной катастрофой для правительственных партий.

Больше всего потеряла германская *национальная партия*, возглавляемая Гугенбергом. Уже в мае 1928 года она получила лишь 4.350 тыс. голосов, против 6.206 тыс. голосов в декабре 1924 года. Теперь националисты получили всего лишь 2.458 тысяч голосов, и число их мандатов снизилось с 73 до 41, в то время как они должны были получить 85 мандатов. Они потеряли 52% своих мандатов. Колоссальные потери понесли и социал-демократы. Число полученных ими голосов снизилось с 9.151 тыс. до 8.572 тыс., что означает потерю почти в 600 тыс. голосов, между тем как партия должна была выиграть 1.190 тысяч голосов, принимая во внимание большую активность избирательных масс. Потери социал-демократии равняются 20%.

Выиграли на этих выборах лишь *коммунисты и национал-социалисты* (фашисты). Число голосов, полученных коммунистами, поднялось приблизительно на 1.300 тыс., по сравнению с прошлыми выборами, и равняется почти 4.600 тыс. Число мандатов увеличилось с 54 до 77. Еще значительнее выигрыш национал-социалистов. Число полученных ими голосов поднялось с 810 тыс. до 6.400 тыс. Число полученных ими мандатов поднялось с 12 до 107.

История парламентаризма не знает подобных сдвигов, если не говорить о балканских выборах, где правительство имеет более широкие возможности пускать в ход всякие жульнические приемы для того, чтобы добиться желанных успехов на выборах. Эти сдвиги об'ясняются лишь тем, что массы глубоко взбудоражены, категорически требуют изменения положения и намерены добиваться этого изменения. Подобные выборы возможны лишь тогда, если наряду с глубоким экономическим кризисом имеется и государственный кризис, подтачивающий основы старых партий, место которых занимают новые группировки. То, что в Германии имеется подобное положение, видно в особенности из голосования молодых избирателей, почти целиком отдавших свои голоса или коммунистам или национал-социалистам, т.-е. тем двум партиям, которые ясно показали в предвыборной кампании, что, вместо старой Германии, они хотят иметь новую.

Старые буржуазные партии в этих условиях потерпели катастрофическое поражение. Если партия центра и до известной степени и социал-демократы меньше пострадали, то это об'ясняется особыми условиями. Партия центра является партией со вполне определенным мировоззрением. Она имеет огромное влияние, особенно на женщин и мелкобуржуазных и крестьянских избирателей сельских областей, и поэтому она более, чем другие партии, способна бороться с быстро развивающимися сдвигами среди масс избирателей.

Социал-демократы же занимались ловлей голосов, демагогически используя для прикрытия своего предательства дела рабочего класса, своего

услужничества буржуазии — знамя марксизма и социалистические традиции в рабочем классе.

Демагогия пышно расцвела в предвыборной агитации. Буржуазные партии и социал-демократы не жалели лживых обещаний для своих избирателей. Однако, положение правительственных партий было далеко не такое, чтобы они могли надеяться на свою предвыборную демагогию. Нужен был колоссальный оптимизм для того, чтобы рассчитывать, по примеру Брюнинга, на то, что новые выборы дадут правительственным партиям большинство. Что мог Брюнинг обещать избирателям? Он принужден был заявить, что кроме программы правительства, т.-е. чрезвычайных указов, проведенных на основании 48 параграфа конституции, нет никакой возможности спасти германское хозяйство и страну. Указы эти заключаются в следующем: «негритянский» налог, согласно которому все граждане, независимо от своего материального положения, должны платить ежегодно 6 марок, налог на холостяков, снижение жалованья служащим и чиновникам на 4%—так называемая чрезвычайная жертва, особый налог на кушанья и напитки в ресторанах, ухудшение страхования от безработицы, налог в 1 марку на всех больных, обращающихся в страхкассу, и наряду с этими «подарками» нуждающимся массам щедрый подарок в 1 миллиард марок крупным землевладельцам Восточной Германии.

Надо было быть большим оптимистом, чтобы не ожидать поражения и даже надеяться на нечто большее при подобной программе в условиях тяжелого экономического кризиса в стране, где пролетариат составляет ¾ всего населения. К этому следует добавить, что руководители германского хозяйства, в особенности крупные промышленники,—угольные магнаты и металлопромышленники — категорически заявили, что зарплата рабочих должна быть снижена по меньшей мере на 15%, так как в противном случае нельзя надеяться на поднятие хозяйственной жизни. В связи с этим, они в самый разгар предвыборной кампании расторгли тарифные договоры.

Подобные действия руководящих капиталистических групп Германии способствовали поражению правительства.

В это поражение должны были быть неизбежно втянуты и социал-демократы. Правда, социал-демократия находилась в сравнительно благоприятном с тактической точки зрения положении. Правительство Германа Мюллера было свергнуто в марте Брюнингом из-за незначительной суммы в 75 млн. марок. Дело шло о сокращении государственных ассигновок в фонд поддержки безработных, при чем, соглашаясь на это сокращение, социал-демократы не сошлись с буржуазией лишь в этой сумме. Социал-демократия отомстила за устранение социал-демократов из правительства, отклонив чрезвычайную программу правительства Брюнинга. Социал-демократы могли, таким образом, говорить: и нас вытеснили из правительства за то, что мы не могли позволить снизить страхование от безработицы так, как этого хотела буржуазия, и мы свергли Брюнинга потому, что мы не хотели обманывать народ чрезвычайными указами, издаваемыми на основании 48 параграфа.

Однако, председатель партии центра, прелат Каас заставил социал-демократов оставить эту выгодную позицию, якобы, оппозиционной партии, борющейся за интересы народа. Каас заявил, во-первых, что *социал-демократия несет полную ответственность за теперешнюю политику правительства, ибо все чрезвычайные меры правительства и его налоговая политика основываются на проектах, выработанных уже кабинетом Мюллера* и, во-вторых, что если социал-демократы немедленно не откажутся от своей демагогической политики, заключающейся в том, что они сваливают свою вину на других, то партия центра взорвет прусскую коалицию.

Это заявление партии центра ударило социал-демократию по ее самому больному месту. Быть выкинутыми из общегерманского кабинета и к тому еще потерять свою позицию в Пруссии, — эта перспектива—оказалась слишком тяжелой и невыгодной для социал-демократов, удобно устроившихся у государственного пирога. В виду этого, они ослабили свою оппозицию против буржуазии и с тем большей яростью выступили против коммунистов. До самого дня выборов социал-демократы не переставали хвастливо болтать о том, как они победят, как большевистская волна и национал-социалистическая демагогия разобьются о социал-демократическую плотину. При этом они открыто предлагали свои услуги буржуазии для борьбы с радикальными рабочими на тот случай, если коммунисты все же добьются успехов.

Всякому, кто внимательно следил за событиями в Германии, было ясно, что правительство не получит большинства и что результат выборов, по всей вероятности, поставит под вопрос образование большой коалиции. Укажем, как на курьез, что биржа, не имевшая других дел в виду плохой кон'юнктуры, занималась заключением пари по поводу возможных результатов выборов. За несколько дней до выборов на бирже считали, что коммунисты получат 65 мандатов, а национал-социалисты—50. Правда, выборы, состоявшиеся в июле в Саксонии, уже показали, что старые буржуазные партии потерпят тяжелое поражение, а фашисты сделают крупный шаг вперед. Однако, биржа утешала себя тем, что, мол, Пруссия, это — не Саксония.

Результат выборов можно понять, лишь внимательно присмотревшись к экономическому положению Германии. В 1927 году германская буржуазия торжествовала, что благодаря рационализации производства и стабилизации валюты можно надеяться на грандиозный экономический под'ем. Буржуазия уже видела себя во главе ново-германского империализма, она видела себя победительницей всех конкурентов на мировом рынке. 1928 год, однако, показал, что, несмотря на все усилия, не удалось снизить числа безработных, и это число, напротив, все время растет. В 1929 году мы видим рост продукции в первые 9 месяцев, а вместе с тем и быстрое нарастание безработицы. В четвертом квартале 1929 года число безработных быстро дошло до 2 миллионов, а в производстве начал чувствоваться застой. Буржуазия все еще отрицает наличие кризиса, но, несмотря на это, она уже теперь хочет принять известные предохранительные меры. На с'езде промышленников в декабре 1929 г., была выдвинута программа, которая должна поднять конкурентную способность германских предпринимателей. Были выдвинуты требования об отмене налога на капитал, об увеличении налогов на предметы массового потребления, о снижении зарплаты, поднятии производительности труда, сокращении расходов на социальные нужды. Предприниматели пустили в ход все средства для проведения этой программы в жизнь. Председатель Государственного банка Шахт лишил города и государство всякой возможности заключать займы за границей. Стремясь остаться у власти, Гильфердинг поспешил от имени правительства Германа Мюллера выступить с программой финансовой реформы.

Налог на капитал был снижен на 1.750 млн. марок, но зато были введены новые налоги на предметы массового потребления и пошлины на общую сумму 1.700 млн. марок. Уже в начале октября социал-демократ Виссель приступил к сокращению поддержки безработных, и социал-демократический министр труда Шмидт заявил о своей готовности сократить расходы на социальные нужды. Несмотря на это, в первый квартал 1930 года число безработных поднялось до 3.250 тыс. человек, а число частичных безработных—до 1.500 тыс. чел. Были введены новые налоги и пошлины для покрытия дефицита в государственном бюджете. Запретили муниципалитетам ассигновывать какие-либо суммы для поддержки безработных. Вычет из зарплаты рабочих в фонд страхования от безработицы был поднят на 1%. Накануне падения кабинета Мюллера рейхстаг одобрил, по предложению правительства Мюллера и с одобрения всех социал-демократических депутатов, введение новых налогов на предметы массового потребления на общую сумму 1.300 млн. марок. Одновременно с этим обсуждается и вносится в рейхстаг новый репарационный план. Социал-демократы заявляют: план Юнга является величайшим благодеянием для трудящихся масс. Только враги государства и народа могут выступать против плана Юнга.

Во втором квартале 1930 года мы видим снижение безработицы, но это снижение оказалось лишь сезонным колебанием, обычно наблюдающимся в с. х. и строительной промышленности. Еще в середине января почти половина строительных рабочих была без работы, в горной, текстильной, химической и металлопромышленности число безработных непрерывно росло. Правительство занималось новой налоговой программой (т. е. выше перечисленными чрезвычайными указами) и тем, как бы помочь крупным помещикам Восточной Германии, затронутым аграрным кризисом (восточная программа Шилле). В третьем квартале число безработных вновь начинает возрастать. В первую половину августа армия официально зарегистрированных безработных увеличивается на 85 тыс. чел., во вторую половину августа — на 91 тыс. и в первую половину сентября — на 103 тыс. Число безработных вновь доходит до трех миллионов, и министры принуждены признать, что предстоящей зимой число безработных может дойти до 4 —5 миллионов.

В то время, как нужда рабочего класса быстро увеличивается благодаря росту безработицы и положение мелких ремесленников, торговцев и крестьян также становится все более бедственным вследствие падения покупательной способности пролетариата, начинается наступление предпринимателей на зарплату. Сдельные ставки снижаются. Существующие тарифные ставки снижают путем непосредственного уменьшения или путем соглашения с профсоюзами, а также при помощи арбитражных решений. Выбрасывают на улицу мансфельдских горняков, хотят снизить их зарплату на 15%, и лишь после 9-недельной борьбы предприниматели заключают соглашение с профбюрократами, в результате чего зарплата горняков снижается на 12%. Эйнгаузенское арбитражное решение снижает зарплату рабочих на Рейнско-Вестфальских сталелитейных и железоделательных предприятиях. Буржуазия заявляет, что все угольные районы, вся металлопромышленность Германии должны последовать примеру Эйнгаузена. Социал-демократы и профбюрократия предают рабочих в борьбе и расчищают путь для нового наступления буржуазии. Только этим предательством об'ясняется цинизм буржуазии, заявившей в разгар предвыборной кампании о расторжении тарифных договоров горняков и металлистов.

Нужда служащих и чиновников растет в связи с массовыми увольнениями и сокращением жалования. Новые налоги на предметы массового потребления, поднятие квартирной платы, прекращение ассигновок на новое строительство увеличивают нужду мелкой буржуазии и крестьянства до крайних пределов. Правительственные круги и с.-д. партия знают, что подобная политика должна вызвать возмущение масс. Для того, чтобы можно было легче подавлять радикальные течения, социал-демократический министр внутренних дел Зеверинг создает закон о защите республики и социал-демократические министры запрещают пролетарские организации. Классовая юстиция обрушивается на коммунистическую печать, на предприятиях терроризуют революционных рабочих, выбрасывая их на улицу и исключая их из профсоюза. Бастующие рабочие, борющиеся со снижением зарплаты, рассматриваются, как рабочие, добровольно оставившие свою работу, в результате чего они лишаются пособия по безработице. Все это—мероприятия, явно

направленные против рабочего класса; однако, для того, чтобы сохранить видимость беспристрастия,—принимаются некоторые полицейские меры и против национал-социалистов, как, например, запрещение носить форму, а также запрещение для чиновников вступать в ряды национал-социалистической партии. Но мероприятия против национал-социалистов остаются лишь на бумаге, в то время как меры, направленные против коммунистов, действительно проводятся в жизнь. Буржуазия хочет под флагом национал-социалистической партии укрепить антимарксистский фронт, с большей силой ударить по коммунистическим и революционно настроенным социал-демократическим рабочим. Если эти расчеты буржуазии до сих пор не оправдались, то это случилось не по вине социал-демократов.

Большой успех национал-социалистов является в значительной мере результатом стремления нуждающихся мелкобуржуазных масс и части введенных в заблуждение пролетариев — к радикальному изменению всего общественного строя. Национал-социалисты не имеют никакой программы, в которой было бы изложено, как вожди партии представляют себе изменение теперешнего строя. Они ограничились несколькими демагогическими лозунгами и туманными обещаниями. Единственным конкретным обещанием в их предвыборной платформе является обещание отменить план Юнга и создать «третью империю». Каждый может это понимать по-своему. Их заявление о том, что план Юнга должен быть устранен для того,—чтобы Германия могла стать свободной страной, дает им возможность заниматься самой необузданной социальной демагогией.

Они заявляют, что социальные проблемы могут быть разрешены лишь после падения плана Юнга. Таким образом они избавляют себя от необходимости начать немедленно борьбу за выполнение своих обещаний.

Так как буржуазия знает, что в настоящий момент и в условиях капитализма невозможно устранить план Юнга, то социальная демагогия национал-социалистов не считается особенно опасной. На запрос нью-йоркских финансовых кругов, обращенный к представителям Рейнско-Вестфальского банковского мира, о том, как там расценивают победу национал-социалистов, одна бохумская банковская фирма ответила: «Мы не боимся национал-социалистов, единственной опасностью является большевистская волна, проявившаяся в победе коммунистов». Именно то обстоятельство, что национал-социалисты не выступили с ясной программой, позволило им давать различным слоям населения в соответствии с их потребностями разные обещания, которые друг другу противоречат. Однако, в виду своей политической отсталости, национал-социалистические массы не видят этих противоречий.

Безработным национал-социалисты обещают работу или более щедрую поддержку, занятым рабочим они обещают более высокую зарплату и лучшие условия труда, мелким торговцам и ремесленникам—снижение налогов, мелкому крестьянству — финансовое облегчение и субсидии, фабрикантам — уничтожение профсоюзов и марксистского влияния на рабочих, людям, пострадавшим от инфляции, — финансовое возмещение, чиновникам — обеспечение их положения и отмену «чрезвычайной жертвы», безработным торговым и техническим служащим — работу и привилегированное положение, прежним офицерам — новую армию, покрытую славой. Таким образом, национал-социалисты собрали вокруг себя все недовольные элементы, которые, не задумываясь над проблемой осуществления своих желаний, хотели как-нибудь выразить свое недовольство существующим порядком вещей и свое стремление к «третьей империи». Эта туманность желаний и целей национал-социалистических избирателей, равно как и социальный состав партии, говорит о том, что сила национал-социалистов далеко не так велика, как это можно думать, если судить об этом только по числу полученных ими голосов. Качество этих голосов нельзя сравнить с их количеством. Актив партии сравнительно не велик. Если размеры партии оказывают притягательную силу и создают по внешности впечатление мощи, то, с другой стороны, разнородность сил партии создает для нее угрозу развала.

Социал-демократия потеряла 600 тыс. голосов, эта потеря об'ясняется, в первую очередь, той политикой предательства дела рабочего класса, которую социал-демократия ведет. Если бы социал-демократия не находилась в этой предвыборной кампании в оппозиции и если бы ее аппарат и ее сотни тысяч должностных лиц не сделали столь крупных усилий по демагогическому уловлению голосов, то потери социал-демократов были бы еще более значительными.

Широкие рабочие массы не забыли, что социал-демократы, вопреки своим предвыборным обещаниям, данным в 1928 году, отменили бесплатное питание детей и построили броненосец. Они знают, что Гильфердинг, Виссель, Мюллер и Зеверинг участвовали во всех гнусных мероприятиях.

Особенно хорошо рабочие помнят об арбитражных решениях Висселя, ухудшавших условия труда, о снижении им поддержки безработных, о законе Зеверинга о защите республики, о кровавых подвигах социал-демократических полицей-президентов Цергибеля (1 мая 1929 г.), Шенфельдера—в Гамбурге, Флейснера—в Лейпциге (1930 г.), о запрещении Союза красных фронтовиков и антифашистских отрядов молодежи, о скандальных аферах Бролата, Склярека и других, о штрейкбрехерской работе и раскольнической деятельности амстердамских профбюрократов, в особенности во время мансфельдского конфликта и конфликта в Рейнско-Вестфальской тяжелой промышленности, о конкордате с папой, подарившем католической церкви сотни миллионов, о шовинистических речах Герзинга, направленных против СССР, о том факте, что социал-демократические вожди заставили членов союза республиканского флага поддержать патриотическую шумиху и гинденбурговскую политику, направленную против рабочего класса, о том, что они заставили этот союз защищать собрания партии центра и государственной партии от оппозиционных рабочих, и целом ряде других гнусных действий, направленных против рабочего класса.

Рабочие отлично знают, что социал-демократы прилагают все старания к тому, чтобы, проявив еще большее лакейство, попасть в буржуазное коалиционное правительство и, таким образом, получить возможность продолжать антирабочую политику цепных собак своих империалистических хозяев. В этих условиях социал-демократам мало помогло то, что к их услугам был весь профсоюзный аппарат и что им было выдано из профсоюзных касс 2½ млн. марок для предвыборной кампании. Поражение этой партии было заложено уже в самой ее политике.

По тем же причинам, по которым социал-демократы должны были ожидать большого поражения, коммунисты могли с уверенностью ожидать победы. Сознательные слои пролетариата, разочаровавшиеся в социал-демократической политике и возмущенные политикой германской буржуазии, должны были сплотиться вокруг компартии. Компартия везде показала, что она является наиболее боевым представителем рабочего класса, что она с энтузиазмом борется во главе рабочего класса. Никакие преследования и террор не смогли удержать коммунистов от выполнения этого пролетарского долга. Если оппортунистические и слабые элементы в рядах партии недостаточно энергично защищали интересы рабочего класса, партия путем строгой самокритики разоблачала эти недостатки и удаляла эти элементы из своих рядов. Коммунистическая партия совершенно открыто заявляет рабочему классу, что в настоящем положении единственным выходом для пролетариата является свержение капитализма и *борьба за Советскую Германию.*

Партия внедряла в сознание масс необходимость ведения борьбы на основе лозунга «*класс против класса*».

Германская компартия развила перед рабочими массами и всем народом свою программу национального и социального освобождения. В этой программе партия показала, что только компартия и большевистская революция способны разорвать план Юнга и империалистические версальские договоры, свергнуть и обезоружить свой и иностранные классы эксплоататоров.

Социал-демократы кричали об ужасах большевизма. Буржуазные газетные рептилии пытались изо дня в день запугать массы большевистскими призраками. Это им не удалось.

Результат выборов показал, что ошибались оппортунисты, считавшие что подобная ничем не прикрытая постановка вопроса неблагоприятно отразится на отношении масс к коммунистам.

Приходят времена, когда рождение нового мира уже не является одной лишь экономической необходимостью, осознаваемой лишь авангардом революционного пролетариата, когда сами массы уже горячо стремятся к новому общественному строю. Это особенно ясно видно потому, как *голосовала молодежь.* В то время как еще несколько лет назад широкие массы молодежи держались в стороне от политической жизни, сейчас мы наблюдаем совершенно другую картину. Молодежь выступает на политическую арену в качестве активнейшей силы. Мы уже говорили, что молодежь за немногими исключениями отдала все свои голоса коммунистам и национал-социалистам, т.-е. тем партиям, которые хотят изменить общественный строй. Молодежь в наиболее промышленных областях Германии, поскольку она принадлежит к пролетарскому классу, отдала свои голоса компартии. Национал-социалисты собрали голоса мелкобуржуазной молодежи и тех молодых пролетариев, которые мало охвачены коммунистическим движением, как, например, торговые и технические служащие, а также молодежь в мелких сельских городах и батрацкая молодежь.

Наибольший успех компартия имела в крупнейших промышленных центрах; в Берлине, в рурских и рейнских городах и Верхней Силезии. Здесь находятся те три избирательных округа, где компартия является сильнейшей партией, а именно: Берлин, Дюссельдорф-Ост и Верхняя Силезия, а также округа, где компартия сильнее социал-демократии, как Кельн—Аахен, Дюссельдорф—Вест и Галле—Мерзебург. Меньший успех имела партия в сельскохозяйственных округах, например, в Восточной Пруссии, Ганновере, Силезии и Баварии. Но было бы неправильно из этого сделать вывод, что компартия может рассчитывать на значительный успех лишь в районах с сильно развитой промышленностью. При более внимательном рассмотрении результатов выборов видно, что успехи, достигнутые на выборах, связаны не только с промышленным развитием отдельных областей, но они в весьма значительной мере зависят от активности партии и ее способности развязывать и руководить боями рабочего класса. Так, например, результаты выборов в сельскохозяйственном районе Торгау—Либенверда, в Средней Германии и в области Дитмаршен в Шлезвиг-Гольштинии, где партия руководила боями горняков, свидетельствуют о колоссальном росте голосов, поданных за компартию. Партия имела крупный успех и во всех тех местах, где имеются союзы мелких крестьян, находящиеся под коммунистическим влиянием.

Там, где партия развивала энергичную деятельность на предприятиях, она добивалась особенно больших успехов. Лучшим примером является Аугсбург в Баварии. Здесь работают коммунистические ячейки на всех крупных предприятиях. Компартия получила в Аугсбурге 11.012 голосов, против 4.816 в 1928 году; социал-демократы получили 25.673, против 31.272; национал-

социалисты—11.800, против 5.926; баварская народная партия — 30.750, против 24.993. Этот результат является совершенно исключительным в Баварии. Успех коммунистов здесь наиболее крупный в процентном отношении, так же как и потери социал-демократов.

Особенное значение, однако, имеет то обстоятельство, что нац.-социалисты здесь выиграли весьма незначительное число голосов, в то время как в других местах они получили в 5 и даже 10 раз больше голосов, чем в прошлый раз. В Вормсе партия вела весной этого года крупную кампанию среди безработных; при чем полиция стреляла из пулеметов и убила многих рабочих. Здесь коммунисты получили 5.355 голосов, против 1.524, а социал-демократы 5.740, против 6.888. Можно привести и еще целый ряд подобных примеров.

Из районов, где успехи коммунистов были весьма незначительны, следует отметить исключительно интересную картину в Мансфельдской области. Есть места, где коммунисты даже потеряли голоса. Брандлерозцы пытаются доказать, что плохие результаты в Мансфельде об'ясняются тем, что мы вели там неправильную профсоюзную политику.

На самом деле, истинную причину мансфельдских результатов можно понять, лишь присмотревшись к внутрипартийному положению в коммунистической организации этого округа. Дело в том, что в округе Галле—Мерзебург правые и примиренческие элементы удерживали свои позиции дольше, чем в других местах, и даже сейчас там имеется целый ряд оппортунистов, занимающих ту или иную должность в партийном аппарате. *Везде, где имеются оппортунисты, партия не имела успеха на выборах, там же, где оппортунисты были во-время удалены, компартия имела крупный успех.* Так, например, во время забастовки в Гельбра были исключены из партии 40 сторонников Брандлера, и на выборах коммунисты получили в этой местности почти вдвое больше голосов, чем в прошлый раз. В Гетштете, где брандлеровские элементы уже давно исключены из партии, выигрыш компартии составляет 30%. В соответствии с этим уменьшилось число голосов, полученных социал-демократами. Зато в Эйслебене число наших голосов осталось неизменным, социал-демократы потеряли немного голосов, а национал-социалисты имели огромный успех. Здесь необходима чистка нашей партийной организации.

В какой мере рост партии зависит от того, насколько она очищена от оппортунистических элементов, видно по результатам выборов в трех городах, прилегающих к мансфельдскому району. В Вайсенфельде мы этой весной устранили брандлеровские элементы из состава руководства местной организации профсоюза обувников. Число полученных нами голосов поднялось с 4.915 до 7.024; число голосов, полученных социал-демократами, упало с 5.384 до 4.945. В Деличе выступили из нашей партии все железнодорожники, находившиеся под влиянием Брандлера. Число полученных нами голосов поднялось здесь с 2.129 до 2.878, а число голосов, поданных за социал-демократов, упало с 1.572 до 1.408. В Эйленбурге также ушли из наших рядов многочисленные брандлеровские элементы. Здесь число полученных нами голосов поднялось с 2.543 до 3.518. Число голосов, отданных социал-демократической партии, упало с 2.946 до 2.514.

Следует еще отметить, что в городе Ганау, где брандлеровцы, откололившись от партии, смогли увлечь за собой большую часть членов партии, и где они имеют господствующее влияние в местных профсоюзах, число голосов, полученных компартией, уменьшилось на 8 тыс., несмотря на лицемерный призыв брандлерозцев отдавать свои голоса компартии, а социал-демократы получили на 6 тысяч голосов больше, чем в прошлый раз.

Там же, где компартия вытравила оппортунистический яд из своих рядов, она добилась крупных успехов.

В общем, рост коммунистических голосов является довольно равномерным во всей стране. В то время, как в 1928 году компартия имела крупные успехи лишь в Берлине и Рурской области, она теперь добилась везде значительных успехов. Только в очень немногих местах она сохранила прежнее количество голосов или немного потеряла. При этом общем движении вперед по всему фронту партия в одних округах имела более крупный успех, в других менее крупный. В Берлине число полученных нами голосов поднялось лишь на 15%, а в избирательном округе Нижней Баварии — Пфальц — на 125%. Эта огромная разница об'ясняется тем, что партия не могла, конечно, так же сильно вырасти там, где она уже раньше занимала крепкую позицию, как в тех местах, где она до сих пор была слаба.

Результаты выборов говорят о наличии тенденции к сглаживанию различий между отношением коммунистических голосов к общему количеству голосов во всех избирательных округах Германии. Конечно, промышленные избирательные округа попрежнему идут значительно впереди сельскохозяйственных. Относительное отставание наблюдается лишь в избирательных округах Силезии и Восточной Пруссии. Это об'ясняется недооценкой фашистской деятельности среди рабочих и в особенности батраков. Если бы компартия во-время оценила фашистскую опасность в Восточной Пруссии и Силезии, она добилась бы гораздо более крупных успехов в этих двух аграрных провинциях.

Подробный анализ результатов выборов и организационной активности нашей партии на предприятиях среди безработных и батраков покажет, в каких местах партия должна развить большую активность, где она должна усилить свою организационную деятельность и как она должна развить свою работу на предприятиях. Такие факты, как, например, то, что в Липштадте (Вестфалия) беспартийные рабочие сами созвали собрание, выступили с докладом, в котором агитировали за компартию и образовали местную группу в составе 18 коммунистов-батраков, или то, что в далеко лежащих друг от друга Ганноверской и Вюртенбергской областях социал-демократические рабочие организовали коммунистические собрания и создали коммунистические местные группы, говорят о том, что в рядах рабочих замечается стремление установить более тесную связь с компартией.

Можно привести тысячи примеров того, как рабочие даже сельских местностей и таких районов, где до сих пор компартия никогда не выступала, приветливо встречали коммунистов. В маленьком городке Варбург (Гессен), где имеется железнодорожная мастерская и где партия центра имеет господствующее влияние, почти случайно состоялось коммунистическое собрание. На этом собрании железнодорожники заявили коммунистическому оратору: «Хорошо, что ты к нам явился; наши старые связи мы теперь порвали. Национал-социалисты у нас были два раза, и они нас совсем запутали. Теперь мы знаем, что наше место в компартии». Это собрание состоялось за два дня до выборов. Была образована местная группа из 28 членов партии. Треть голосов в данной местности была отдана коммунистам. Эти примеры говорят о подлинном настроении рабочих масс Германии.

Серьезные буржуазные критики как в Германии, так и за границей, придают большее значение победе компартии, чем победе национал-социалистов. Они указывают на то, что национал-социалистическая партия является собранием всевозможных недовольных элементов, что национал-социалистические голоса завоеваны не на основе ясной программы, что партия не имеет такого социального состава, который позволил бы ей вести ясную, твердую политику. Что касается компартии, то ее сила выражается не только в полученных ею 4,6 млн. голосов, но и в ее социальной сплоченности и в том факте, что коммунисты получили свои голоса на основе четкой и ясной революционной программы. Они далее указывают на то, что коммунистические

голоса являются голосами мужчин и молодежи в гораздо более значительной мере, чем в других партиях, что особенно поднимает ценность этих голосов.

Коммунистическая партия получила большинство в десяти рабочих кварталах Берлина, в то время как социал-демократы и фашисты имели успех в мелкобуржуазной западной части Берлина. За коммунистов голосовали в Берлине 392 тыс. мужчин и 346 тыс. женщин. За национал-социалистов—191 тыс. мужчин и 204 тыс. женщин; за социал-демократов—338 тыс. мужчин и 399 тыс. женщин; за германских националистов—136 тыс. мужчин и 214 тысяч женщин; за партию центра — 35 тысяч мужчин и 62 тысячи женщин; за христианско-социальную партию (так называемую «Фольксдинст») — 8 тыс. мужчин и 19 тыс. женщин. В Магдебурге, Кельне, Дюссельдорфе, Мюнхене мы наблюдаем ту же картину.

Отклик, который был вызван результатами выборов, оказался совершенно неожиданным для социал-демократов. Центральный орган христианских профсоюзов «Дер Дейче», выходящий под редакцией министра Штегервальда, заявил, что почти все голоса, потерянные социал-демократами, достались коммунистам и что коммунисты не только выиграли 600 тыс. социал-демократических голосов, но и голоса пролетарской молодежи. «Дер Дейче» рассматривает это как «начало конца социал-демократии».

Вождь германского профсоюзного об'единения Грасеман пытался изобразить неудачу социал-демократов, как «удовлетворительный результат». Орган французской социалистической партии «Ле Пепль» даже заявил, что германские социал-демократы победили и II Интернационал вполне удовлетворен этой «победой». Рядовым членам социал-демократической партии, однако, надоела эта болтовня о победе. Они ясно выражают свое недовольство в резолюциях, в которых они категорически требуют созыва чрезвычайного с'езда для того, чтобы можно было рассчитаться с политикой социал-демократической партии и ее вождями, они просто уходят из с.-д. партии, и наиболее честные десятками переходят в ряды компартии. Раздаются голоса о необходимости исключения Германа Мюллера, Гильфердинга и Вельса из партии. Широкие социал-демократические массы считают теперешний кризис партии гораздо более серьезным, чем кризис, вызванный постройкой броненосца. Они говорят, что коммунисты не совсем неправы, называя социал-демократическую партию социал-фашистской.

«Левые» социал-демократы вновь выступают на собраниях с радикальными фразами. Они заявляют, что они никогда не были согласны с политикой партийного руководства, что им приходилось подчиняться партийной дисциплине и что необходимо себя гарантировать от продолжения этой губительной политики. Одновременно с этим они, однако, разоблачают себя как «левых» обманщиков; так, например, они не поддерживают предложений о запрещении коалиции с буржуазией и даже голосуют за отклонение подобных предложений. Они не хотят связывать свою партию. Они хорошо знают вождей партии, которым никакие решения партийных масс не помешают признать коалицию единственным выходом из положения. «Левые» поэтому заявляют, что не следует отказываться от коалиции и что нужно лишь поставить соответствующие условия.

Однако, недоверие социал-демократических рабочих уже настолько велико, что они заявляют: «Каждый раз, когда дела партии плохи, выставляют тех товарищей, которые умеют лучше всего приспособляться к настроению масс. Мы, однако, не дадим себя обманывать больше «левыми» фразами».

Результат выборов сильно осложнил вопрос об образовании правительства. Имеются лишь следующие возможности.

Одна возможность: коалиция всех партий от социал-демократов до группы Тревирануса, при чем в оппозиции окажутся национал-социалисты

и коммунисты. Для устойчивости правительства необходимо, чтобы социал-демократы подали руку реакционнейшей хозяйственной партии. Социал-демократ Гильфердинг готов пойти на этот эксперимент. Он пишет:

«Поддержка правительства, состоящего из срединных партий, сдвинувшихся так далеко вправо, является для социал-демократов задачей, требующей больших жертв. Эта поддержка становится понятной, если принять во внимание, что она необходима для защиты демократии в парламенте, где большинство враждебно относится к парламенту, при чем хозяйственный кризис поднял не только предпринимателей, но и широкие массы против него... Если парламент удастся сохранить и рейхстаг будет поставлен перед неотложными конкретными задачами, то в силу необходимости, может быть скорее, чем это кажется теперь, возникнет коалиция людей со здравым смыслом, будет выиграно время, и прекращение экономического кризиса поможет преодолеть кризис государства. Если же эта попытка не удастся, то мы окажемся на пороге боев, исход которых неизвестен, при чем общее благосостояние безусловно пострадает»

Социал-демократические лидеры продают себя и свою партию всем желающим, как настоящая проститутка. Хозяйственная партия, однако, не желает брать эту проститутку. Она заявила, что не может активно поддерживать и даже терпеть правительство, которое, в свою очередь, опиралось бы на социал-демократию. Народная партия присоединилась к этому заявлению германской хозяйственной партии. Таким образом, исключается возможность какой бы то ни было коалиции с социал-демократией, явной или тайной. Это не мешает, однако, «Форвертсу» и социал-демократическому руководству попрежнему предлагать свои услуги буржуазии. Под давлением возмущенных социал-демократических рабочих масс Зигфрид Ауфгейзер принужден был поэтому заявить на собрании берлинских социал-демократических партработников: «Рабочим непонятно поведение «Форвертса». Буржуазии предлагают показывать чары социал-демократии по примеру какой-либо кокетки вместо того, чтобы показать кулак». Эта кокетка, однако, уже не может показывать кулак буржуазии и в состоянии лишь предлагать свои сильно поблекшие чары.

Другая возможность заключается в союзе между партией центра и национал-социалистами. Для этого, однако, необходимо, чтобы правительство изменило свою внешнюю политику или же чтобы национал-социалисты и германские националисты отказались от своего враждебного отношения к плану Юнга. Оба маневра наталкиваются на такие трудности, что они являются неосуществимыми.

Брюнинг тем временем заявил, что нет основания для беспокойства за границей и что в Германии не будет такого правительства, которое прекратило бы платежи по плану Юнга или чинило бы затруднения при его выполнении. Германия нуждается в заграничных займах для того, чтобы поднять свою хозяйственную жизнь. Брюнинг принужден был сделать это заявление, так как уже в первую неделю после выборов из касс Государственного банка ушло 240 млн. золотых марок за границу, и иностранные кредиторы, опасаясь изменения германской внешней политики, начинают закрывать свои кредиты. Гитлер также заявил перед всем миром, что национал-социалисты вовсе не являются такими опасными людьми. Они, мол, желают легальным путем, при помощи избирательных бюллетеней завоевать большинство, и для этого должны будут состояться еще 2—3 раза парламентские выборы. Гитлер хочет выиграть время для того, чтобы свои массы, завоеванные им на основе борьбы с планом Юнга, примирить с лойяльной политикой выполнения этого плана.

Таким образом, то обстоятельство, что сейчас невозможна ни коалиция с социал-демократами, ни коалиция с Гитлером, укрепило позицию Брюнинга, несмотря на его поражение на выборах. Брюнинг заявляет, что правительство и не думает уходить, что оно не будет вести никаких серьезных переговоров о коалиции, пока не соберется рейхстаг, и предложит на обсуждение рейхстага свою большую программу реформ. Он вступит в коалицию лишь с теми, кто одобрит его правительственную программу. Если правительство останется в меньшинстве, оно также не уйдет и использует тогда авторитет Гинденбурга. Другими словами, правительство возвещает установление фашистской диктатуры, опирающейся на полицию и армию. Народная партия выражает эту мысль следующим образом:

«Выходом могло бы явиться образование кабинета из беспартийных специалистов и лиц, которым в случае необходимости могли бы быть даны полномочия (Гинденбургом) проводить широкие реформы при помощи параграфа 48 конституции».

«Дейче Альгемейне Цейтунг» комментирует эту идею следующим образом:

«Брюнинг не сможет избежать реорганизации кабинета в случае, если он будет свергнут большинством рейхстага. В этом случае будет только один выход и придется сделать дальнейший шаг на том пути, на который вступил президент республики с первым министерством Брюнинга. Придется образовать совершенно независимый от партий кабинет оздоровления, который должен будет ставить перед готовыми фактами рейхстаг, который придется, по возможности, поменьше затруднять... Так или иначе, надо будет использовать все исключительные постановления конституции и вторичное устранение парламента, как это уже было при оздоровлении положения в Германии в 1924 году».

Тогда это произошло под руководством Эберта, а теперь это должно быть сделано под руководством Гинденбурга. Хранители германской демократии, таким образом, хотят немного поиграть с германским рейхстагом, превратив его в подобие польского сейма. Очевидно, положение очень тяжелое, если в пролетарской Германии хотят испробовать рецепт Пилсудского. Германские рабочие, таким образом, знают, что сентябрьские выборы в рейхстаг приносят им в подарок фашистскую диктатуру, с Гитлером или без него, и скоро они также узнают, какую роль здесь будет играть социал-демократическая кокетка, предлагающая буржуазии свои прелести.

Компартия внесла в рейхстаг два предложения, которые должны разоблачить демагогию социал-фашистов и национал-социалистов. Оба предложения построены на разоблачении тех демагогических основных лозунгов, под которыми эти обе партии вели предвыборную кампанию.

Одно предложение призывает рейхстаг немедленно отменить чрезвычайные распоряжения правительства, сделанные на основе 48 параграфа. Здесь и социал-демократы и национал-социалисты должны показать, насколько серьезно они относятся к борьбе с этими реакционными мероприятиями и правительством Брюнинга. Если социал-демократы и фашисты будут голосовать за это предложение компартии, то чрезвычайные указы правительства будут отменены и вместе с тем отпадет возможность вступления в коалицию для социал-демократической партии. Практически социал-демократия не может делать никаких предложений, которые отличались бы от тех, которые осуществлены Брюнингом в его чрезвычайных указах.

В другом своем предложении компартия требует немедленного прекращения платежей по плану Юнга. И это предложение должно получить большинство, так как, кроме коммунистов и национал-социалистов, избраны в парламент 41 националист и 23 члена хозяйственной партии исключительно благодаря обещанию бороться всеми средствами с планом Юнга.

Совершенно очевидно, что национал-социалисты окажутся здесь в затруднительнейшем положении. Они должны изменить своему основному лозунгу или же потерять какую бы то ни было возможность вступить сейчас в коалицию. Брюнинг сразу увидел и использовал это затруднительное поло-

жение социал-демократов и национал-социалистов в парламенте для того, чтобы заставить тех или других поддержать его политику. Брюнинг уже не спорит о своих чрезвычайных указах и вносит большую «программу реформ», являющуюся венцом всех реакционных мероприятий против трудящихся масс, какие когда-либо проводились в жизнь с момента окончания войны [1]).

Согласно этой программе, жалование всех чиновников и служащих в государстве, в отдельных германских республиках и в коммунах, в железнодорожном и почтовом ведомстве—будет снижено, по меньшей мере, на 6%. Таким образом, будет расчищен путь для систематического снижения зарплаты рабочих. Государственные ассигновки коммунам (в Германии взимаются почти исключительно общегосударственные налоги) должны быть снижены на 100 мли. марок. Также будут уменьшены или вовсе прекращены общегосударственные ассигновки в фонд страхования от безработицы и по случаю кризиса. Взносы рабочих в фонд страхования от безработицы будут подняты с 4½ до 6½ проц. Кроме того будут уменьшены все расходы на социальные и культурные нужды. Налог на табак будет поднят на 177 млн. марок. Законодательная защита квартиронанимателей будет почти полностью ликвидирована, и квартирная плата будет поднята почти на 20 проц. Дефицит в государственной кассе хотят покрыть путем введения новых и повышения старых пошлин.

При помощи всех этих мероприятий хотят с'экономить 5 млрд. марок исключительно за счет трудящихся масс. Руководящие органы буржуазии превозносят эту программу, рассматривая ее, как средство «спасения в последний момент». Они только недовольны повышением взносов в фонд страхования от безработицы, так как это является, по их мнению, до известной степени бременем для предпринимателей.

Президент республики Гинденбург уже одобрил эту программу. Брюнинг может, таким образом, опираясь на авторитет Гинденбурга, на образец Эберта в 1924 году и, в особенности, на армию и полицию, приступить к проведению программы при содействии рейхстага или без такового. Социал-демократия и здесь должна, таким образом, окончательно решиться, так как теперь уже не время для демократических жестов и уловок. Социал-демократы должны или бороться, как этого хотят социал-демократические рабочие массы, или же принести жертвы, как этого требует Гильфердинг для спасения парламента. Нет сомнения, что вся бюрократическая верхушка в этой предательской партии одобрит путь, указанный Гильфердингом. Вопрос лишь в том, позволят ли рабочие массы еще раз обманывать себя «левыми» фразами Кюнстлеров и Ауфгейзеров, или они порвут с системой социал-демократического предательства и станут на сторону германской компартии в боевом классовом фронте.

Проводя соответствующую политику единого фронта снизу, германская компартия укажет путь к революционному классовому фронту рабочим массам, идущим еще за социал-демократией или введенным в заблуждение социал-демагогическими фразами фашистов. Развив предвыборную кампанию на основе программы национального и социального освобождения трудящихся путем создания советской Германии, компартия развивает теперь перед массами свою программу защиты трудящихся от всех нападений буржуазии и фашистов. Компартия призывает к борьбе за все повседневные

---

[1]) Статья писалась до заседания рейхстага. Последующие события целиком подтвердили анализ перспектив, данный в статье. При полной поддержке социал-демократов правительство Брюнинга провело грабительские законы против трудящихся масс, и заседания рейхстага отложены до декабря месяца. Национал-социалисты (фашисты), как в рот воды набрали, когда компартия внесла предложение прекратить платежи по плану Юнга.

требования угнетенных и эксплоатируемых масс, указывая вместе с тем, что эти требования можно осуществить лишь в беспощадной борьбе, что массовая забастовка должна стать средством борьбы рабочих и что только Советская Германия может освободить трудящиеся массы от их цепей и растущей угрозы реакции.

Этой зимой в Германии разыграются бои, имеющие решающее значение. Меры правительства Брюнинга или другого фашистского правительства и наступление предпринимателей не способны успокоить массы и укрепить их веру в новый под'ем капиталистической Германии. Все меры, предусмотренные «программой спасения», не смогут уменьшить растущий дефицит в государственных кассах. Если уменьшить государственные ассигновки коммунам, то последние тем скорее обанкротятся.

По оценке даже буржуазных экономистов, число безработных, вероятно, поднимется до 5—6 млн. Безработные, для которых эта программа правительства является величайшей угрозой, и фабричные рабочие, зарплату которых хотят снизить на 20%,—проявят еще меньшее желание защищать существующий строй, чем низшие чиновники, с которыми государство так плохо обращается. Они не проявят никакой охоты его защищать и в том случае, если в правительство вступят социал-демократы или национал-социалисты.

Германская буржуазия не может рассчитывать даже на помощь других стран, сколько бы она ни пугала иностранных кредиторов под'емом большевистской волны в Германии. После выборов утекло заграницу больше 300 млн. золотых марок. О перспективах получения заграничных займов в настоящих условиях можно судить по следующему заявлению «Финеншел Ньюс»:

> «В одном отношении результат выборов должен оказать благотворное влияние на положение юнговского займа, так как в настоящих условиях вряд ли сделают попытку выпустить в будущем году вторую часть этого займа».

Это и неудивительно. Курс юнговского займа в апреле равнялся уже 72,5, вместо 96 или 100.

В этих условиях напрашивается сравнение с 1923 годом. В этот год инфляции буржуазия, бывшая уже на краю гибели, могла еще спастись потому что компартия не поставила своевременно и правильно вопрос о власти, и в рядах социал-демократии и даже в рядах компартии царили иллюзии о пользе демократической промежуточной стадии между капиталистической диктатурой и диктатурой рабочего класса.

Сейчас все партии и классы ставят эти проблемы яснее чем в 1923 году. Буржуазия теперь совершенно открыто идет к диктатуре, так как, по ее собственным заявлениям, у нее нет другого выхода. Брандлеризм и правый оппортунизм уже не затуманивают умы в рядах компартии. Члены компартии и широкие массы сочувствующих рабочих вылечились от этих иллюзий и совершенно иначе относятся к вопросам решающего значения.

Однако, несмотря на эти благоприятные обстоятельства, не следует слишком легко относиться к создавшемуся положению. Социал-фашисты все еще являются силой в рабочем движении, а национал-фашистов уже во всяком случае не следует рассматривать как слабое оружие в руках наших врагов.

Партия должна поставить в центре организацию экономических боев пролетариата, беспощадно разоблачая всякий оппортунизм и пораженчество (которое есть в партии) в отношении возможности широкого стачечного движения пролетариата в период кризиса. Стачки берлинских металлистов разоблачают этот оппортунизм без остатка. Революционизирование экономических боев (решение V конгресса Профинтерна) является важнейшей так-

тической директивой для партии в руководстве экономическими боями. Только на этой основе партия сможет и должна со всей большевистской энергией и мужеством мобилизовать массы, смело развязывать и организовать их активность (советы безработных, фабзавкомы, создание самостоятельных революционных профсоюзов), поднимая массы до общеклассовых боев и массовых политических стачек и подводя к решающим боям с буржуазией, фашизмом и социал-фашизмом.

Руководство германской компартии поэтому требует от членов партии усиленной идеологической массовой работы, энергичной работы по увеличению партии и улучшению партийных кадров, быстрого установления глубокой организационной связи с предприятиями, создания широкого революционного профсоюзного аппарата самостоятельного сверху донизу, и создания массовых организаций обороны занятых и безработных пролетариев на основе революционного единого фронта.

В теперешних условиях германский пролетариат и, в первую очередь, германская компартия должны проявить отвагу, смелость и мужество. Нужно ясно разбираться в положении, проявить организованность и способность к быстрым действиям.

Не только выборы имеют международное значение, но и вся практическая деятельность германской компартии в ближайшее время приобретает громадное международное значение.

Партия стоит перед ответственнейшими историческими задачами. Звание второй большевистской партии в КИ обязывает. Германская компартия с честью вынесет большевистское знамя из предстоящих классовых боев.

Г. Сафаров.

Октябрь и колониальная революция.

1. Октябрь и антиимпериалистическая революция.

«Великое мировое значение Октябрьского переворота, — писал тов. Сталин, в ноябре 1918 года,—в том, главным образом, и состоит, что он:

1) Расширил рамки национального вопроса, превратив его из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом в общий вопрос об освобождении угнетенных народов колоний и полуколоний от империализма;

2) открыл широкие возможности и действительные пути для этого освобождения, чем значительно облегчил угнетенным народам Запада и Востока дело их освобождения, втянув их в общее русло победоносной борьбы с империализмом;

3) перебросил, тем самым, мост между социалистическим Западом и порабощенным Востоком, построив *новый фронт революций* от пролетариев Запада через российскую революцию до угнетенных народов Востока против мирового империализма» [1]).

Большевики положили в основу своей революционной *стратегии* создание единого антиимпериалистического фронта рабочего класса и угнетенных колониальных народов.

В известном документе «Несколько тезисов», напечатанном *13 октября 1915 г.*, тов. Ленин подчеркивал, что большевики, став у власти, «*систематически стали бы поднимать на восстание все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.)*».

Тезисы II конгресса Коминтерна указывали, что советская власть «должна группировать вокруг себя неминуемо... все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей».

Наконец, в статье «Лучше меньше, да лучше» тов. Ленин прямо говорил, что «исход борьбы, в конечном счете, зависит от того, что Россия, Индия и Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. *В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена*».

На протяжении 15-ти лет стратегическая линия большевизма развивалась твердо и без колебаний в одном направлении. Смычка социалистической революции пролетариата с антиимпериалистической революцией в колониальном мире была и осталась основной установкой большевиков, вытекавшей из большевистско-ленинской оценки современной эпохи.

Меньшевики всех сортов, оттенков и призывов никогда не упускали случая, чтобы выразить свое пренебрежение к «туркестанскому социализму», к большевистской «азиатчине» и т. д.

---

[1]) И. В. Сталин. Октябрьский переворот и национальный вопрос.

Чем больше они разрывали с рабочим классом и обрушивались на него кровавыми репрессиями в развитых капиталистических странах, тем больше они щеголяли, «неприемлемостью» для них союза с «какими-то муллами из Хивы». Это было особенно популярным козырем против большевизма десяток лет тому назад, когда II Интернационал пытался провести обходное движение против Коминтерна, всунув в его ряды своих сторонников, вроде Криспина и Ко.

С тех пор прошло целое десятилетие. Теперь уже никого не обмануть анекдотами о большевистском варварстве, никого не обмануть россказнями о том, что «большевики ради удержания власти готовы примириться с любым средневековьем». *Социалистическая индустриализация* Советского Союза и огромный прогресс *колхозного движения*, а также *строительство совхозов*, воочию доказывают рабочим всего мира, что ленинский пролетарский авангард искал и ищет смычки с отсталыми и угнетенными народами Востока не для того, чтобы топтаться в условиях средневековой отсталости, но для того, чтобы вести их вперед *на путь некапиталистического развития*. Теперь уже II Интернационалу не приходится презрительно отзываться об отсталости колониального Востока. Он вынужден спешно подавлять революцию, которая рвется из подполья — в Китае и в Индии, в Палестине и в Египте. Вандервельде стремительно несется в Китай заключать предсмертный блок с Гоминданом. Макдональд ассигнует полновесные десятки миллионов фунтов на войну с народами Индии, одновременно договариваясь за «Круглым столом» с индийскими раджами и англо-индийскими охранниками о наиболее «экономных» способах подавления революционного возмущения масс.

II Интернационал и его «левые» подручные безуспешно пытались представить большевистскую политику единого антиимпериалистического фронта, как беспринципную погоню за случайными попутчиками.

И это было не случайно. Их отношение к империализму и к борьбе с ним требовало этого. Прикрываясь лживыми фразами о «чисто рабочем» характере революционной борьбы с буржуазией, Криспины, Леви, и Ко искали прикрытия наиболее уязвимых сторон империалистического господства. Еще в довоенное время центризм — прежде всего, в лице австро-марксизма, — достаточно полно и четко определил свое отношение к колониальной революции. Господин Отто Иенсен в своей недавней статье в «Гезельшафт» [1]) весьма кстати напомнил об этом, указав на старую статью Отто Бауэра. Она заслуживает того, чтобы о ней вспомнить, именно, в связи с вопросом о роли пролетарского Октября в деле развертывания колониальной революции.

Господин Отто Бауэр писал в те далекие дни: «Оба движения, вызванные соприкосновением европейского капитализма с Востоком, суть национально-оборонительные движения: *либеральную образованную верхушку и реакционную народную массу* об'единяет одна цель сохранения свободы своей страны против чужеземного господства, поскольку она находится под угрозой; их об'единяет общая цель восстановления этой свободы там, где она уже потеряна. Несмотря на это, эти двоякого рода движения разделяет между собой глубокая пропасть: народная масса стремится сохранить еще старый социальный строй своей страны в полной неприкосновенности от европейских влияний; интеллигенция же стремится европеизировать страну, чтобы бить Европу ее собственным оружием. Это раздвоение парализует национально-оборонительное движение» [2]). Однако, в конце концов, по мнению Отто Бауэра, происходит соединение

[1]) Сентябрь, 1930 г.
[2]) «Кампф». 5-й год изд., № 3.

этих двух, первоначально раздельных, потоков: национально-буржуазная интеллигенция и просвещенная буржуазия воспринимают традиции прошлого, стремясь вложить в них новое содержание, народная, по преимуществу, крестьянская масса принимает руководство имущей и образованной верхушки.

Таким образом, европейский центризм [1]) уже в довоенные годы подходил к колониальной революции с той точки зрения, что в основе своей она представляет собою *реакционное* сопротивление отсталых масс, восстающих против завоеваний «цивилизации». Только имущая и образованная верхушка может до известной степени локализовать, а отчасти и парализовать, реакционный характер массового движения. Чем меньше и тоньше этот верхушечный слой, чем больше движение принимает характер массового *крестьянского* возмущения против империализма, тем более опасным становится оно с точки зрения судеб исторического прогресса. Российские меньшевики исповедывали примерно такие же взгляды относительно крестьянства. Не они ли доказывали в период 1905—1907 годов и раньше, что пролетариат должен искать союза с либеральной буржуазией, которая знает и понимает, что такое демократическая республика, тогда как крестьянская масса, несмотря на свое стихийное недовольство господством помещичьего землевладения, все еще продолжает верить в царя, все еще не в состоянии понять преимуществ конституционного правового государства? Вне всякого сомнения, австро-марксизм, а вместе с ним и весь международный центризм, поворачиваясь «лицом к Востоку», еще в довоенное время заимствовал свою основную установку у российского меньшевизма, хотя и опирался при этом также на австрийский опыт.

На почве буржуазной демократии вообще, нельзя ни понять революционное движение в колониальном мире, ни, — тем более, — проложить путь к союзу с ним. Ибо на этой загнившей и разложившейся почве нет и не может быть борьбы с империализмом. Во всех развитых капиталистических странах история поставила в порядок дня борьбу за диктатуру пролетариата и, как-раз по этой причине, вся борьба рабочего класса в каждой отдельной империалистической стране поднялась на более высокую ступень, перед рабочим классом каждой империалистической страны встала задача проведения смычки с восточным крестьянством, угнетаемым империализмом. Чтобы понять своеобразие и движущие силы колониальной революции, нужно понять ее *конкретную историческую связь* с борьбой за пролетарскую диктатуру, нужно уяснить себе *неизбежность* ее в эпоху империализма, империалистических войн и пролетарских революций. Только тогда своеобразие и специфические особенности колониальной революции, ее исторический смысл и значение станут ясными и понятными.

Меньшевизм не мог найти правильного подхода к аграрно-крестьянской революции в России потому, что он не мог понять революционного своеобразия крестьянского движения, которое на первых своих этапах еще не могло вполне избавиться от патриархальной оболочки, несмотря на то, что об'ективно-историческое содержание этого движения, его основа была революционной. Точно так же международный меньшевизм в довоенные годы проглядел революционную сущность борьбы против империализма в колониях, «заглядевшись» на буржуазную демократию. Ему не стоило большого труда проделать дальнейшую эволюцию — сначала к откровенному социал-империализму и социал-пацифизму, а затем — к социал-фашизму и прямой поддержке интервенции против революционных движений в колониях и против СССР как об'единяющего центра этих движений. Начав идейный обстрел колониальной революции с помощью меньшевистских доводов в довоенные годы, Отто Бауэр и Ко затем без труда стали якобы «рабочими» предста-

[1]) Нынешний «левый» социал-фашизм.

вителями воинствующего империализма. Как для идеологов рабочей аристократии и рабочей бюрократии, для них была неизбежна ставка на поддержку империализма и на борьбу с рабочим и крестьянским движением колоний и полуколоний при помощи туземной контрреволюционной буржуазии.

Октябрь, поставив под вопрос господство капитализма во всем мире, нанес решающий удар господству империализма в колониях.

Наряду с международной системой империалистических государств образовался Союз Социалистических Советских Республик, на территории которого была полностью, по-пролетарски, разрешена национальная и национально-колониальная проблема.

Тов. Ленин, никогда не уставал подчеркивать, что существование международной системы империалистических государств делает совершенно неизбежными национальные восстания и национально-революционные войны. Осуществление диктатуры пролетариата на территории бывшей царской империи уже само по себе должно было вызвать кризис международной системы империалистических государств. Революционная ликвидация разбойничьего Севрского договора о разделе Турции и создание национально-независимого турецкого государства, развертывание революций в Китае и в Индии, образование народно-революционной республики в Монголии, пробуждение черной Африки и развитие борьбы арабских народов за свою независимость,— все это стало возможным и неизбежным, главным образом, потому, что на территории бывшей царской России было не на словах, а на деле, уничтожено «разделение наций, угнетенных, зависимых и неравноправных, от наций, угнетающих, эксплоататорских, полноправных»[1]). Международная система империалистических государств была прорвана. Создался советский противовес этой системе. Чем больше развивалось строительство советской власти, тем больше Советский Союз становился одним из важнейших факторов развязывания колониальной революции.

Империалистическая война вызвала ряд попыток использования противоречий между воюющими державами со стороны угнетенных наций — для завоевания государственной самостоятельности, примером чего может служить ирландское восстание 1916 года. Однако эти попытки, когда они были связаны с верхушечными комбинациями, с тем или иным империализмом, влекли затем угнетенные нации на путь империалистического перерождения, поскольку им удавалось добиться государственной самостоятельности. Характерным с этой точки зрения было самоопределение чехов в союзе с Антантой и в ходе прямой интервенции против советской власти.

Октябрьская революция не смогла сразу выдвинуть повсеместно в качестве руководящей силы национально-освободительной борьбы отсталых народов,— рабочий класс и крестьянство. Но даже и там, где во главе восстания против империализма оказались буржуазные и даже феодально-буржуазные элементы, эта национально-освободительная борьба приняла четкие и определенные формы революционной войны против империализма. Примером могут служить Турция, Марокко, Китай.

На это указывал тов. Ленин еще в 1919 году,— выступая на II Всероссийском с'езде коммунистических организаций народов Востока, он говорил: «Я думаю, что то, что проделала Красная армия, ее борьба и история ее победы будут иметь для всех народов Востока гигантское значение. Ее борьба покажет народам Востока, что, как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее, революционная война, которую ведут угнетенные народы, если она сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплоатируемых, таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, Сибири, опыта, который проделан Советской Республикой, подвергшейся нашествию всех могущественных стран империализма»[1]).

[1]) Резолюция II конгресса К. И.

Если до Октябрьской революции национально-революционные войны на Востоке были более или менее исключением из правила, то с победой Октября они стали неизбежным следствием огромной революционной раскачки масс в масштабе миллионов и десятков миллионов. Октябрьская революция подняла антиимпериалистическую борьбу на более высокую историческую ступень,— она открыла новую эпоху национально-революционных войн.

В колониальных и полуколониальных странах, где национальная раздробленность и отсталость поддерживаются господством феодально-помещичьего строя и империализма, революционное развитие совершается с крайней неравномерностью в разных частях страны. Колониальная революция, как показал опыт Китая, переходя в решающую фазу борьбы с империализмом, завоюет себе определенную территориальную базу, чтобы, опираясь на нее, вести свое дальнейшее наступление. Северный поход в 1926—27 году был бы невозможен, если бы китайская антиимпериалистическая революция не отвоевала себе с оружием в руках территориальную базу в Кантоне и Гуандунской провинции. Новый революционный под'ем в Китае уже привел к созданию компактных советских районов, существование и укрепление которых обеспечивает дальнейшее развертывание революционного под'ема. Условия колониального режима, с одной стороны, вызывают стихийное возмущение масс в форме вооруженных выступлений, с другой стороны, обусловливают неравномерность созревания революции в общенациональном масштабе. Открыв новую эпоху революционных войн в колониях, Октябрьская революция указала восстающим народам пути победоносной борьбы. Отношение к национально-революционным войнам, в период империалистической войны, вызвавшее резкие расхождения между ленинизмом и представителями «левого» сектантства, в послеоктябрьский период стало одним из коренных вопросов борьбы между ленинизмом и оппортунизмом как «левого», так и правого толка.

2. Борьба двух путей на колониальной почве.

Англичанину, отправившемуся в Индию, чтобы хорошенько разузнать настроение масс, пришлось слышать от одного мусульманина, рядового участника национальной борьбы — в период первого революционного под'ема в Индии в послевоенные годы,— следующие любопытные заявления: «Вопрос о халифате, религиозный вопрос, вызывает наше возмущение. Нечего добиваться нашей лойяльности, когда мы смотрим на вас, как на врагов нашей

[1]) Т. XVI, 1-ое изд., стр. 383

религии. В руках халифа должна снова оказаться охрана святых мест. Англия должна убрать свои войска из Месопотамии и оставить Аравию. Тогда арабы с турками справятся со своими взаимными спорами. Шесть месяцев тому назад мы были готовы броситься на пулеметы, если бы только наши вожди дали знак». Англичанин-наблюдатель к этому иронически добавляет: «Интересно, как одна и та же вещь может выглядеть по-разному: индус-лавочник в соседней деревне сказал мне,— шесть месяцев тому назад они были готовы разгромить все наши лавки, если бы их вожди не удержали их от этого» [1]). Этот отрывок рисует перед нами самую первоначальную стадию революционной борьбы, когда под маской религиозного возмущения складывается и растет первое антиимпериалистическое движение. Уже на этой первоначальной стадии оно таит в себе классовые противоречия. Вопрос о халифате оказывается одновременно и вопросом о борьбе против индусского ростовщика, который стоит за прилавком, чтобы было легче вытягивать ростовщические проценты из забитой крестьянской массы.

Антиимпериалистическая борьба требует огромнейшего напряжения сил, политической мобилизации многомиллионных масс, лишь впервые втягивающихся в политику. Пусть первоначальными носителями антиимпериалистической борьбы будут представители национальной, торговой и промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции или даже либеральные представители феодально-помещичьего землевладения. На начальной стадии они могут быть застрельщиками борьбы — не потому, что они хотят этой борьбы больше, чем рабочие или крестьяне, а потому, что рабочая и крестьянская масса еще не оторвалась от этой имущей и образованной верхушки, потому, что она не может еще самостоятельно выражать свои интересы. Под давлением общенационального революционного под'ема буржуазная и буржуазно-помещичья верхушка должна выступать против империализма. Исключительная обстановка и исключительный размах общенародной борьбы могут даже заставить ее взять в свои руки руководство революционной войной против империализма, как это было в Турции и в Китае в 1925—27 гг. Присоединяясь сверху к общенациональному антиимпериалистическому возмущению, национально-буржуазная верхушка может на время ослабить даже свою внешнюю связь с помещичьим землевладением и феодально-помещичьим укладом. Бывают положения, когда история заставляет ставить ставку на антиимпериалистическую борьбу, так как без этой ставки буржуазия рискует потерять всякую возможность воздействия на массы. Однако дальнейшее вовлечение масс в борьбу неминуемо ведет к классовому расколу единого антиимпериалистического фронта. Если в период первого послевоенного революционного под'ема на Востоке основное влияние Октябрьской революции шло по руслу раскачки антиимпериалистической борьбы в общенациональном масштабе, то на последующих ступенях развития, и особенно в условиях нынешнего революционного под'ема, это влияние выливается в форму прямого использования восстающими массами опыта большевистской борьбы. Развитие движения приводит к тому, что с реального классового содержания борьбы спадает ветошь патриархальных и патриальхально-феодальных форм, что рушится «классовый мир», подпиравшийся отсталостью масс. Октябрь не только открыл эпоху национально-революционных войн против империализма на Востоке. Он также перенес на колониальный Восток борьбу двух основных исторических методов решения задач буржуазно-демократической револю-

[1]) J. T. Gwynn. Indian Politics. p.p. 91—92.

ции. Еще и сейчас на фронте марксистского востоковедения подвизаются нередко правые оппортунисты, которые, решительно восстают против известного положения Маркса о том, что «революции — локомотивы истории». Эти представители мелкобуржуазного либерализма склонны измерять революционные возможности в той или иной стране лишь в зависимости от силы, организованности и просвещенности буржуазии. Экономическая и культурная отсталость Востока им до сих пор кажется «пределом, его же не прейдеши». Они не могут и не хотят понять значения Октябрьской революции для колониального Востока, не могут понять значения классовых противоречий, как движущей силы антиимпериалистической колониальной революции. Если троцкизм выступил на Востоке с меньшевистской попыткой изолировать рабочий класс от антиимпериалистической борьбы, то правый оппортунизм — и в теоретической области, и на практике, — нашел свое выражение, прежде всего, в отрицании или недооценке аграрно-крестьянской основы антиимпериалистической революции. В этом смысле он также нашел общий язык со II Интернационалом. Что характерно для него, так это то, что он не ищет черт сходства между колониальной революцией и Октябрем, но, наоборот, стремится выставить колониальную отсталость как китайскую стену между ними. А между тем, весь опыт большевистской борьбы за гегемонию пролетариата в крестьянской революции устанавливает неразрывную историческую преемственность между Октябрем и колониальной революцией. Октябрь мог быть подготовлен только длительной борьбой между пролетарскими и буржуазно-помещичьими тенденциями еще в условиях созревания буржуазно-демократической революции. Ни Маркс и Энгельс, ни Ленин никогда не разрывали единого комплекса исторического процесса и не пытались превращать в либеральное пугало экономическую и культурную отсталость народов. Напротив того, — они устанавливали прямую и непосредственную преемственность между крестьянскими войнами, 1793-м годом во Франции и позднейшими революциями с активным участием пролетариата.

В своей замечательной статье «К оценке русской революции» тов. Ленин, подчеркивая выдающуюся революционную роль крестьянства, отмечал [1]): «Указанный нами особый характер русской буржуазной революции выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени, но сближает ее с великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль. В этом отношении в высшей степени заслуживает внимания то, что писал Фридрих Энгельс в своей замечательно глубокой и богатой мыслями статье: «Об историческом материализме» (английское предисловие к «Развитию социализма из утопии в науку»... «Оригинальное явление, — говорит Энгельс, — во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация в Германии и крестьянская война XVI века; английская революция XVII века; французская XVIII века) «боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы разоряется неизбежно, вследствие экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоманри (yomanry — крестьянство), почти совершенно исчезло. А, между тем, исключительно благодаря вмешательству этого йоманри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот. Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их,— для этого было

[1]) Т. XII. Изд. Ин-та Ленина. Стр. 210—211.

необходимо довести революцию значительно дальше такой цели. Совершенно то же самое было в 1793 году во Франции, в 1848 году в Германии. Повидимому, *таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества*». И в другом месте той же статьи Энгельс указывает, что французская революция была «первой революцией, в которой борьба была доведена до полного уничтожения одного из комбатантов (одной воюющей стороны), именно аристократии, и до полной победы другого, именно буржуазии». Оба исторические наблюдения или обобщения Энгельса замечательно подтвердились ходом русской революции. Подтвердилось и то, что только вмешательство крестьянства и пролетариата,— «плебейского элемента городов»,— способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX в. безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто). Подтвердилось и то, что революцию надо довести значительно дальше ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей для того, чтобы действительно осуществить эти цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания».

Чтобы победить царизм, еще в довоенных условиях приходилось ставить вопрос об *условности и относительности* буржуазно-демократических рамок. Что же следует сказать о колониальной революции, которой сразу же приходится вступать в прямой и смертный бой со всей мировой системой империализма?

Недавно в «Preussische Jahrbücher» немецкий империалист, скрывшийся под псевдонимом «Азиатикус», вполне правильно заметил, что «без преувеличения можно сказать, что Британская Индия после самой Англии составляет важнейшее звено Британской Империи,— потеря Индии означала бы конец Британской Империи. Так как сохранение Индии в пределах Британской Империи есть для последней вопрос жизни и смерти, то не может быть никакого сомнения в том, что Англия будет защищать свои позиции в Индии с такой же непреклонностью и упорством, с какой она боролась в мировой войне за победу над центральными державами. Нужно учесть, что владение Гибралтаром, Мальтой, Суэцким каналом и Аденом, как и вся политика Англии на переднем Востоке, в конечном счете, преследует лишь одну цель — обеспечение связи с Индией, что *Англия для достижения этой цели не побоялась прибегнуть к мировой войне, к проведению раздела Турции и к тому, чтобы после мировой войны посеять бесконечные раздоры на Арабском полуострове. Английские попытки прибрать к рукам Южную Персию и Афганистан преследуют эту же цель*». Азиатикус совершенно прав. Англия готова перевернуть вверх дном весь мир, лишь бы сохранить Индию, и, уж конечно, не гомеопатические средства «пассивного сопротивления» заставят ее убраться оттуда. Но английское господство в Индии не только — важнейшее звено существования Британской Империи, оно является также важнейшим элементом *международной системы* империалистических государств. Господин Азиатикус сам обнаруживает это, заявляя, что «Германия, несмотря на все человеческие (!) симпатии в борьбе за независимость индийского народа, искренне желает, чтобы Англии удалось сговориться с Индией... Ибо *хаос в Индии означал бы катастрофу для народного хозяйства всей Западной Европы, а также создал бы благоприятнейшую почву для большевизации Азии*» [1]).

[1]) Октябрь, 1930 г.

Победоносная борьба с империализмом требует такого напряжения сил и такой мобилизации масс, которые под силу только революционным классам, которые можно осуществить только при соединении антиимпериалистической и антифеодальной революции. Вопрос о борьбе между буржуазно-помещичьим национал-реформизмом, который под давлением классовых противоречий быстро перерастает в буржуазно-помещичью контрреволюцию, с одной стороны, и рабоче-крестьянским лагерем, с другой,— на современном Востоке приобрел решающее значение. Это — *вопрос о коммунистических партиях на Востоке*. Еще на II конгрессе Коминтерна тов. Ленин говорил: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое националистическое движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. *Было бы утопией думать, что пролетарские партии*, если они вообще могут возникнуть в таких странах, *смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах*» [1]).

Опыт китайской революции блестяще доказал правильность этого взгляда, вопреки троцкизму и чендусюизму. Троцкизм пытался оторвать борьбу за землю от борьбы с империализмом, противопоставить одну другому, изолировав тем самым рабочий класс. Чендусюизм пытался «принести» аграрно-крестьянскую революцию «в жертву» антиимпериалистической борьбе. На деле, он пришел к капитуляции перед Гоминданом. Коммунистические партии на Востоке могут найти себе опору в массах постольку, поскольку они способны выступить в *качестве пролетарского авангарда, сознательного проводника антиимпериалистической и антифеодальной революции. Их борьба неотделима от борьбы двух основных исторических тенденций, неотделима от борьбы между буржуазно-помещичьим национал-реформизмом и борьбой пролетариата за свою гегемонию в крестьянской, антиимпериалистической и антифеодальной революции.*

В Китае в антиимпериалистической борьбе, принявшей форму национально-революционной войны, на определенной ступени стало неизбежным решительное столкновение между буржуазией и рабоче-крестьянским лагерем *из-за отношения к аграрно-крестьянской революции*. Новый революционный под'ем в Китае начался не случайно с массовых восстаний крестьян против помещиков. Не случайно эти восстания на первых же шагах привели к столкновению с империализмом. Нынешний революционный под'ем в Китае продолжает восходящую линию развития китайской революции, оборвавшуюся благодаря поражению рабочих и крестьян в 1927 году.

А в Индии? В Индии национал-реформистская буржуазия ищет контрреволюционного компромисса с английским империализмом в целях спасения помещичьего землевладения, ростовщичества и колониальных «норм» эксплоатации рабочей и крестьянской массы. Она проповедует «пассивное сопротивление», потому что переход антиимпериалистической борьбы в высшую стадию неизбежно покончит бесповоротно с ее влиянием на массы, с ее политической гегемонией.

[1]) Т. XXV, стр. 352.

Десяток лет назад рабочий класс колониального Востока еще представлял слишком слабую силу, чтобы можно было с полной определенностью говорить о непосредственном проведении пролетарской гегемонии в национальной революции каждой отдельной отсталой страны. А сейчас опытом классовых битв доказано, что для стран колониального Востока, во главе с Китаем и Индией — пролетарская гегемония является обязательным условием действительно победоносного развития антиимпериалистической революции. Индийский пролетариат, уже вписавший славные страницы в историю революционной борьбы за освобождение Индии, еще слишком отстал по сравнению с китайским пролетариатом, прошедшим хорошую боевую школу, начиная с расстрелов У Пей-фу в 1923 году и кончая нашими днями, боями за советы на Ян-Цзы.

Однако, даже буржуазные ученые с величайшей опаской оглядываются на индийских рабочих, усматривая у них подозрительные черты сходства с российскими пролетариями.— «Крупные предприятия с более чем 50 рабочими составляли 70% в 1911 году и 55% в 1921 году, если брать только современные предприятия; но они занимают — соответственно — 95% — 94% рабочих. Самые крупные предприятия с более чем 400 рабочих составляли 17,4% всех предприятий в 1911 году и 12,8% — в 1921 году, ими было заиято 74% и 72% всех рабочих. Индия, таким образом, находится в условиях, довольно сходных с обстановкой довоенной России: с одной стороны, распыленные мелкие ремесленные предприятия, а, на другом полюсе,— крупная промышленность с более чем 400 рабочих на предприятии по большей части под управлением иностранцев, использующая ¾ всех рабочих. В отличие от европейской промышленности, которая переходила постепенно от мелких предприятий к средним, а затем к крупной промышленности, в Индии современная промышленность с самого начала родилась во всеоружии усовершенствованного технического оборудования и при наличии достаточных капиталов» [1]).

Само собой разумеется, что развитие крупной промышленности в Индии—незначительная величина по сравнению с размерами страны и об'емом ее потребностей. Тщетно сторонники социал-демократической теории деколонизации старались бы найти зацепку для оправдания своих взглядов. Однако структура индийской промышленности такова, что она выдвигает рабочий класс в качестве решающей революционной силы, несмотря на общую промышленную отсталость страны в целом. Рабочий класс колоний и полуколоний является, так сказать, собирательным выразителем всех общественных противоречий в общенациональном масштабе и благодаря своему месту, своей роли в крупном промышленном производстве, и благодаря своей неразрывной связи с крестьянством, и благодаря господству патриархально-феодальных и ростовщических форм эксплоатации даже на самой фабрике. Это позволяет ему выступать в качестве организатора крестьянских масс, это выдвигает его в качестве собирателя и организатора крестьянской армии.

За 13 лет, протекших с начала Октябрьской революции, рабочий класс колониального Востока вырос в самостоятельную революционную силу. Благодаря этому в гораздо большей степени, чем раньше, определились и классовые условия и предпосылки победы колониальной революции в борьбе с империализмом. Тов. Ленин требовал «точного классового определения революции» и полагал, что только революционная диктатура, только диктатура революционных классов

[1]) André Philip L'Inde Moderne. 1930, p. 113.

способна четко и точно определить конкретно-историческое классовое содержание революции. Действуя на огромном историческом расстоянии, Октябрь помог рабочим и крестьянским массам Востока найти свое место в колониальной революции. Лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в советской форме облекся в плоть и в кровь в наши дни — благодаря революционному развитию в Китае, в Индии, в Индонезии, в Индо-Китае, в Египте, в Палестине, в Южной Африке и т. д. Мы имеем налицо целый ряд исторических переходов и оттенков, с особой группировкой классовых сил по отдельным странам. Некоторые движения напоминают крестьянские войны позднего средневековья, другие, как, например, движение за советы в Китае, уже позволяют заглянуть в завтрашний день и установить прямую и непосредственную связь их с великим Октябрем. Однако, все эти движения проникнуты и пронизаны единой исторической тенденцией: Октябрьская революция положила начало революционной крестьянской войне против империализма и против феодализма под руководством пролетариата и на отсталом колониальном Востоке.

В самых разнообразных антиимпериалистических движениях проявилась тенденция крестьянских масс перевести борьбу за национальное освобождение на рельсы одновременной борьбы и против империализма, и против феодально-помещичьего землевладения и ростовщичества. В непосредственной связи с этим выросла и историческая тенденция к соединению борьбы рабочего класса с борьбой крестьянских масс. Антиимпериалистическая революция неотделима от антифеодальной, аграрно-крестьянской революции. В Китае это стало уже неот'емлемым завоеванием массовой борьбы, и там лозунг революционной диктатуры пролетариата и крестьянства в советской форме является лозунгом борьбы сегодняшнего дня в буквальном смысле. В Индии дело только еще идет к этому, но не даром же английские империалисты отмечали с величайшей тревогой уроки Шолапура.— «Чернь установила там своего рода собственную администрацию, и определенные вожаки присвоили себе роль управляющих органов»,— горевал «Индиэн Стейтсмен» (15/V). И наставительно добавлял: «Город стал фокусом опасности для всей страны».

Тот факт, что в настоящее время вожди Нац. конгресса вынуждены обещать массам уже сейчас создавать государственный аппарат, в противовес аппарату британского господства, показывает, что идеи революционной диктатуры выражают исторически-назревшую потребность массового движения; от них не уйти даже контрреволюционной буржуазии, которая создает картонные мечи, стараясь забежать впереди масс, чтобы помешать им строить свою революционную диктатуру. Классовый раскол углубляется, углубление его даст надлежащую классовую основу революционной диктатуре.

Советы пробили себе путь на колониальный Восток. Они стали в Китае живым воплощением пролетарско-крестьянской революции против империализма и феодализма. В Индии они — завтрашний день, уже дающий знать о себе сегодня.

Октябрь наложил свой пролетарский отпечаток на колониальную революцию в самой непосредственной форме, в форме развития борьбы за советскую диктатуру пролетариата и крестьянства.

3. Лицом к некапиталистическому пути развития.

Выступая против ультралевого нигилизма в национальном и национально-колониальном вопросе в дни войны, т. Ленин — с исключительной способ-

ностью исторического предвидения — указывал завтрашний день. «Именно свобода отделения, которую польские социал-демократы» «дают» колониям, и привлечет к союзу с большими социалистическими государствами малые, но культурные и политически-требовательные, угнетенные нации Европы, ибо крупное государство при социализме будет значить: на столько-то часов работы в день меньше, на столько-то заработка в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями ради этой «культурной помощи», лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долгоугнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство. При капитализме этот опыт означает войны, обособление, замкнутость, узкий эгоизм привилегированных мелких наций (Голландия, Швейцария). При социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто экономическим, вышеуказанным мотивам, а разнообразие политических форм, свобода выхода государства, опыт государственного строительства—все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще, — основой богатой культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций» [1]).

Право на отделение закреплено в Конституции СССР. В школе гражданской войны, укрепления завоеваний Октября и социалистического строительства ранее угнетенные царизмом нации научились ценить советское решение национального вопроса, научились ценить завоевания Октября в деле уничтожения фактического национального неравенства, в области пролетарской демократии, хозяйственного и культурного строительства. Социалистическая индустриализация и социалистическая реконструкция сельского хозяйства подвели несокрушимый фундамент под Советский Союз. Дюжинные буржуа не могут уйти от признания этого: «Это об'единение различных народов, резко отличавшихся друг от друга не только в расовом и религиозном отношениях, но также и по их хозяйственному укладу, об'единение в Союзе Социалистических Советских Республик», — констатировал Ганс Кон, — «стало возможным только благодаря двум обстоятельствам, таящим в себе зародыш будущих отношений между народами. В противоположность другим государствам, построенным по союзному принципу, СССР безоговорочно признал право на национальное самоопределение, вплоть до признания права выхода из Союза за каждой стороной. Этот выход может быть произведен в любое время и без всякой формальности. Налицо союз, не сдерживаемый насилием... Другим средством создания единства между народами союза было об'единение хозяйственной организации, социализация естественных богатств всех частей Союза и превращение их в общее достояние населения всего Союза... Связь нации с хозяйственной территорией была уничтожена, и таким образом при сохранении полной культурной независимости и при общем расширении возможностей развития для каждого народа была устранена наиболее острая причина национальных противоречий и трений, — борьба из-за естественных богатств, гаваней, путей, таможенных пошлин. Вопрос о границах сделался второстепенным» [2]).

Буржуа не может не перепутать даже при неподдельном желании понять социалистическую революцию. Поэтому Кон — вместо того, чтобы просто констатировать, что там, где частная собственность и капитализм раз'единяют, социализм об'единяет, — пытается изобразить нацию советского типа «чуть-чуть» в духе гнилого австро-марксизма. По Кону, выходит,

[1]) Т. XIX. Изд. Ин-та Ленина, стр. 256.

[2]) Hans Kohn, Geschichte der nationalen Bewegung im Orient, 1928, s. 121.

что нации советского типа не грызутся между собой потому, что политика и культура... отделены от хозяйства. Ему как-то невдомек, что хозяйственное сближение и об'единение наций Советского Союза происходит на основе переделки самими трудящимися массами этих наций всех устоев их хозяйственного, политического и культурного существования. Отсталый уклад перерабатывается в процессе социалистического строительства. Буржуазно-либеральный австро-марксизм не может отделить существования наций от господства буржуазии и помещиков. А это господство неразрывно связано с национальной грызней и империалистическим насилием. Отсюда — попытки, вернее бессильные потуги, австро-марксизма прикрыть это путем превращения нации в «надклассовую», культурно-психологическую надстройку, свести вопрос о свободном самостоятельном развитии наций к пресловутой ублюдочной культурно-национальной автономии. Однако в том-то и горе буржуазно-либеральных кропателей, что советский способ разрешения национального вопроса не только не является формой приспособления наций к условиям международной грызни на австрийский манер, но представляет собою прямое отрицание и опровержение австрийского горе-опыта. Нации пробуждаются, складываются, развиваются, консолидируются — в экономическом, политическом и культурном отношениях — в процессе классовой борьбы. Советский тип наций формируется в борьбе против всех пережитков национального неравенства, в борьбе против мирового империализма и всех элементов капитализма и феодальных остатков в среде ранее угнетенных наций.

Исторически-назревшая необходимость этой борьбы меняет лицо наций.

Заостряя вопрос о борьбе с уклоном к великодержавному шовинизму в условиях социалистической реконструкции, тов. Сталин на XVI с'езде со всей четкостью и определенностью показал, как бесконечно далека большевистская постановка национального вопроса от социал-шовинистской фальсификации марксизма Каутским и К°. Эти господа ставят вопрос о поглощении и ассимиляции отсталых национальностей более передовыми. Каутский писал о возможности растворения чехов в немецкой нации, если бы в середине XIX века в Германии победила пролетарская революция. «Если прав Каутский»,— говорил т. Сталин,— «чем об'яснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые нации, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились как самостоятельные нации? Чем об'яснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации?»

Тов. Сталин дал ясную ленинскую формулировку нашего советского отношения к национальной культуре: «Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,— в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре».

Партия отбила ваганяновско-троцкистские попытки отрицания национальной культуры якобы во имя интернационализма, а — на деле — во имя поглощения «сильной» нацией всех слабых и отсталых наций. Она не могла бы добиться огромных социалистических успехов в области национального строительства, если б она — хотя бы на минуту — примирилась с великодержавным уклоном, если бы она благодаря этому «примирению» дала торжествовать местному национализму. Язык, национальная литература, все развитие национальных культур в СССР стали величайшим средством социалистической реконструкции наций, средством их социалистической перестройки. Нельзя было добиться широкого развертывания колхозного строительства и социалистической индустриализации в национальных республиках и автономных областях без того, чтобы сделать понятными, родными и доступными самой широкой массе трудящихся все завоевания Октября. Партия разгромила султан-галиевщину, вскрыв ее кулацко-буржуазное контрреволюционное нутро. Делами советской власти она доказала, что великодержавный шовинизм ратует за «интернационализм» в духе Каутских и Отто Бауэров, чтобы протащить и отстоять великодержавно-реставраторские тенденции. Делами своими она разоблачила местный буржуазный национализм, показав, что он заботится не о развитии национальной культуры отсталых народов, а о монополизировании права на свободное развитие кулаком, баем, торговцем, буржуазным интеллигентом, об использовании ими национальной культуры в реставраторских, контрреволюционных целях.

«Вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос внутригосударственный, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос международный, вопрос победы социализма в международном масштабе». Тов. Сталину принадлежит крупнейшая заслуга в раз'яснении и уточнении этого интернационального смысла пролетарского Октября. Именно благодаря большевистской твердости и последовательности в проведении национальной политики, СССР стал всемирно-историческим фундаментом подлинно-интернациональной борьбы против империализма, за социализм в мировом масштабе.

Огромные человеческие массы, спавшие до сих пор историческим сном, пробуждаются к революционному творчеству, по-советски строят новый общественный уклад, который нельзя создать с помощью «самой свободной» буржуазной парламентарной республики, который можно построить лишь в самой ожесточенной борьбе с мировым империализмом, в классовой борьбе под руководством пролетариата. Растущие элементы советской диктатуры пролетариата и крестьянства в колониальных революциях зарубежного Востока образуют мост к переходу колониальных наций на путь некапиталистического развития. Советский строй стал формой перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Рождающаяся в тяжелых родовых муках, новая китайская революция по своему историческому типу превосходит наш 1905 год. Она должна по-советски раскачать десятки миллионов кули, батраков, бедняков и середняков, чтобы вымести империалистов из Китая, сокрушить и полностью ликвидировать все прогнившие традиционные устои феодализма и ростовщичества. Аграрно-крестьянскую революцию приходится делать в этой стране под руководством пролетариата города и деревни, опираясь на организованную бедноту, в союзе с середняком, против кулака, который противится проведению мужицкого, буржуазно-демократического равенства по отношению к земле. Руководителем революции выступает коммунистическая партия.

«Опираясь на наиболее обеспеченные районы действия Красной армии, советы в Китае могут связаться с крупными промышленными центрами и под руководством компартии создать советское правительство рабочих и крестьян, единственно способное вывести Китай на новую дорогу — на путь освобождения от обнищания и вымирания миллионных масс, от хозяйственного развала, от гнета буржуазно-помещичьих клик и империалистических сил. В ходе революционного под'ема в Китае наша молодая коммунистическая партия крепнет и превращается в подлинного вождя революционно-освободительного движения рабочих и крестьянских масс. Китай может итти и придет к своему освобождению только под знаменем советов и под руководством коммунистической партии» [1]).

Великий советский пример поднимает массы на борьбу. Все это — новое, невиданное. Но все это с железной необходимостью вытекает из логики революционной борьбы, из развития международных и внутренних противоречий.

Во всемирно-историческом масштабе Октябрь стал непреоборимой силой. Какими жалкими и ничтожными оказываются попытки правых ренегатов и троцкистов, — попытки свергнуть движение сотен миллионов с октябрьского пути.

Какой-нибудь Рой рукоплещет тому, что пролетарский авангард Индии еще не настолько оформился и окреп, чтобы отбросить одним махом предательский Национальный конгресс от руководства массами. Ренегат Троцкий злобно фыркает на революционный под'ем в Китае, предрекая ему поражение. И правые, и «левые» вредители толкуют о незрелости колониальной революции потому, что они — изменники и враги Октября.

Пятилетка — осуществление заветов Ильича. — «Крупное государство при социализме будет значить: на столько-то часов работы в день меньше, на столько-то заработка в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой «культурной помощи».

Будущее время стало уже настоящим. Они «потянулись».

В Шанхае, под пятой кровавого Чан Кай-ши, фабриканты нанимают беженцев голодных районов на свои фабрики, давая им лишь чашку гнилого риса, без всякой заработной платы. В Индии высококвалифицированный паровозный машинист-индус получает около 3 фунтов стерлингов в месяц за ту работу, за которую англичанин рядом с ним получает 15 фунтов. Во всех колониях и полуколониях крестьянство находится в полукрепостном состоянии. Но это — не старое крепостное состояние, крепостничество служит орудием господства мирового капитализма. — Падают цены на хлопок, джут или кокосовые орехи — и «свободный товаропроизводитель», которому некуда деться, обречен на голодную смерть.

В Шолапуре, где в этом году было восстание и «чернь» сумела создать свои органы революционной диктатуры, из 1.000 детей 397 умирают.

А в СССР — 7-часовой рабочий день, неуклонно идет вперед гигантская перестройка, рабочий на социалистической фабрике и крестьянин в колхозе твердо знают, что они строят социализм. В СССР нет безработицы.

Недаром международный капитализм и социал-фашисты надрываются от криков о «советском демпинге», о том, что СССР разрушает «благополучие» империализма!

Как можно примириться с колхозной пшеницей на мировом рынке, если известно, что эта пшеница — продукт социалистического труда, который

[1]) Доклад т. Молотова на XVI с'езде.

освобождает от рабства и более производителен? Как можно примириться с советским вывозом, когда это — апелляция к трудящимся всех стран извлечь революционные уроки из нынешнего кризиса гниющего капитализма?

Колониальная революция, в своем современном виде, — тоже детище Октября!

Октябрь открыл новую эпоху национально-революционных восстаний и войн. В то же время дальнейшее усиление его влияния, в связи с успехами СССР, в связи с ростом влияния Коминтерна на колониальном Востоке, поставило перед колониальными народами задачу завоевания советской диктатуры пролетариата и крестьянства, преобразив весь ход развития колониальных революций.

Октябрь поворачивает колониальные трудящиеся массы лицом к некапиталистическому пути развития, и пятилетке в этом деле принадлежит решающая роль.

Фронт колониальных революций уже сомкнулся с социалистическим строительством СССР, и в этом величайший залог окончательной победы социализма. В этом залог того, что лихорадочно готовящаяся интервенция против СССР встретит такой международный отпор, который будет стоить головы мировому капитализму.

Р. Вайсберг.

Фронт планирования и вредительство.

Цена научной совести.

Вокруг планирования, как вокруг всего нашего хозяйственного строительства, идет ожесточенная классовая борьба. Ошибочно и глубоко оппортунистично представление о планировании, как о каком-то безмятежном рисовании схем, диаграмм, предначертании планов, которые осуществляются в мирном бесклассовом обществе. Кто так представляет дело планирования, тот или сам ничего не понимает или сознательно старается отвлечь внимание партии и рабочего класса, усыпить их бдительность на всем фронте социалистического строительства, укрепляя позиции наших врагов.

Теперь, после раскрытия ряда вредительских шаек, особенно после обнаружения вредительства в планировании, даже слепые должны понять, что планирование является ареной классовой борьбы. Вредителям, из которых многие в порядке очковтирательства толковали и толкуют о том, что никакой классовой борьбы будто не существует, не приходится об'яснять эту простую истину. В своих классовых интересах они захватили ряд научно-теоретических позиций, тщетно пытаясь протянуть кое-где руки и к политической власти. Огромную роль играла при этом их спекуляция наукой. Классическим примером является Громан.

Года три тому назад на одном чрезвычайно бурном заседании малого президиума Госплана, где стоял вопрос об организации работ по контрольным цифрам и где особенно был заострен вопрос об организации работ по методологии планирования, вредитель Громан заявил, что если не будут приняты его предложения об организационной работе, то его «научная совесть» не позволит ему отвечать за достаточно правильную работу.

И в других вопросах он неизменно ссылался на свою «научную совесть», которая, мол, ведет его всегда к определенным «совершенно об'ективным» и абсолютно непреложным теоретическим и организационным выводам, против которых могут выступать только безнадежные профаны. Окруженный в Госплане и в ЦСУ камарильей своих статистиков, занимавших самые различные положения по вредительской и по советской лестнице, Громан пытался производить на окружающих такое впечатление, будто из арифмометров и линеек, которые находятся у него в руках и в руках его друзей, всегда рождается та истина и та руководящая экономико-политическая идея, которые необходимы для пролетариата и для советской власти на данный отрезок времени, при данном состоянии кон'юнктуры. Из тех же арифмометров и статистических таблиц с железной необходимостью должны, по его мнению, вытекать и те директивы, те целевые установки, которые должны быть приняты в народно-хозяйственном плане.

Словом, нет бога, кроме арифмометра, и Громан — пророк его.

Спекуляция «об'ективной наукой» была характерна не только для Громана: в нем этот вид вредительской деятельности получил только наиболее концентрированное выражение. Такого рода «деятельностью» зани-

мались все, или почти все, вредители. Они делали вид, будто их совершенно не интересуют политические вопросы, что они якобы являются глашатаями сверхклассовой истины, обладателями которой они выступают в силу своих специальных, коммунистам недоступных знаний.

Вредители установили грандиозную торговлю оптом и в розницу своей так называемой «наукой». Часть вредителей, не ограничиваясь высокими окладами в советских учреждениях, получала за свою «науку», вернее, за умелое пользование ею, вознаграждение от белоэмигрантов и от заграничных капиталистов или империалистов (см. недавно опубликованные в газетах показания вредителей рабочего снабжения).

Из госплановских вредителей вызывают особый интерес, если их можно так назвать вредители-синтетики, т.-е. те, которые работали над наиболее общими синтетическими политико-экономическими вопросами: над кон'юнктурой, контрольными цифрами, пятилетним и генеральным планом. Мы имеем в виду громановско-базаровскую группу.

В период наибольшего расцвета своей вредительской деятельности Громан и Базаров были по существу на поводу у кондратьевской контрреволюционной организации. Кондратьевская группа ориентировалась непосредственно на крепнущего кулака в деревне и прокладывала пути к власти капиталистов и помещиков. Те разногласия, которые были между громановской и кондратьевской группами накануне их ликвидации являются столь незначительными и столь быстро изживались, что они существенного значения не имеют.

Они мечтали о свержении советской власти, о ликвидации «режима» диктатуры пролетариата» и о восстановлении буржуазно-демократической республики. Сходились в основном и на том, что не мешает прибегнуть к помощи интервенции. Обе группировки особенно тесно сближались друг с другом по вопросам экономической политики.

В то время, когда коммунистическая партия и рабочий класс борются за политику индустриализации, они ставят себе целью направить страну по совершенно противоположному пути, по пути аграрно-индустриального развития. Это — ставка на аграризацию страны, на ее, как выразился т. Сталин еще на XIV с'езде партии, «дауэсизацию» и на превращение СССР в колониальный придаток какой-нибудь одной или нескольких капиталистических стран. Обе группировки, громановская и кондратьевская, контактировали свои политические действия со своей теоретической и практической работой. Они пытались проводить политику кулаков в советских органах через правых коммунистов, стараясь убедить по ряду важнейших вопросов коммунистов в необходимости повернуть экономическую политику страны на путь капитализма или на путь, подготовляющий капиталистическое развитие. Они должны были доказывать неизбежность желательной им политики. Этой цели должны были служить так называемые бесстрастные факты об'ективной действительности, неумолимые цифры громановско-кондратьевской кон'юнктуры.

Кон'юнктура на службе у политики.

Больше всего вредители закрепились в области кон'юнктурных наблюдений.

Кон'юнктура! Это не обычная советская работа, это своего рода греческая пифия, которая каждый месяц, каждый квартал «слепо» изрекает свои слова в отдельных учреждениях, в отдельных ведомствах, по отдельным отраслям народного хозяйства, а потом восходит в Госплан и в Совнарком и устами Громана рисует, якобы научно-об'ективно и беспристрастно действительность. Так они «делали» кон'юнктуру в течение ряда лет.

На словах и без слов, в кон'юнктурных обобщениях и без них вредители говорили советской власти: «вот затруднения, вот растущие узкие места, вот безвыходное положение, которое становится все более угрожающим, все ухудшающимся. Выход один—спуститься на тормозах и без тормозов, развивать экономическую стихию, ослабить экономические рычаги пролетарской диктатуры». Они говорили об ослаблении экономических рычагов пролетарской диктатуры, понимая, что за ними неизбежно должны последовать и рычаги политические.

Совершенно бесспорно, что по линии кон'юнктурной работы громановская школа имела в той или иной форме своих ставленников, своих доверенных и проверенных лиц во многих местах. Нужды нет, если не во все периоды вредительской деятельности они имели оформленные, нелегальные организации. Достаточно было иметь проверенных по старым меньшевистским, эсеровским и кадетским связям людей в советском аппарате для того, чтобы они творили кон'юнктурные обзоры по образу и подобию своему, в духе их собственных социально-политических установок и устремлений.

Притекавшие в Госплан кон'юнктурные материалы, особенно по сельскому хозяйству и по финансам были уже до того в достаточной степени пронизаны громановско-кондратьевским духом, и здесь только ждали своего окончательного оформления в кон'юнктурном совете, возглавлявшемся Громаном.

Так работал вредитель Громан, который с первого дня Октябрьской революции был и оставался непримиримым врагом советской власти.

Само собой разумеется, что никакой марксистской методологии громановцы в кон'юнктурных работах не признавали. Англо-американская школа властвовала безраздельно над умами «советских» кон'юнктурщиков.

В качестве примера укажем на то, как В. Г. Громан построил свой доклад «о декабрьской и квартальной кон'юнктуре» на заседании кон'юнктурного совета 27 января 1928 года.

В этом докладе нет ни слова о промышленности, об энергетике, об индустриализации, о развитии социалистических форм, о капитальном строительстве, если не считать его указания на то, что главным бедствием для народного хозяйства является — мол, то, что «капитальные работы... бурно переливаются сверх программы» и что «вливались миллиарды на строительство». Весь же доклад построен под углом зрения пресловутого рыночного равновесия и базируется на огульном обобщении наиболее отрицательных фактов.

Совершенно недвусмысленно Громан выступает в этом докладе против режима экономии, проводимого партией, и за интересы кулака — «крепкого мужика». «Если, — говорит он, — будут применяться репрессивные меры, вроде досрочного изыскания налогов и ряда других очень тяжелых процессов — это и заставит крепкого крестьянина пойти на такое хозяйство, от которого уже не будут этого требовать».

Громановцы и кондратьевцы напрасно пытались запугивать партию тем, что кулацкие хозяйства будут на основе нашей политики ограничения кулачества сокращать посевы.

Партия не только пошла на политику ограничения кулачества, но перешла к ликвидации его как класса на основе сплошной коллективизации.

Слушая громановские обзоры кон'юнктуры, слушая его оруженосца, крайне недалекого, но весьма покорного и услужливого профессора Первушина, слушая кон'юктурные доклады Кондратьева, Кафенгауза, выступления Альберта Вайнштейна, Юровского, и других из этой компании, у многих должна была возникнуть мысль: «и как это еще советская власть держится».

Монополизировав одно время работу по кон'юнктуре, овладев статистическими работами как в Центральном статистическом управлении, так и в Госплане СССР, громановцы использовывали этот аппарат для того, чтобы рисовать советскую действительность в совершенно превратном свете для того, чтобы представлять в темных красках и этим доказывать безуспешность социалистического строительства, провал коммунистических идеалов, близость краха советской власти; толкая на уступки классовым врагам, пытаясь подсказывать необходимость открыть клапаны капиталистического развития.

Через кон'юнктурные наблюдения, через якобы сами собою напрашивающиеся выводы громановцы и кондратьевцы стучались в двери партии со своими предложениями, со своими буржуазными идеями. Но партия, даже тогда, когда она еще не считала их вредителями, всегда и неизменно отбрасывала их буржуазные идеи прочь. Они могли влиять на отдельных неустойчивых коммунистов, на отдельные части советского аппарата, но никакого успеха не имели их попытки изменить политику партии. Здесь они всегда и неизменно наталкивались на большевистскую решимость, на ленинскую непреклонность, на стальную волю партии, строящей социализм и беспощадно отбрасывающей в сторону всех тех, кто тормозит дело революции, кто ему сопротивляется.

Спекуляции „регулятивными" идеями.

Единый фронт вредителей, работавший довольно единодушно в области кон'юнктуры, пытался использовать свои позиции в советских учреждениях также и в составлении планов. Им было на руку то обстоятельство, что коммунистическая прослойка в плановых ячейках ведомств была в прошлые годы крайне незначительной и не могла уследить за всеми сторонами плановых проектировок. Как на один из таких примеров, можно указать «Материалы к пятилетнему плану на 1926/27 и 1930/31 гг.», в которых пятилетний план промышленности составлял проф. Калинников, сельского хозяйства — Вишневский, и т. д. Беда заключалась в том, что работавшая тогда под председательством т. Струмилина комиссия была столь слаба по своему составу, что она не была в состоянии достаточно глубоко вникнуть в представляемые материалы и корректировать их с необходимой тщательностью. «Материалы» эти были опубликованы в разгар борьбы троцкистско-зиновьевской оппозиции против партии. Оппозиция не преминула спекульнуть на этих «материалах», пытаясь обвинить партию в хвостизме и прочих смертных грехах. Оппозиция, превратившаяся тогда в явно контрреволюционное течение, и на сей раз села в глубокую политическую лужу, так как партия не только не приняла этих «материалов», но на своем XV с'езде дала совершенно иные директивы по составлению пятилетнего плана, директивы, послужившие началом для развернутой социалистической реконструкции.

Уже приобрела довольно печальную известность также не принятая ни Госпланом, ни партией работа по генеральному плану проф. Огановского, который исходил из того, что тенденция стихийного развития мелкого крестьянского хозяйства и сохранения индивидуальных форм хозяйствования в деревне является тенденцией извечной и что даже через 15 лет количество крестьянских хозяйств будет расти и достигнет 35 миллионов. Историей планирования не выяснено, добавлял ли мракобес Огановский к 35 миллионам еще какие-нибудь десятые, сотые и тысячные доли, но во всяком случае эта цифра, как и все другие, преподносилась с серьезным видом людей, которые огромным и упорным трудом добывают из тайн науки священный огонь для нашей многострадальной земли.

При помощи тайной магии своей «об'ективной науки» вредители устанавливали так называемые «регулятивные идеи» (в одной из работ Базарова имеется специальный раздел под таким названием), которые все менее прикрыто и все более оголенно ставили политико-экономические вопросы. Все это входило в круг невинных беспартийных занятий методологии планирования.

Под видом методологии вредители рисовали дело планирования в «аполитическом» свете, внедряя ту мысль, что мол, планирование это дело узкоспециальное и что безразлично, кто им занимается: коммунист или беспартийный. Один коммунист под гипнозом излишнего доверия к беспартийным плановикам развивал на одном партийном собрании мысль о том, что планирование, в первую очередь, дело специальное и что для него нужны специалисты, так же, как для лечения больных детей нужны врачи. Получалось так, что, мол, важно только то, чтобы «врач», или госплановский специалист, был бы хорошим знатоком дела, безразлично является ли он коммунистом или беспартийным, стоит ли он на точке зрения тех или иных политических или научных взглядов.

Если обратиться к существу тех вопросов, которые скрыто или открыто проходили под видом методологии планирования, то станет ясным, что здесь речь идет, в первую очередь, о вопросах сугубо политических и вопросах, в которых кровно заинтересованы классы, и вокруг которых развертывается социально-политическая борьба, борьба острая, непримиримая. Эти социально-политические вопросы ставятся и под видом разрешения чисто методологических вопросов, или под видом разрешения абстрактно-теоретических и организационных проблем. Под видом запутанных статических и динамических коэффициентов, под видом никем не проверенных экспертных оценок, под видом эмпирических закономерностей и сопоставления с довоенными данными, под видом подобной об'ективной «надклассовой» методологии по существу преподносились вредительские идеи [1]).

Под видом беспартийной методологии планирования и под видом организационных вопросов вредители давали свой буржуазно-классовый ответ на все кардинальные проблемы нашего развития.

Они отвечали даже на такой «аполитичный» вопрос, как наше международное положение. На заседании, на котором никто от Громана ответа на этот вопрос не требовал, на заседании, на котором обсуждались организационные вопросы построения плановой системы и проблемы районирования, вредитель Громан дал по этому вопросу совершенно ясный ответ. Он заявил следующее:

> «Когда мы теперь ставим вопрос о районировании, нам надо подходить к этому вопросу не с точки зрения, что у нас плох транспорт и распались районы. Вопрос надо ставить так, чтобы определить, как надо управлять, чтобы хозяйственная жизнь России шла вперед и чтобы она представляла максимум цельности. Все доводы защитников районов — очень интересны, и Иван Гаврилович Александров и К. Д. Егоров,—защищая районирование, подчеркивают целостность районов, забывая в это время про целостность целого — про целостность

---

[1]) Метод статических и динамических коэффициентов и тесно связанный с ним метод экстраполяции использовывался Громаном и его школой для того, чтобы «доказать», что наше народное хозяйство не может развиваться быстрыми темпами. Особенно вредную роль сыграла квазинаучная теория Громана об «эмпирических закономерностях», в силу которой СССР должен жить и развиваться по тем же законам, по которым развивалось хозяйство довоенной России, сохраняя те же пропорции и те же отношения. См. В. Г. Громан: «О некоторых эмпирических закономерностях» и т. д.; «Плановое Хозяйство» за 1925 г. № 1, и критику этой статьи—Р. Вайсберг: «Буржуазные извращения в области планирования», «Плановое Хозяйство» за 1930 г. № 1.

РСФСР. Я считаю, что каждый район в чрезвычайной мере зависим от центра, и если, например, ослабить связь Донбасса или Азнефти с центром, то это плохо отразится, прежде всего, на Донбассе и Азнефти. Я согласен с тем, что сейчас нет особого русского народного хозяйства, а есть чисто мировое хозяйство и что, только ориентируясь на мировое хозяйство, и можно жить. И. Г. Александров упомянул, что каждый район имеет свой баланс и имеет связь с другими районами и с мировым хозяйством. Каким образом районы могут иметь непосредственную связь с мировым хозяйством, не проходя через горнило центрального хозяйства, это в себе не представляю. Ясно, что части и центр всего народного хозяйства всегда стоят в противоречии друг с другом и то, что выгодно центру, то невыгодно районам». (Выписка из протокола № 58 заседания президиума Госплана 20 апреля 1922 г.).

Мы нарочно привели эту длинную цитату без всяких сокращений, так как на ней, как на ряде других, можно проиллюстрировать специфические методы тех «советских» вредителей, которые больше всего приспосабливались к нашей обстановке. Они высказывают не только неправильные, но и правильные мысли. Напр., в данном случае, Громан выступает поборником единого хозяйства в противовес сепаратистским тенденциям отдельных районов страны. Вообще, было бы наивно думать, что вредитель только тем и занимается, что развивает вредительские идеи. Это столь же примитивно, как рисовать себе социал-фашиста обязательно с фашистским знаком на лбу, стоящим на коленях перед капиталистом. Вредитель, и особенно вредитель от планирования, воспринимает в порядке социальной «мимикрии» также и советские идеи и иногда с показным пафосом развивает их. Эта сторона дела некоторых ослепляет и подкупает, не давая им возможности сразу разглядеть буржуазно-вредительской сущности. Вместе с тем они разрешают вопросы извращенно и в корне неправильно. В приведенной выше цитате Громан с высокого дерева плюет на такие очередные хозяйственные вопросы, как восстановление разрушенного гражданской и империалистической войной транспорта, как хозяйственное строительство районов и т. д. Он защищает единое народное хозяйство, но не с точки зрения социалистического строительства и даже не с точки зрения простого «буржуазного» восстановления разрушенных производительных сил, а только под углом зрения мирового капиталистического хозяйства. Громан не знает и знать не хочет особых, ни одной стране в мире не свойственных, интересов нашей страны, страны пролетарской диктатуры, строящей социализм в империалистическом окружении, идущей своим социалистическим путем. Ему тесно в социалистическом государстве, его влечет к себе «нормальный» капиталистический строй, он заявляет, что «только ориентируясь на мировое хозяйство, и можно жить».

Может быть, это случайность? Но, оказывается, что соратник Громана, Базаров, никак не может разрешить «надклассовых» вопросов методологии планирования, также не касаясь этого вопроса даже в 1928 году. В докладе, посвященном методологии планирования, который был составлен Базаровым для президиума Госплана, и который был встречен в штыки рядом коммунистов и не был принят Госпланом,—в этом докладе Базаров пишет следующее:

«Идеи международного разделения труда, идеи рационального районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для генерального плана не в меньшей степени, чем принцип рационального планирования СССР» [1]).

В дальнейшем Базаров подчеркивает, что эта точка зрения обязательна для всякого социалиста (а не коммуниста, так как коммунистическая идеология для него не существует). Под видом якобы последовательного интер-

[1]) См. статью Базарова в «Планов. хоз.», № 7, стр. 15

национализма, под маской «сверхинтернационализма», Базаров предлагает нам ориентироваться на международное разделение труда, игнорируя различие политических форм, различие политического строя у нас и в капиталистических странах. Здесь, в этих вопросах международной политики, сказывается, между прочим, и отвлечение материально-производительных сил от их социальной и политической оболочки, которое столь характерно для всей громановско-базаровской концепции. Базаров не считается с особыми интересами Советского Союза именно, как страны диктатуры пролетариата. Он милостиво только разрешает нам считаться с интересами обороны и продолжает:

«Исключение (например, при обсуждении вопроса о направлении некоторых ж.-д. линий) может быть сделано только в виду совершенно очевидных нужд самообороны Союза» [1]).

Но и несоветское, империалистическое государство, не имеющее тех специфических особенностей, которые имеет СССР, и не ставящее перед собой специальных задач построения социализма на занимаемой им территории, также учитывает и, как всем известно, основательно учитывает интересы не только самообороны, но империалистического наступления. Базаров не видит или не хочет видеть специфических отличий СССР как страны, строящей социализм.

Исходя из разделения труда в мировом масштабе, придавая этому разделению труда и в экономическом и в политическом отношении такое же значение, как разделению труда внутри страны, на территории отдельных республик и районов,—Базаров базируется на довольно любопытной, но не отличающейся особенной глубиной концепции. Он считает, что, в силу наличия передовых капиталистических стран, которые имеют у себя достаточно мощную индустрию, которые располагают рядом отраслей, отсутствующих в СССР, в которых ряд других отраслей шагнул гораздо дальше, чем у нас,—нет никакой надобности развивать у нас, в СССР, соответствующие отрасли. Базаров поэтому полагает, что мы должны заниматься только производством таких товаров, которые имеют достаточно широкий массовый спрос, в первую очередь, предметов широкого потребления, а все остальное следует ввозить из-за границы или сдавать в концессии.

Что же это—индустриализация страны с ситцевого конца, как нам предлагали некоторые коммунисты во время XIV с'езда партии? С внешней стороны—нет. Базаров выступал в такое время, когда эта концепция была уже довольно основательно раскритикована и отвергнута партией. Здесь ему нужна маскировка. Ее найти очень легко. Базаров предлагает в данном случае, как весьма модную, идею рационализации. Он выдвигает во главу угла принцип рационализации и подчиняет этому принципу всю нашу строительную политику. Базаров заявляет, что мы должны развивать только такие отрасли промышленности, которые поддаются основательной рационализации, а рационализация возможна только там, где имеется массовое производство, а массовое производство возможно там, где имеется массовый спрос. Базаров пишет буквально следующее:

«Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных начинаний. В первую очередь, должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам».

[1]) Базаров. «Плановое хоз.», № 7, стр. 15.
[2]) Базаров, «Планов. хоз.», 1928 г., № 2, стр. 48.

Подчинив таким образом основную идею, основной лозунг партии— лозунг индустриализации страны — второстепенной идее рационализации, он приходит к выводу о необходимости широкой импортной и концессионной политики.

Такова «внеклассовая» методология олимпийско-спокойного, якобы, аполитичного Базарова, а группа кондратьевских вредителей, которая у себя ставила вопрос гораздо более решительно и открыто, совершенно недвусмысленно высказалась за широкую политику концессий. Концессия и подчинение страны иностранному капиталу—**это прямой вывод**, это один из боевых лозунгов кондратьевщины. А Базаров, который, гордо называя себя марксистом и социалистом, кивая временами на свое большевистское прошлое, и, якобы, с презрением относясь к кондратьевским «мужикам», обосновывает в методологии ту же кондратьевско-вредительскую политику.

Коммунистическая партия с успехом борется за освобождение от иностранной экономической зависимости. Громаны, Базаровы и Кондратьевы развивают идеи о необходимости усиления этой зависимости, а их единомышленники, орудовавшие в оперативных органах, всячески срывали наши строительные начинания, практически подкрепляя базаровско-кондратьевскую контрреволюционную идеологию. Излишне говорить, что ни в какой форме эти громановско-базаровские концепции на политику партии не повлияли и повлиять не могли.

Примат стихии над планом.

Вредительскую философию планирования обосновывали не только Громан и Базаров, но также и такие буржуазные профессора, как, напр., Кондратьев и Юровский, которые также занимались проблемами планирования, также претендуя на роль так называемых «синтетиков» в вопросах планирования.

Центральным методологическим вопросом, на котором пробовали свое умение Кондратьев, Громан, Базаров и ряд мелких приспешников буржуазной профессуры,— это вопрос о плане и стихии.

Вредители, отвечая на политические вопросы, по-своему пригоняли к своим ответам и своим установкам так называемую **«чистую» методологию** по вопросу о плане и предвидении.

Основное положение Маркса, по которому капиталистическое общество в своем развитии создает условия гибели капитализма и построения социализма, ни для Громана, ни для Кондратьева не существует. Они игнорируют также и то обстоятельство, что при диктатуре пролетариата в СССР, в период, переходный от капитализма к социализму, имеются об'ективные тенденции, которые ведут по направлению к социализму. Вместе с тем они совершенно превратно понимают активную роль рабочего класса и коммунистической партии. Игнорируя те об'ективные силы, тот об'ективный ход истории, который ведет нашу страну по направлению к социализму, они закрывают глаза и на ту обостренную классовую борьбу, с которой связано социалистическое строительство, игнорируя бешеное сопротивление тех самых остатков капитализма, идеологами которых и являются они-же — Громаны, Юровские, Базаровы, Кондратьевы и другие. У них получается наоборот. Все то, что об'ективно, все то, что существует в действительности, должно итти против социализма и против пролетарской диктатуры. Социалистическое строительство они рассматривают исключительно, как продукт злой суб'ективной воли советского государства, воли пролетариата, идущей вразрез с об'ективной действительностью, с ходом исторического развития. Отсюда—на одной стороне находится экономическая стихия, рыночные отношения, капиталистические тен-

денции, а на другой стороне—социалистические элементы страны. Первое— это «действительность», второе—«суб'ективизм» и коммунистическая воля. Здесь механистическая методология Богданова и т. Бухарина служит незаменимым орудием в руках вредителей от планирования.

Из противостоящих друг другу элементов Кондратьев, а вместе с ним и Громан, конечно, переносят центр тяжести на об'ективный ход вещей. Выходит так, что Громан и Кондратьев якобы выступают в научных вопросах за об'ективный процесс истории, за неумолимые законы общественного развития, которые отметают на своем пути всякую индивидуальную волю, и с которыми не считаться, конечно, нельзя. Это положение они проводили не столько в отдельных теоретических формулировках (кстати сказать, их научный багаж и не столь уж богат), сколько в многочисленных выступлениях по практическим вопросам, на конкретном материале, на конкретных примерах. Исключая заранее все силы социализма из ряда об'ективных элементов, они пытались повернуть планирование лицом к одной только стихии. Кондратьев заявляет так:

> «Мы должны определить, в каком направлении пойдет развитие, к каким результатам оно может привести само по себе стихийно, вне нашего сознательного воздействия на него» [1]).

И далее Кондратьев заявляет с бесцеремонностью, не знающей никаких границ:

> «Выдвигая те, а не иные перспективы, мы тем самым даем, или точнее, принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий». [2]).

Задача планирования, по Кондратьеву, заключается, таким образом, в том, чтобы уловить об'ективную тенденцию развития, предвидеть ход стихии и исключительно по этому ходу равняться. Планирование заключается в предвидении динамики стихии. Это — центр тяжести всего. Этим планирование в основном исчерпывается. Все остальное — это мелочи, которые сами собой прилагаются к планированию. Раз предусмотренная тенденция развития стихийно на данный отрезок времени, скажем на год, охватываемый новыми контрольными цифрами, предопределяет собою все планирование и диктует те мероприятия, которые должны быть обязательно приняты правительством в качестве политико-экономической директивы.

Итак, «вначале бе»—об'ективная тенденция, сиречь, экономическая стихия. А она от щедрот своих наделяет нас плановым предвидением и предопределяет всю нашу экономическую политику. Расшифруйте кондратьевскую экономическую стихию, подставьте под нее знаменитого крепкого мужика и кулака — и политический смысл всей об'ективной методологии станет более чем ясен. **Стихия в образе кулака должна диктовать мероприятия пролетарскому государству.**

То же самое кулацкое рыло, только чуточку подкрашенное на европейский капиталистический манер, выступает из-под громановской научной методологии о «генетике» и «телеологии». Громан, следуя по стопам Кондратьева, относит к генетике об'ективные стихийные капиталистические тенденции развития, все то, что имеется в нашем народном хозяйстве от прошлого, а к «телеологии»—целевые ставки пролетариата, об'являет примат первого над вторым, подчиняя планирование своим «генетическим» и кон'юнктурным выводам. По Громану, кон'юнктура, т.-е. одни только кон'юнктурные затруднения, должна была определять собою все планирование, в частности и в особенности контрольные цифры, работа над которыми одно время была тесно связана с кон'юнктурными работами, фактически доминировавшими над контрольными цифрами.

---

[1]) Журнал «Пути сельского хозяйства», № 2, 1927 г.
[2]) Там же.

В 1925—27 гг., когда громановская группа особенно активно работала над контрольными цифрами, она и пыталась, исходя из кон'юнктурных затруднений, ориентировать планирование на так называемые «лимиты» по отдельным отраслям народного хозяйства, т.-е. на ограниченные возможности, вместо того, чтобы в духе коммунистической партии ставить вопрос о преодолении и расширении «лимитов», вместо того, чтобы ориентировать планирование на боевые темпы, на смелые проектировки и большие строительные задачи.

Пытаясь всячески отвергнуть целевые ставки пролетариата в планировании, пытаясь подчинить контрольные цифры кон'юнктурным затруднениям, громановская школа своими «лимитами» в свое время дала фактически тот самый лозунг равнения на узкие места, который впоследствии приобрел столь печальную известность и послужил коньком для правых внутри партии. Громановское крохоборчество многих ослепляло в силу целого ряда обстоятельств, между прочим, и потому, что наряду с ним тогда, в 1924—26 гг., стояла кондратьевская группа, которая отстаивала еще более медленные темпы и еще более робкие шаги. Им удавалось брать на удочку ряд беспартийных и настроенных правооппортунистически коммунистов. Надо прямо сказать, что в контрольные цифры первых лет Громану и Базарову удалось в завуалированном виде включить некоторые свои идеи. Это одна из тех причин, по которым контрольные цифры оказывались тогда такими, что партия не могла принять их, как план действия. Не зная о вредительских действиях в планировании, ленинская партия всегда обладала тем здоровым большевистским чутьем, которое диктовало ей необходимость отвергнуть контрольные цифры, как обладающие шуйцей и десницей, как несоответствующие полностью задачам пролетариата на данной стадии его борьбы за социализм. Только примерно с 1928 г. партия начинает утверждать контрольные цифры, и то внося в них существенные поправки в сторону увеличения. У вредителя Громана, однако, всегда и неизменно хватало, мягко выражаясь, смелости для того, чтобы упорно навязывать свои практические предложения, свои директивы и мероприятия. Случалось неоднократно, что при обсуждении в середине контрольного года того или иного затруднения, того или иного срыва в планировании Громан заявлял, что виной всему является, мол, то, что правительство не проводит тех мероприятий, которые он, Громан, предлагал Госплану при составлении контрольных цифр. Он говорил при этом, что контрольные цифры могут быть осуществлены только при проведении определенных, им предлагающихся мероприятий. Но, поскольку эти мероприятия не принимались, поскольку они в большинстве случаев отвергались, Громан пытался валить с больной головы на здоровую, стремясь всячески реализовать свою практическую программу, свои экономические указания.

Вся «наука» вредителей планирования имела целью укрепление капиталистических элементов настолько, чтобы направить экономику и политику страны на путь буржуазной реставрации. Профессор Юровский, например, мирился, и то с крайней натяжкой, с теми формами нэпа, которые сложились до 1926 г. А проф. Громан сочинил теорию «об эмпирических закономерностях», которая должна была доказать, что над нашей экономикой всегда и неизменно довлели, довлеют и будут довлеть довоенные экономические отношения.

„Святая троица“ Базарова.

Из других вопросов «беспартийной методологии» интересно остановиться на вопросе о преимуществах советской и капиталистической системы. Горе-теоретиком по этому вопросу выступал Базаров. Не долго думая, он решает вопрос в пользу капитализма с буквально ребяческой мотивировкой. Признавая на словах преимущества советской системы, Базаров считает,

однако, что плановые организации советской страны обходятся значительно дороже, нежели содержание капиталистических паразитов в буржуазных странах [1].

С этим теснейшим образом увязывается его совершенно бездоказательная теория о потухающей кривой, в силу которой наши темпы развития должны все время двигаться по убывающей линии.

Правда, все данные о фактическом ходе выполнения наших промышленных планов говорят об обратном. Но Базарову до этого мало дела. Он выводит свою теорию из запутанных математических формул, когда ему надо обосновывать положение о потухающей кривой, и не дает себе никакого труда для доказательства чего бы то ни было, когда он говорит о преимуществах капиталистической системы хозяйствования перед социалистической. Философские корни базаровского планирования уходят в богдановщину, сторонником которой Базаров всегда открыто признавал себя. Базаров и Громан пытаются навязать планированию «регулятивную» идею механистического равновесия, в силу которого наши задачи должны сводиться только к сохранению тех соотношений, тех пропорций, которые даны в народном хозяйстве, ни малейшим образом не нарушая их. «Равновесие»,—говорит Громан,— есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований» [2].

Так писал Громан в 1925 г. Однако, по мере роста марксистско-ленинского влияния коммунистов в области планирования, по мере разоблачения всего убожества теории равновесия, Громан и Базаров начинают ее замалчивать, выдвигая вместо нее другое общее положение. Мы имеем в виду приобревшую некоторую известность *триединую формулу Базарова, которая заключается в том, что планирование должно исходить из принципа оптимального сочетания развития производительных сил, роста потребления трудящихся масс и развития социалистических форм, или роста обобществления.*

Эта формула выявляет, с одной стороны, вынужденную установку на обобществление, на социалистическое строительство, а с другой стороны, она использует остающиеся щели в плановой работе для того, чтобы протащить реакционные вредительские установки. В этой формуле обращает на себя внимание то, что на последнем месте стоит вопрос о развитии социализма, о росте социалистических форм, а на первом месте поставлены интересы развития производительных сил. Базаров, как и все его единомышленники, исходя из той неправильной предпосылки, что в советских условиях имеется постоянный антагонизм между производительными силами и интересами потребления и социалистическими формами развития, должен ответить на вопрос о том, кому из них принадлежит ведущая роль, и он этот ответ дает. «Развитие производительных сил,—говорит он,—есть ведущее звено» [3]. Кровная общность Базарова и правых бросается здесь в глаза. Однако, если правые стараются замолчать классовые вопросы, то Базаров в своей формуле прямо ставит вопрос и о производительных силах, и о социалистических отношениях, и о потреблении трудящихся и отвечает, что ведущая роль должна принадлежать производительным силам. Триединая формула Базарова, как и другие формулировки Громана и Базарова, неоднократно проникала в некоторые документы по планированию, конечно, не без борьбы, происходившей в Госплане. Так, например, в комиссии по контрольным цифрам примерно в 1927 г или при

[1] См. статью Базарова в «Эк. обозрении» за 1928 г., стр. 58—59.

[2] См. упомянутую выше статью Громана в «План. хоз.», стр. 98.

[3] «Плановое хозяйство», 1928 г., № 8, стр. 43.

обсуждении методологии составления контрольных цифр коммунисты, возражали против триединой формулы Базарова, предлагая исключить ее или сильно изменить базаровскую формулировку. Однако, комиссии не стоило большого труда «побить» этих «спецеедов», не какими-либо доводами, а попросту голосами сидевших в комиссии вредителей—Громана, Базарова, Зейлингера, Гухмана, Шуба и др. и голосами некоторых коммунистов, которые не шибко разбирались в политической вредности базаровской тройцы.

Вместо заключения.

Не останавливаясь на ряде других моментов, характеризующих вредительскую идеологию буржуазных плановиков, поскольку нет возможности исчерпать этот вопрос в одной журнальной статье, следует только подчеркнуть, что вредительские теории находили свою опору в вредительской практике. Излюбленным положением Базарова, которое не постеснялся позаимствовать у него кое-кто из правых, являлось то, что в наших, советских, условиях спрос широких трудящихся масс, их потребительские интересы растут столь быстро, что никакое предложение за ними угнаться не может. Так вещал теоретик Базаров. А вредители-практики, как бы стремясь застраховать теорию Базарова в области снабжения текстильной промышленности, сельского хозяйства и т. д., старались сократить в максимальной степени наши потребительские ресурсы для того, чтобы действительно сделать невозможным удовлетворение спроса трудящихся масс. Базаров и Громан теоретически показывали невозможность высоких темпов для нас, а вредители-практики срывали наше строительство в химической, топливной, металлургической промышленности и т. д. Конечно, они действовали так не из-за прекрасных глаз Базарова и не из любви к его теории. Допускаем, что те вредители, которые портили консервы, семена и т. д., могли не иметь никакого представления о базаровском учении. Это, однако, об'ективно ни в коем случае не уменьшает значения, которое имеет общность практических и теоретических выступлений вредителей, находящихся на различных полюсах и боровшихся против нас тем орудием, которое каждый из них имел в своих руках.

Вредители в разное время по-разному ставили вопросы планирования. Сопротивление вредителей стало особенно сильно с переходом к реконструктивному периоду. Классовые враги, почуяв, что наступает период их окончательной ликвидации, стали мобилизовывать все свои силы для защиты своих классовых интересов и для подрыва советской власти. В этот период они особенно выступают против чрезвычайных мер, против якобы воскрешения методов военного коммунизма, против усиления плановости. Было, однако, время, когда кое-кто из них выступал за усиление плановости, за централизацию, за плановый «порядок». Но это было тогда, когда они противопоставляли «порядок» и «план» революции. Это было как-раз тогда, когда коммунистическая партия ставила в центре своего внимания не плановую работу над народным хозяйством, а штурм капитализма и борьбу за захват власти в стране. Тот же Базаров, который в 1928 году развивает по существу антиплановую теорию, становится в позу горячего защитника плановости летом 1917 г. Он выдвигал тогда этот вопрос в связи с вопросами о государственном аппарате. Именно тогда, когда государственный аппарат был в руках буржуазии и ее агентов, когда пролетариат боролся за овладение этим аппаратом, ставя себе целью его разрушение для построения государственного аппарата пролетарской диктатуры и для ведения планового хозяйства, именно в это время Базаров выступал в защиту тоже «бесклассовой», «вполитичной» плановости. С точки зрения «плановости» Базаров возражал против замены буржуазно-государственного аппарата пролетарским и высказывался за

реформирование его. На этот счет у Ленина имеются замечательные строки; отметив, что к вопросу о государственном аппарате относится также вопрос о централизме, «поднятый особенно энергично и особенно неудачно» Базаровым в № 138 «Новой Жизни» от 27 сентября (статья: «Большевики и проблема власти»),—Ленин писал:

> «... Базаров рассуждает так: «Советы не являются аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни», ибо семимесячный опыт, де, доказал, «десятки и сотни документальных данных, имеющихся в экономическом отделе Петербургск. исполнит. Комитета», подтвердили, что советы, хотя во многих местах фактически и пользовались «всей полнотой власти, но не могли достигнуть в области борьбы с разрухой сколько-нибудь удовлетворительных результатов». Необходим аппарат, «расчлененный по отраслям производства, строго централизованный в пределах каждой отрасли и подчиненный общегосударственному центру». «Дело идет»—извольте видеть—«не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его... сколько бы большевики не издевались над людьми с планом»...
>
> Все эти рассуждения Базарова прямо поразительно беспомощны, как сколок рассуждений буржуазии, отражение ее классовой точки зрения» [1]).

Тов. Ленину приходилось тогда терпеливо раз'яснять, что никакой полнотой власти советы в России не располагали и не располагают и что грубейшая ошибка Базарова заключается в том, что он трактует государство и плановость, как понятия внеклассовые. Таков был Базаров в 1917 году; тогда он выступал «за план», а при советской власти он, будучи призван на помощь плановому хозяйству, оказался в ряду тех, которые защищают капиталистическую стихию от социалистического плана, против социалистической организации производительных сил.

Когда Базаров в 1917 г. выступал, якобы, борцом за план против большевиков, Ленин отвечал ему:

> «Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над реформизмом. Ибо реформизм ваш смешон сугубо после опыта коалиции. А говорить: «Не замена аппарата, а реформирование», значит быть реформистом, значит становиться не революционером, а реформистским демократом. Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а не свержение его, уступки его при сохранении власти за ним».

В той же статье 1917 г. тов. Ленин констатирует, что «добрый Базаров об'ективно играет роль подголоска капиталистов».

Прошло 13 лет, и революция за эти годы многих многому научила. Но господа Базаровы и Громаны ничему не научились, но пошли вспять, все больше и больше скатываясь в сторону буржуазии, интересы которой они защищали и до революции. Многие из этой компании сделались не только об'ективно подголосками, но и вполне сознательными агентами ее, тесно смыкая себя, свою науку и свою научную совесть с теми, которые работают на благо мирового капитала не только за страх, но и за деньги.

Пользуясь крайним недостатком квалифицированных сил для строительства социализма, пользуясь условиями первого периода революции, когда пролетариат вынужден обращаться к буржуазным специалистам за помощью, меньшевики, эсеры, кадеты и просто черносотенцы с дипломами и без таковых, ученые, полуученые и лжеученые пытались эксплоатировать советскую власть в интересах буржуазии. Они пошли на всякие меры: от прямых форм

[1]) Ленин. «Удержат ли большевики государственную власть».

разрушения производительных сил и материальных ценностей вплоть до создания особых теорий, которые могли бы сыграть роль своего рода квази-научного опиума для советской общественности.

Одним из условий, которое облегчало работу вредителей на всех фронтах, является та атмосфера нейтральности, которая существовала среди специалистов. Давно сказано и доказано, что золотой середины в политических вопросах и в классовой борьбе не бывает и быть не может. Нейтрализм среди ряда специалистов оказался на руку вредительской деятельности и вредительским организациям. Та же корпоративность, та же семейственность, то же кумовство, тот же принцип — «рука руку моет», который наблюдается во многих случаях среди специалистов-техников, нашел себе место и среди экономистов-плановиков. Огромные возможности, которые были в их руках, как у ответственных работников советского аппарата, они без зазрения совести использовывали для формирования своих кадров, для разработки своих вредительских теорий, для контрреволюционных действий. Вредители пытались широко развернуть свою работу, но никакой опоры ни среди рабочих, ни среди крестьян они не нашли и найти не могут. Они остаются ничтожной изолированной кучкой буржуазных интеллигентов, охвостьем капиталистического строя, которые тщетно пытались воскресить то, что обречено историей на окончательную гибель.

Внутрипартийные разногласия использовывались вредителями во всю. Они старались пролезть во всякую политическую прибоину, кем бы она ни создавалась—правыми или «левыми».

Вредители слишком ничтожны и беспомощны, чтобы повернуть колесо истории, приостановить победоносное шествие пролетариата к социализму. Но они были достаточно сильны для того, чтобы на отдельных участках советского строительства наносить нам существенный вред.

Следует с сожалением констатировать, что планирование является у нас одним из самых запущенных участков. До сих пор оно еще не вполне вышло из стадии кустарщины и не стало наукой, между тем, нам необходимо дозарезу научное планирование, вооруженное марксистско-ленинским пониманием общественных явлений и использующее все новейшие достижения науки и техники.

Планирование—это дело партийное, в первую очередь. Оно будет поставлено на должную высоту только на основе глубоко-партийного понимания и изучения вопросов планирования.

Партия дала решительный отпор буржуазно-вредительским элементам в области планирования и их правооппортунистическим отголоскам внутри партии.

Партия производит и тот перелом во всей плановой работе, который поставит всю эту работу на уровень, соответствующий задачам нашей великой эпохи.

Из того вреда, который принесли советской власти вредители, коммунисты должны в первую очередь сделать все необходимые выводы для своей собственной работы. Точно так же, как коммунист не в праве относиться с презрением к буржуазным специалистам, считая, что он все знает и все может сам сделать, нельзя относиться и с излишним доверием к работе представителей чужого класса, которые находятся в наших учреждениях. Строить социализм чужими руками—это дело чрезвычайно сложное, чреватое многими опасностями, требующее исключительной гибкости и умения вникать в дело. Используя буржуазных специалистов, коммунисты должны вместе с тем у них учиться, овладевать их знаниями и руководить ими. Контроль не формальный, но по существу, вникающий во все стороны вопроса, является абсолютно обязательным для практической работы коммунистов.

«Здоровое коммунистическое недоверие» по отношению к буржуазным специалистам, умение проверять их работу, тщательный контроль над ними, является абсолютно обязательным условием для руководства коммунистов хозяйственным и культурным строительством. Широкое развертывание самокритики, вовлечение самих рабочих масс в дело строительства социализма, направление их внимания на те звенья работы, с которыми они непосредственно сталкиваются—это первостепенная задача в деле преодоления вредительства, в деле создания таких условий, которые делают его невозможным. Такая новая форма мобилизации масс на социалистическое строительство, как встречный промфинплан, сразу ставит под общественный массовый контроль работу всех хозяйственников, всех плановиков.

Расправляясь самым беспощадным образом с вредителями, советская власть вместе с тем создает наиболее благоприятные условия для работы честных специалистов, для тех, которые действительно хотят строить социализм и которые всерьез становятся по нашу сторону баррикады и готовы вместе с пролетариатом, засучив рукава, двигать вперед историю человечества. Этим специалистам, ряды которых все больше и больше растут, тем, которые в своей повседневной работе перемалываются, перевариваются в пролетарском соку и готовы слиться в единую семью с рабочим классом,— этим специалистам, ликвидирующим позорную нейтральность, становящимся в ряды бойцов за коммунистическое общество, советская власть и коммунистическая партия будут оказывать всемерное содействие в их работе.

Наряду с этим, мы должны форсированным темпом готовить кадры красных специалистов. Задача эта может считаться осознанной в смысле подготовки кадров техников и инженеров из рабочих и коммунистов. Исключительно важной, однако, является и подготовка экономистов, подготовка плановых работников, владеющих марксистско-ленинским методом, умеющих ставить и разрешать вопросы так, как того требует социалистическое строительство, как того требует партия. Планирование является делом совершенно новым. Здесь все от начала до конца должно быть создано нашими собственными силами. Старых специалистов в этой области вовсе нет. Пролетариату не у кого учиться в вопросах планирования.

По мере роста планового хозяйства, по мере все большего и большего приближения нашего хозяйства к социализму, потребность в экономистах и плановиках-ленинцах становится особенно настоятельной. Новые молодые кадры должны будут выполнить огромную работу и по оперативному планированию и особенно важную работу по поднятию планирования на высшую ступень, по выведению его из стадии кустарничества, по созданию действительно марксистско-ленинской науки планирования.

Л. Гатовский.

Реконструкция хозяйства и вопросы снабжения.

Мы вступили в новый этап переходного периода, в «последнюю стадию нэпа». Процесс социалистической индустриализации, социалистической реконструкции сельского хозяйства, выкорчевывания корней капитализма, развернувшийся на новом этапе, приводит к величайшим сдвигам в классовых отношениях, он меняет характер меновых отношений, экономические связи, он приводит к усилению регулирующей роли пролетарского государства во всей народнохозяйственной жизни страны.

На основе роста социалистического сектора нашего хозяйства, ставшего не только ведущим, но и преобладающим, широко развернулась, прочно прививаясь, система организованного целевого снабжения и производственной контрактации — этих мощных орудий социалистического преобразования деревни, вместо тех форм рыночных связей, которые были характерны для первого этапа нэпа. Таким образом, на базе роста социалистической индустриализации и обобществления товарооборота уже значительно выросли элементы социалистического продуктообмена.

Вся система планово-социалистических рычагов значительно окрепла. Планирование сельского хозяйства опирается уже в значительной мере на социалистический сектор. На наших глазах «решительно усиливается планово-регулирующая роль советского государства во всем народном хозяйстве страны, охватывая все более и более не только промышленность, но и сельское хозяйство» (резолюция XVI с'езда по отчету ЦК).

Все эти социальные сдвиги, проходящие на основе быстрого роста технической базы хозяйства, знаменующие огромные успехи в строительстве социализма, проходят в условиях еще не изжитых хозяйственных затруднений. Еще не изжито полностью отставание сельского хозяйства, находящее свое отражение в виде затруднений в снабжении предметами личного потребления.

Развернутое социалистическое наступление по всему фронту вызывает бешеное сопротивление вытесняемых и ликвидируемых капиталистических элементов. В сфере рынка резко проявляется эта борьба: капиталистические элементы, используя хозяйственные трудности, развивают спекуляцию, ажиотаж, направленные к срыву наших планов. Пролетарское государство на базе развернутого социалистического наступления по всему фронту, опираясь на свою возросшую мощь, осуществляет систему мер, направленных к сокрушению сопротивления классового врага, к обеспечению планов индустриализации и коллективизации, к ослаблению, а затем к ликвидации хозяйственных затруднений.

Оппортунисты, продолжая свою борьбу против партии (часто в скрытых формах), добиваясь снижения темпов индустриализации, свертывания социалистического наступления, пытаются сейчас спекулировать на трудностях, отрицая, что это — трудности роста, преувеличивая и раздувая их,

они твердят о «кризисе» народного хозяйства. Пытаются активизироваться сейчас представители правого уклона — этой главной опасности в условиях социалистического наступления по всему фронту.

Наши трудности обусловлены тем, что гигантская социально-техническая перестройка нашего хозяйства, идущая в быстрых темпах, протекает в условиях классовой борьбы, трудности технической и культурной отсталости нашей страны, протекает при наличии отсталых способов труда, при остром недостатке кадров, при еще значительном удельном весе мелкого, отсталого, раздробленного индивидуального хозяйства, при наличии элементов обломовщины, бюрократизма. Вместе с тем развернутое социалистическое наступление затрудняется бешеным сопротивлением капиталистических элементов города и деревни и их агентуры (вредитель, саботажник), при наличии мирового капиталистического окружения, блокирующего в той или иной форме наше хозяйство и смыкающегося с капиталистами и вредителями в пределах СССР.

Все эти моменты, взаимно переплетаясь и усиливая друг друга, создают трудности в осуществлении необходимых нам быстрых темпов. Однако, система нашего хозяйства, ее ресурсы, возможности таковы, что эти трудности и противоречия преодолимы, намеченные быстрые темпы индустриализации реальны и осуществимы. Исключительно на основе этих быстрых темпов трудности и могут быть преодолены, а в дальнейшем и ликвидированы до конца.

«Основными условиями успешного и скорейшего преодоления этих трудностей являются ускорение темпов социалистического строительства и развернутое наступление на капиталистические элементы по всему фронту. Всякое ослабление этих темпов в угоду капиталистическо-кулацким элементам и ослабление наступления против них означало бы на деле не смягчение трудностей, а их усугубление, усиление позиций классовых врагов пролетарской диктатуры.

Капитулянтская установка правых оппортунистов на снижение темпов индустриализации продиктована по существу интересами кулацко-капиталистических групп, ведет к реставрации капитализма.

Партия и рабочий класс давали и будут давать самый беспощадный отпор оппортунистическому капитулянтству правых, означающему на деле предательство интересов рабочего класса» (Резолюция XVI с'езда по отчету ЦК).

* * *

Наши хозяйственные планы построены в расчете на напряженный темп в работе по их осуществлению, на мобилизацию активности трудящихся, на осуществление рационализации. Наши планы исходят из того, что «узкие места» в процессе выполнения планов возникают и изживаются путем огромного напряжения, преодолением сопротивления враждебных классов, преодолением оппортунизма в наших рядах и т. д. Поэтому наши задачи именно и требуют каждый раз определенного напряжения в их разрешении. Таков замысел наших планов реконструкции нашего хозяйства. Правые уклонисты взамен этого тянули партию в сторону равнения на узкие места, затушевывания классовой борьбы, отказа от мобилизации масс.

Наши хозяйственные затруднения — не результат неправильной политики, как это утверждают оппортунисты. Быстрые темпы индустриализации и коллективизации об'ективно выполнимы благодаря особенностям экономики СССР, преимуществам социалистической системы. Неверие в выполнимость наших темпов роста коренится в буржуазно-меньшевистской оценке экономики СССР.

Высокие темпы роста обеспечиваются системой планового руководства всем народным хозяйством, растущей активностью пролетарских масс, развитием социалистических форм организации труда и т. д. Эта реальность, об'ективная возможность высоких темпов развития социалистической индустрии и социалистического земледелия доказывается итогами истекшего 1929—30 хозяйственного года и опытом ликвидации прорывов.

Характер трудностей и способы их преодоления по линии производства средств производства несколько отличается от трудностей по линии производства предметов потребления.

По линии производства средств производства и, прежде всего, оборудования — этой ведущей отрасли народного хозяйства — мы в подавляющей массе имеем крупное социалистическое хозяйство. Этого нельзя пока сказать в основном о производстве средств потребления, поскольку такая существенная отрасль, как сельское хозяйство, дающее продовольствие для населения и сырье для легкой индустрии, в большей степени еще не обобществлено, оставаясь тем самым мелким, раздробленным, отсталым. Немалое значение имеет и то обстоятельство, что в промышленности, производящей предметы потребления, еще заметную роль играют частные мелкие предприятия. Таким образом, здесь, в производстве предметов потребления, еще в очень большой мере техническая перестройка должна сопровождаться перестройкой старого социально-экономического уклада, коллективизацией и выкорчевыванием капитализма в сельском хозяйстве. Без социальной перестройки здесь немыслима и техническая реконструкция.

В области производства средств производства мы имеем весьма высокие темпы роста.

Первоначальные наметки пятилетки, как известно, в этой области значительно перевыполнены. Имеющиеся здесь серьезные прорывы в отдельных отраслях (уголь) и на отдельных предприятиях об'ясняются слабой работой партийных, хозяйственных, профессиональных организаций, неумением возглавить активность масс, недостаточным вниманием к вопросам снабжения. Вот что тормозит здесь выполнение плана. Мобилизация внутренних резервов, улучшение работы всех организаций, мобилизация активности масс позволяет выполнить намеченные высокие темпы роста

В области же производства предметов потребления и, прежде всего, по линии сельского хозяйства, мы еще имеем и иные задачи. Здесь, помимо организационных недочетов в работе соответствующих организаций, мы пока имеем такой существенный тормоз, как мелкотоварная форма производства, которой присуща крайне низкая производительность труда, отсюда и особое отставание в области предметов потребления. Затруднения в области потребления этим-то и отличались от затруднений с металлом и углем. Эти различия здесь отпадут лишь тогда, когда условия производства хлеба, хлопка, масла сравняются с условиями воспроизводства станка, т.-е. при «сквозном» обобществлении всех стадий производства.

Это значит, что лишь обобществление сельского хозяйства переводит его на рельсы таких высоких темпов, которые полностью вытекают из преимуществ плановой системы, лишь оно разрешает проблему быстрого развития легкой индустрии, проблему потребления.

Решительный сдвиг в обобществлении сельского хозяйства в 1929—30 г на основании быстрых темпов роста средств производства привел к блестящему подтверждению на ряде примеров этого положения (об этом ниже). Лишь это обобществление сельского хозяйства действительно и прочно ликвидирует «чрезмерное отставание сельского хозяйства», — ту временную диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, которая вытекает из самого процесса социалистической индустриализации в относительно отсталой, аграрно-индустриальной стране в условиях капиталистического окружения.

Между тем, к концу пятилетки сельское хозяйство в основном становится по валовой продукции обобществленным, а по товарной массе—в основном еще раньше.

Быстрый рост сельского хозяйства на основе его социалистической реконструкции знаменует собой и возможность дальнейшего ускорения темпов роста промышленности и, прежде всего, легкой индустрии и тем самым ускорение темпа роста потребления. Быстрый рост личного потребления является источником дальнейшего роста производительности труда, роста культуры, реконструкции быта, он имеет величайшее революционизирующее политическое значение.

Дело подведения технического фундамента под социальную реконструкцию сельского хозяйства будет в ближайшие годы закончено. Этот процесс тем самым и решает окончательно проблему личного потребления и наносит решающий удар рыночной стихии, играющей еще известную роль именно в сфере производства и реализации предметов потребления.

Жизнь подтвердила правильность генеральной линии партии, она подтвердила, что лишь социально-техническая реконструкция, коллективизация и выкорчевывание капитализма полностью может разрешить проблему потребления. Установка же правых на развитие индивидуального хозяйства, как на генеральный путь развития сельского хозяйства, и на черепашьи темпы загоняла проблему потребления в тупик.

Задача экономической политики заключается в том, чтобы максимально ускорить процесс реконструкции производства средств потребления и вместе с тем так распределять имеющиеся ресурсы потребления, чтобы обеспечить намеченное выполнение планов индустриализации и коллективизации, обеспечивать рост потребления рабочих колхозников, а также и бедняцко-середняцких масс единоличников. Жесткое классовое регулирование потребления вопреки всем оппортунистическим попыткам должно неуклонно осуществляться.

Ресурсы личного потребления в настоящий момент таковы, что намеченная программа индустриализации и коллективизации может быть выполнена и тем самым создана база для решительного преодоления в ближайшем будущем отставания в росте потребления.

Обратимся к данным о реконструкции сельского хозяйства и ее влияния на состояние рынка и снабжение средствами потребления.

* * *

1930 год характерен тем, что при общем значительном росте всего производства мы имеем такое перемещение роли социальных секторов, при которых гигантскому росту обобществленного сектора противостоит абсолютное уменьшение индивидуального. Речь идет о суженном воспроизводстве не только капиталистических хозяйств, но и всей массы частных хозяйств. (Сокращение кулацкого производства и коллективизация мелкотоварного).

В проектировочных расчетах на 1930—31 год намечалось значительное ускорение темпов роста тяжелой и легкой индустрии и сельского хозяйства при значительном продвижении вперед в его обобществлении. Все это выражается в высокой цифре прироста народного дохода и в гигантском росте технической базы, причем тяжелая индустрия должна особо значительно увеличить свою продукцию. Быстро растет техническая база обобществления сельского хозяйства.

Успешные итоги выполнения программы по тяжелой индустрии в 1929—30 г. (прирост почти на 40%) привели к тому, что смычка с деревней приобретает еще более производственный характер. Капитальные вложения в основные производственные фонды сельского хозяйства увеличиваются

в $2\frac{1}{2}$ раза в 1930—31 г. В 1929—30 г. сельское хозяйство получило сельскохозяйственных машин на огромную сумму в 400 млн. рублей. В 1930—31 г. эта сумма должна быть удвоена, достигнув 750 млн. руб. Мощность тракторного парка на полях СССР за истекший год удвоилась, достигнув почти 900 тысяч лошадиных сил, что реально заменяет около 3 млн лошадей.

Летом 1931 г. мощность тракторного парка СССР с учетом износа будет превышать 2 млн. лошадиных сил. В связи с гораздо большим коэффициентом его использования, чем в Соед. Штатах, его эффективность (мощность, помноженная на количество рабочих дней) будет равна американской эффективности в 1928 г. Если в 1929—30 г. 9% посевной площади уже обрабатывалось механическим путем, то в 1930—31 г. этот % повышается до 19, при чем по совхозам он достигает 94%. Снабжение химудобрениями утраивается, достигая 2,5 млн. тонн.

100% тракторов и 85—90% с.-х. машин поступают в обобществленный сектор. Дальнейший прирост коллективизации, таким образом, располагает мощной технической базой. В 1930—31 г. разворачивается около 900 машинно-тракторных станций.

Вполне реальным становятся такие гигантские задачи великого переворота в способах сельскохозяйственного производства, выдвинутые XVI с'ездом, как запашка тракторами под пшеницу новых 20 млн. га на востоке СССР, как превращение так называемой «потребляющей» полосы в высоко производительные животноводческие, огородные, льняные районы.

1930 год является годом решительного перелома в сельском хозяйстве не только по линии его социальной структуры (сплошная коллективизация, ликвидация кулачества как класса, гигантский рост совхозов). На базе социалистической реконструкции происходит значительный рост сельского производства и с.-х. продукции, отчуждаемой в город.

1930 год показал, что сельское хозяйство на базе социалистического укрупнения включилось в высокие темпы роста, свойственные и социалистической промышленности СССР.

Приведем табличку, иллюстрирующую этот факт:

Прирост валовой продукции и внедеревенского отчуждения в 1930 г.

(в процентах к предыдущему году).

	Зерно	Хлопок-сырец	Лен-волокно	Сахарн. свекла	Масло-семена
Валовая продукция	+ 22,2	+ 2,8	+ 18,2	+ 153,3	+ 22,5
Внедеревенское отчуждение	+ 35,8	+ 59,0	+ 38,3	+ 161,5	+ 57,8

Все растениеводство в целом дает рост по продукции на 19%, по внедеревенскому отчуждению — на 57,3%.

Все внедеревенское отчуждение (включая и животноводство) дает рост на 28%.

Это означает начало исторического поворота в темпах роста легкой индустрии.

До сих пор легкая индустрия должна была развиваться при отставании в темпах от тяжелой, до такой степени значительном, что мы имели заметное ослабление роста личного потребления. Это отставание было об'ективно обусловленным. Рост легкой индустрии ограничивался отсутствием достаточной собственной технической базы и отставанием по линии с.-х. сырья. Сейчас наступил перелом. «Тяжелую индустрию мы уже восстановили. Теперь мы можем двинуть вперед и развитие легкой индустрии.

Мы имеем теперь возможность развернуть сырьевую базу легкой промышленности и двинуть вперед производство городских товаров массового потребления» (Сталин, политотчет ЦК).

Рост легкой индустрии определяется ростом тяжелой не только через оборудование и топливо, но и через с.-х. сырье и снабжение рабочих (без индустриализации нет прочной коллективизации).

Проблема ситца, хлеба, мяса — это вместе с тем и проблема чугуна, машин, химии. Если правые, борясь за «ситцевую индустриализацию», стремились к срыву индустриализации, то партия осуществляет сейчас под'ем легкой индустрии на основе ведущего развития тяжелой индустрии, на основе быстрых темпов индустриализации и коллективизации. Подведение прочной технической базы и развертывание сырьевой базы позволяет значительно двинуть сейчас вперед развертывание легкой индустрии.

Так, если в 1929—30 году легкая индустрия давала всего 12% прироста продукции при абсолютном сокращении некоторых отраслей, как, например, сахарной, производства растительного масла и др., то на 1930—1931 г. намечалось примерно 30% роста, особенно по пищевкусовой — в среднем на $^{1}/_{4}$. (Приводимые в статье расчеты на 1930 31 год являются предварительными и служат для иллюстрации основных тенденций, выявляемых в статье).

«Всемирно-историческое значение» перелома в сельскохозяйственном производстве проявляется в том, что мы вплотную подходим к историческому перелому в отношении роста потребления трудящихся. Коллективизация приводит не просто к сближению культурно-бытового уровня работников промышленности и сельского хозяйства, но и к тому, что это сближение произойдет на основе быстро растущего уровня.

В 1931 г. уже налицо условия для того, чтобы рост легкой индустрии и сельского хозяйства превысил наметки пятилетнего плана на 1930—31 г. В самом деле: на 1930—31 г. намечался рост легкой индустрии на 39%, в то время как по пятилетке намечалось на этот год $18\frac{1}{2}$%, по с.-х. продукции — на 17% против наметки пятилетки в 10,7%. По линии растениеводства прирост 1929,30 г. уже превысил наметки пятилетки на этот год.

Перейдем к итогам коллективизации сельского хозяйства.

Истекшая весна дала около 23% коллективизации к числу всех крестьянских хозяйств (по зерновым районам процент значительно выше). За год (к весне 1931 г.) средний процент должен подняться до 50. Если в настоящее время обобществленный сектор (совхозы и колхозы) располагает $\frac{1}{3}$ всех посевов зерна (против 4% в 1929 г.), то к будущей весне 57% посевов зерна по плану должно принадлежать обобществленному сектору. Если в 1929 г. только 5% производства зерна приходилось на обобществленный сектор, то 1930 г. дает нам уже 34% (по пшенице, ячменю, кукурузе около половины), а будущий год, очевидно, должен дать уже по плану около $\frac{2}{3}$.

Однако, размеры валовой продукции еще недостаточно показательны. Необходимо знать, каковы размеры сдаваемой деревней товарной продукции. И здесь, как известно, успехи обобществленного сектора по линии зерна особенно велики (как по линии совхозов, так и колхозов). Коллективизация уже даже на нынешней стадии (организационный период, слабая механизация) привела к значительному росту производительности труда. Колхозники увеличили свои посевы на 50% в основном при помощи немеханизированной тяги. Там, где работа была хорошо поставлена, колхозы при тех же средствах производства, что и единоличники, увеличили посевы на 100 и более процентов. В колхозах нагрузка лошади возросла на 50 и более процентов. Урожай на колхозных полях был на 15—20% выше, чем у единоличников, а размер посева (на одного работника) выше на 50—70%.

Более высокая производительность колхозного труда означает прочную победу колхоза, это наилучший аргумент за колхоз.

Доход середняка-колхозника, не говоря уже о росте дохода бедняка-колхозника, в среднем выше дохода середняка-единоличника, примерно в 1½ раза; колхозники, вступившие в колхоз в 1929/30 г., повысили свой доход в 1½ раза — таков один из важнейших итогов коллективизации. При этом доходность колхозника и рост его личного потребления с.-х. товаров сочетается с ростом товарности. Процент отчуждения у колхозников выше, чем у единоличника. Отсюда (учитывая при этом и значительно бо̀льшую густоту колхозов и совхозов в основных товарных зерновых районах) и следует факт, что более половины зерна поступит в нынешнем году от обобществленного сектора, а в 1931 г. — до 85% при 50% коллективизации на весну 1931 г. Таково положение с зерновыми хлебами, говорящее, что мы вступаем в период гигантского под'ема зернового хозяйства, иллюстрацией которого является и план роста посевов зерна на 15 млн. га в 1931 г. (при росте в 7 млн. га в 1929—30 г., — с учетом меньшей гибели посевов в 1929—30 г., по сравнению с 1928—29 годом.

В 1930—31 г. намечено около половины посевов зерна засеять сортовым зерном, все семена очистить и на ⅔ осуществить рядовой посев. Это должно дать 10% повышения урожая (против среднего урожая за 4 последних года).

Перейдем к техническому сырью. Чрезвычайно распространенным было представление о том, что если в области зернового хозяйства дело коллективизации пойдет относительно быстро, то в отношении технических культур оно потребует значительно более длительных сроков. Между тем, данные 1930 г. говорят о чрезвычайно быстром темпе коллективизации и здесь.

Социально-техническая реконструкция производства сельскохозяйственного сырья означает подведение прочной сырьевой базы под легкую индустрию, одно из важнейших условий под'ема качества продукции легкой индустрии, снижения себестоимости в ней. Единоличное хозяйство с его раздробленностью, низкой урожайностью, слабой товарностью, высоким процентом оседания сырья в крестьянском хозяйстве, плохим качеством сырья, перебоями в его отчуждениях вызывало простои в легкой индустрии, затрудняло осуществление производственных планов, гормозило снижение себестоимости и т. д. Между тем, доля обобществленного сектора (к лету 1930 г.) в посевах технических культур равна 46% (против 8% в 1929 г.), в том числе: по хлопку — 44% против 7% в 1929 г.; по льну — 22% против 32%, по масляничным — 61% против 7%; по сахарной свекле — 62% против 32.

В результате обобществленный сектор в 1930 г. должен дать 42% товарного хлопка, 17% — льна, 62% — подсолнуха, 89% — сои, 65% — сах. свеклы. В 1930—31 сельхозгоду обобществленный сектор по плану должен дать около ⅔ продукции технических культур.

Огромные успехи достигнуты по части обобществления огородных и бахчевых культур. В 1930 г. удельный вес обобществленного сектора удесятерился (достиг 25%), при общем росте посева этих культур.

В итоге 24% товарной массы картофеля, около 35% огородных культур и около 60% бахчевых уже сейчас (на основе урожая 1930 г.) должно поступить от обобществленного сектора. Подводится прочная база под овощное снабжение городов. 1930 и 1931 гг. должны дать дальнейший прирост в этом направлении. Гигантски должны возрасти пригородные овощные хозяйства потребительской кооперации. Разумеется для выполнения плана 300 тыс. га овощных пригородных хозяйств требуется огромный нажим по

преодолению оппортунизма и косности в аппарате потребительской кооперации.

Переходим к проблеме животноводства.

К весне 1930 г., как известно, выявилось значительное общее уменьшение стада как рабочего, так, и в особенности, продуктивного скота. При этом произошел резкий сдвиг в сторону перемещения стада из индивидуального в обобществленный сектор. Так, удельный вес обобществленного сектора в рабочих лошадях повысился с 1,7 до 21,3%, в овцах — с 1,4 до 7,6%, в свиньях — с 0,9 до 5%, значительно повысился в крупном рогатом скоте.

Это перемещение не могло не вызвать соответствующих сдвигов в распределении товарной массы животноводческих продуктов. В 1930 году около 39% мяса и сала и около 45% молока поступает от совхозов и колхозов против 8% и 14% в 1929 г.), около 2½% яиц, около 12% крупных и мелких кож (против 1½ и 3½% в 1929 г.) и около 18% шерсти (против 7%).

Предстоящий год должен дать заметный рост стада: к лету 1931 г. лошадей — на 4%, крупного рогатого скота — на 14%, овец — на 10%, свиней — на 70% с дальнейшим резким сдвигом в сторону обобществления. Все это неизбежно влечет за собой следующую динамику валовой продукции животноводства в 1930—31 г.: по линии мяса, сала, кож неизбежно сокращение, вызванное необходимостью форсирования роста стада, по линии молочных продуктов некоторый рост. Но на следующем этапе, примерно со следующего года, рост стада повлечет за собой и рост мясной продукции и продукции кож. Пока же имевшее место сокращение стада не может еще быть перекрыто ростом стада и его улучшением (увеличение доли скороспелого скота, роста веса скота и т. д.). Отсюда особое значение приобретает форсирование добычи рыбы. Однако, хотя валовая продукция животноводства дает снижение, все же с поступлением товарной продукции мы будем иметь значительно более благоприятную картину, и в этом сказывается возрастание доли обобществленного сектора, рост планового воздействия на единоличника, усиление контрактации. (Если в валовой продукции животноводства совхозы и колхозы в 1930 г. занимают 13%, то в товарной массе — 30%).

Разумеется, для этого, требуется решительное преодоление оппортунизма на практике, самотека, энергичнейшая работа плановых заготовителей, неослабная борьба с кулаком, спекулянтом. В результате, процент сдаваемой массы животноводческих продуктов к валовой продукции должен заметно повыситься. Обобществленный сектор значительно увеличивает свою товарную массу по сравнению с прошлым годом в 4½ раза по мясу, в 5 раз— по молоку, в 2½—по яйцам, в 2 раза—по кожам и в 2½ раза—по шерсти.

По некоторым товарам уже в этом году общественный сектор перекрывает или нейтрализует сокращения по индивидуальному сектору (молоко, шерсть, мясо и сало). Так, товарная масса отчуждаемого мяса должна лишь незначительно понизиться, молока возрасти — на 28%, яиц — на 48%.

К лету 1931 года намечается огромный дальнейший рост стада в колхозах и совхозах, так, число коров вырастет в совхозах в 6 раз, в колхозах— более 2 раз, свиней—в 4½ раза в совхозах и в 9 раз—в колхозах. В предстоящем году обобществленное стадо должно вырасти до 15 миллионов голов. Первые сводки говорят о реальности этого плана. Совхозы и колхозы имеют уже 26% валовой и 44% товарной продукции сельского хозяйства. Общий вывод таков, что уже на 3-м году пятилетки реализуется тот перелом, который вызван реконструкцией сельского хозяйства. Процесс обобществления сельского хозяйства дал огромный толчок росту сельскохозяйственного производства. Чрезмерное отставание сел. хоз. по зерну и техническим культурам уже изживается или изжито. Партия в основном разрешила зерновую проблему и разрешает проблему технических культур и овощного хозяйства. Это ска-

жется уже на третьем году пятилетки в виде заметного роста потребления ряда существенных продуктов широкого потребления. Партия приступает к разрешению животноводческой проблемы. Через год это скажется на росте потребления всех продуктов животноводства (в том числе и мяса). Перемещение стада в обобществленный сектор, связанное с радикальным улучшением кормовой базы (мы имеем возможность уже значительно улучшить корм скота), с сокращением неизбежного в мелкотоварном хозяйстве убоя молодняка (усилившегося благодаря известной кулацкой тактике и имевшим место перегибам), значительно ускорит темпы развития животноводства. Рациональное ведение скотоводства, переход на лучшие сорта скота, на скороспелый скот означает решительный перелом в снабжении трудящихся мясом и молочными продуктами. Все это может быть обеспечено лишь при осуществлении четкой классовой линии, рассчитанной на рост обобществленного стада, в борьбе как с правооппортунистическими «самотечными» настроениями, так и с «левыми» рецидивами, выражающимися в административных перегибах,—при условии решительной борьбы со спекуляцией.

* * *

В результате вышеозначенных процессов около 40% с.-х. продуктов питания, поступающих в город, уже в 1930 году производится в обобществленном секторе. Большая часть остальных заготовок получается путем контрактации. Охват единоличника плановыми заготовителями растет. В 1931 г. уже значительно более половины с.-х. продуктов городского питания будет произведено в обобществленном секторе.

Обобществление оборота продуктами питания выражается в дальнейшем росте доли обобществленного сектора в заготовках. Процент его в заготовках основных хлебов в 1929—30 г. равен 90—92%, в 1930—31 г.— 95—96%, по большинству технических культур приближается в 1930—31 г. к 100%, по мясу — 70% в 1929—30 г. и доходит до 90% в 1930—31 г.; по кожам—с 80—90% до 97%, по маслу коровьему в 1930—31 г.—около 75%, по яйцам—70%, по картофелю—85%.

Доля частного рынка в снабжении рабочего в 1930 г. падала и в натуральном и в ценностном (несмотря на огромный рост цен частника) вплоть до апреля 1930 г., с которой доля частника (до июля) в ценностном выражении начала расти, достигнув 29% по всем товарам в июле, против 21% в июле 1929 г. Сейчас снова наступил перелом в сторону снижения доли частника и в ценностном выражении. Учитывая более чем удвоение цен частника, следует подчеркнуть, что в натуральном выражении доля частного рынка даже в июле 1930 г. значительно меньше июля 1929 г. Всего за 10 месяцев 1929—30 г. (ориентировочно) удельный вес частного рынка в потреблении рабочих равен 18% (в ценностном выражении) против 20% за тот же период 1928—29 г. В натуральном же выражении доля частного рынка упала примерно вдвое. По сельхозпредметам питания это падение несколько меньше. Некоторый рост летом 1930 г. сменится уже в ближайшее время дальнейшим его падением.

Плановое распределение предметов широкого потребления обеспечит на ближайший год заметный рост зарплаты. Увеличится сумма потребляемых в среднем на одну душу рабочей семьи продуктов питания. Число калорий в пище значительно возрастет. Заметно возрастет потребление хлеба (с крупой и макаронами), овощей, картофеля, рыбы, молока, яиц, сахара, кондитерских изделий, растительного масла. Несколько уменьшится потребление мяса и коровьего масла, при этом еще могут быть использованы дополнительные резервы. Снабжение мясом рабочих в промышленных районах, очевидно, будет сохранено в нынешних нормах. Значительно возрастают по плану душевые нормы потребления рабочими одежды и обуви. Снабжение рабочих промтоварами (ориентировочно) должно, по имеющимся расчетам,

возрасти примерно на 20—22% (в том числе по промтоварам — предметам питания — примерно на ¼, по прочим—на ⅕), по с.-х. продуктам питания— примерно на 7% (а в промышленных центрах — около 10%).

Эти результаты могут быть достигнуты лишь при жесткой системе нормированного снабжения по классовому принципу с диференциацией снабжения рабочих (в зависимости от города, характера предприятия, цеха), ставящей снабжение в зависимость от роли того или иного предприятия. Система закрытого распределения должна еще больше диференцировать снабжение. Организованным снабжением рабочих предположено охватить полностью или почти полностью по хлебным овощам, мясу, сахару, рыбе и кондитерским изделиям, маслу растительному; по яйцам, маслу коровьему — от ⅔ до ¾ и лишь по молоку почти на половину.

Так возрастает доля обобществленного сектора в снабжении. Около ¾ всех покупаемых рабочими предметов потребления (в натуральном выражении) приходится уже на организованное снабжение.

Особое значение сейчас приобретает решительный переход к системе закрытых распределителей, что обеспечивает возможность более четкого проведения классового принципа снабжения и большей диференциации и гибкости в снабжении, в зависимости от состояния и роли того или иного мероприятия. Этой системой обеспечивается доведение норм до рабочего, улучшается обслуживание рабочих (приближение к рабочему потребителю, изжитие очередей и т. п.), улучшается дело рабочего контроля над потребкооперацией и, наконец, что имеет сейчас весьма актуальное значение — уменьшается спекуляция и злоупотребление заборными книжками.

Заметно должны возрасти душевые нормы потребления деревней в 1930/31 году промтовары (особенно по одежде, сахару, макаронам, мылу, керосину). Чрезвычайно характерным является тот факт, что по подавляющему большинству промтоваров более ¾ их количества отпускается в порядке целевого снабжения и в виде премии за сдачу с.-х. продуктов по заготовкам.

Таким образом, в настоящее время подавляющая масса продуктов, приобретаемых рабочими и основными массами деревни, отпускается им в порядке организованного снабжения.

Хищническая роль частника (цены на продукты питания на частном рынке превышают цены обобществленной розницы в 5—6 раз, а довоенный уровень — в 10—11 раз. За год они возросли по продуктам питания вдвое, а по некоторым и втрое), его бешеные усилия урвать за счет вздутия цен часть народного дохода выступают сейчас особенно четко. Развертывание социалистического наступления по всему фронту, вытеснение частника на базе замены его обобществленным сектором должны дать значительный эффект в сторону улучшения материального уровня трудящихся.

Сейчас яснее ясного, к чему бы привели правооппортунистические элементы, предлагавшие ослабить наступление на частника, «нормализовать» товарооборот, создав условия для развертывания рыночной стихии. Этот либерализм, взятый на прокат у контрреволюционеров Громана и Кондратьева, означал бы срыв всей плановой системы цен, плановой системы снабжения, срыв плановых заготовок, срыв зарплаты, гигантское обогащение капиталистических элементов, огромную перекачку средств в ущерб социалистической индустриализации и коллективизации, сильное укрепление позиции кулака и нэпмана.

Партия отбросила правооппортунистические проекты и, в решительной борьбе с правым уклоном — главной опасностью на данном этапе — твердо осуществляя наступление по линии рыночных отношений, обеспечила и с этого фланга успешный ход индустриализации и коллективизации.

Разумеется, партия отвергает как выражение «левого» загиба, перенесение сейчас также на частную торговлю лозунга «ликвидации капитализма в деревне на основе сплошной коллективизации». Партия отвергает как «левый» загиб такие перегибы, как административное закрытие частного рынка. Административное запрещение крестьянину продавать продукты на частном рынке является антисередняцким загибом. Вытеснение частника и частного рынка происходит на основе базы расширения обобществленного сектора и полного охвата им трудящихся. Разумеется, что при этом необходимо решительно бороться с оппортунистической установкой на самотек в плановых заготовках, необходима беспощадная борьба с кулацкой агитацией, необходимо не ослаблять внимания к борьбе со спекуляцией и ажиотажем, не останавливаясь перед применением в известных случаях самых решительных мер революционной кары.

Напряженная обстановка обостренной классовой борьбы, резко выявляющейся и на рынке, настоятельно требует коренного поворота в борьбе с правым оппортунизмом на практике в работе обобществленной торговли. Достаточно привести два примера: медлительность кооперации в деле развертывания собственной пригородной овощной базы в 300 тыс. га и медлительность в развертывании системы закрытых распределителей. Отставание в работе в этих случаях носит *политический* характер. Оно является пособничеством классовому врагу. Правый оппортунизм в практике потребительской кооперации — серьезнейший тормоз в борьбе за снабжение, за реальную зарплату, против кулака и нэпмана.

Напряженное состояние ресурсов предметов потребления, особенно продовольственных, в условиях сильного напора рыночной стихии, бешеного сопротивления классового врага на рынке — требует решительного осуществления в борьбе с оппортунизмом в теории и на практике системы организованного снабжения.

* * *

На рынке мы имеем сейчас развернутое контрнаступление враждебных социалистическому плану элементов — кулак и нэпман, вздувая цены, пытаются сорвать плановые заготовки. Кулак, частник, спекулянт, вредитель единым фронтом пытаются сорвать нашу плановую систему организованного снабжения, являющуюся мощным рычагом осуществления плана социалистической индустриализации на нынешнем этапе и мощным орудием в борьбе с попытками капиталистических элементов «перекачать» в свою пользу часть дохода трудящихся. Прежде чем перейти к оценке системы снабжения, остановимся на одном моменте.

На нынешнем этапе, когда налицо лишь переходная к развернутому социалистическому распределению система снабжения, действующая при наличии частного рынка, обостренного дефицита продуктов, спекуляции, наличии капиталистических элементов, пытающихся перераспределить доход в свою пользу, повышать свое потребление за счет трудящихся и т. д.,— естественно, что сейчас нормировка *отдельных* продуктов абсолютно необходима, как средство классовой системы распределения. Отмечая переходный характер нынешней системы распределения, следует решительно подчеркнуть, что она отнюдь не может быть рассматриваема лишь как продукт хозяйственных трудностей. В ней налицо ряд существенных моментов, относящихся к росту *планового социалистического начала*, вытесняющего элементы «свободы торговли».

Наличие нынешней нормированной системы снабжения в условиях быстрого роста мощного, уже не только ведущего, но и преобладающего в народном хозяйстве обобществленного сектора, означает, что отмирает система той формы относительно свободного приобретения товаров, которая имела место в первый период нэпа и которой соответствовал иной удельный

вес частного сектора, иной вес частного рынка, частной торговли, когда отсутствовало то выкорчевывание корней капитализма, которое развернулось сейчас. Разумеется, полной неограниченной свободы торговли, предполагающей не диктатуру пролетариата, а капиталистическое общество, при нэпе не было никогда. Но различный вес элементов «свободы торговли» в «начальной стадии нэпа» и сейчас, в его «последней стадии», необходимо подчеркнуть.

Поэтому, с изживанием напряженности по линии предметов широкого потребления, с выкорчевыванием элементов капитализма, с отмиранием спекуляции, частного рынка—путь от нынешней системы нормированного снабжения, естественно, лежит *не назад* в направлении к стихийной купле-продаже,—не назад, в направлении усиления «власти денег», стихийно размещающихся среди населения, не к власти индивидуального богатства. Дальнейший рост социализма и выкорчевывание корней капитализма закроет каналы частно-капиталистического накопления и рыночной стихии, и нынешняя система снабжения преобразуется в развернутую социалистическую систему распределения, в соответствии с затратами труда, где свобода выбора отдельных продуктов будет обеспечена потребителю предприятиями обобществленного сектора. В виду этого исчезнет возможность стихийного роста цен. Исчезнут элементы рынка; цена превратится исключительно в счетное наименование продуктов. Деньги превратятся в «расчетные знаки», или в «трудовые талоны». Достигнуто ли такое положение уже сейчас? Разумеется, нет (при этом нужно решительно отвергнуть оппортунистические взгляды на наши деньги, как, по существу, на те же деньги, что и в капиталистическом хозяйстве).

Правда, в настоящее время в обобществленном секторе мы имеем уже, безусловно, преобладающую роль организованного снабжения. Правда, распределение продуктов личного потребления обобществленным сектором в основном уже определяется не только количеством денег, которым обладает потребитель, но и местом, занимаемым потребителем в процессе производства, его классовой принадлежностью. Факт обладания деньгами тем самым в огромной степени уже является лишь одним, но не *единственным* условием для получения продуктов в обобществленном секторе. Однако, нужно подчеркнуть, что этот процесс организованного снабжения не охватывает еще всего бюджета рабочего, служащего, трудящегося деревни. Во-первых, потому, что и в самом обобществленном секторе продукты частично отпускаются *всякому владельцу* денег и, во-вторых, потому, что помимо обобществленной торговли имеется, еще играющий заметную роль, частный рынок, который не может быть сразу, административным путем ликвидирован (как это полагали «левые» загибщики), а должен быть замещен обобществленным сектором.

Крестьяне и кустари еще реализуют часть своей продукции на базаре, непосредственному потребителю, частному посреднику и покупают в свою очередь друг у друга и у частного посредника. Рабочий и служащий покупают еще заметную (особенно по продовольствию заметную) долю продуктов на частном рынке. Частник, получая разными способами товары, еще развивает свою спекулятивную деятельность.

Наличие еще неорганизованного товарооборота означает, что за рыночной оболочкой, за ценой еще скрывается борьба классов, борьба преобладающего социалистического плана с враждебной ему стихией. Мы переживаем процесс организации социалистического продуктообмена, уже далеко шагнувший вперед, но этот процесс еще не закончен. Думать иначе, значит игнорировать ту ожесточенную классовую борьбу, которая сейчас происходит на рынке, роль частного рынка в повышении цен, роль хозяйственных затруднений и т. д. Это по форме—«ультралевая» и по существу оппортунистическая установка, замазывающая проблему «кто — кого» там, где она еще не

разрешена. Поскольку деньги и цена еще не сыграли своей роли, необходимо осознать важность проблем укрепления денежного обращения. Партия резко подчеркивает важность устойчивости единицы учета рубля, важность роста его покупательной силы для трудящихся.

Не следует смешивать задачи укрепления денежной системы с возвратом к стихийно-денежному механизму «нормального» товарного хозяйства. Те, кто это делает, не понимают диалектику развития денег в наших условиях, под деньгами понимают лишь «нормальные» деньги чисто-товарного хозяйства со свободной торговлей. Между тем, как все дело заключается в том, на какой основе укрепляется наша денежная система, на основе ли задержки темпов индустриализации, на основе ли укрепления свободной торговли, «нормализации рынка и т. д., как это предлагали правые оппортунисты, или на основе роста индустриализации, укрепления системы организованного снабжения, отмирания частного рынка, усиления борьбы со спекуляцией, форсирования денежных из'ятий у капиталистических элементов (пытавшихся нажиться на товарном голоде), как это проводит партия. Укрепляясь, наша денежная система отнюдь не перестает трансформироваться в систему развернутого социалистического распределения. Крайне опасным практически являлось бы возрождение теории, что отмирание денег должно происходить на основе их безудержной эмиссии, на основе обесценения дензнаков. Эта троцкистская позиция ничего общего не имеет с генеральной линией партии. Оздоровление денежного обращения, приведение в большее соответствие количества денег и количества продуктов, ослабление товарного голода, ажиотажа, спекуляции не только не означает задержку процесса перехода к социалистическому распределению, но является условием, ускоряющим этот переход (об этом было сказано выше при характеристике нашей системы нормированного снабжения).

Нужно подчеркнуть, что излишнее скопление денег далеко не безразлично для нашего народного хозяйства. В настоящее время бесспорно в руках у населения, особенно в деревне, скопилась изрядная сумма денег, которой не противостоят продукты. Иными словами, мы имеем обострение товарного голода, усиление расхождения между покупательным спросом и предложением. Рост этих денежных излишков может оказать отрицательное действие на ход хозяйственного строительства. Он, в конце концов, может привести к еще большему росту ажиотажа, спекуляции, к такому вздутию цен частного рынка, что в дальнейшем может вызвать затруднения в области плановых заготовок, в области осуществления контрактации, может вызвать усиление позиции кулака в его сопротивлении коллективизации, наконец, может привести к удару по реальной зарплате, к усилению текучести рабочей силы, к угрозе выполнению производственных программ.

Следует помнить, что чрезмерное накопление денежных излишков в деревне ослабляет стимулы к реализации продуктов сельскохозяйственного производства, а затем и к производству их. Задачей экономической политики является — усилить покупательное значение денег путем ослабления недостатка товаров, путем финансовых из'ятий.

Уже хозяйственный план наступившего «ударного квартала социалистического наступления» рассчитан на значительное продвижение вперед в этом отношении, благодаря огромному росту выпуска предметов массового потребления при одновременном из'ятии значительных денежных сумм, при твердой кредитной дисциплине и решительной борьбе за снижение себестоимости.

Некоторые мыслят себе разрешение задачи уменьшения денежных излишков весьма упрощенным путем — путем повышения цен обобществленным сектором.

Партия решительно отвергает эту вредную оппортунистическую установку, повторяющую троцкистские рецепты, бьющую по смычке, по покупательной силе рубля, ломающую нашу систему цен. Система цен не должна итти за рыночной кон'юнктурой, а противостоять ей, сохраняя свой плановый характер. Для уменьшения денежных излишков нужно использовать бюджетно-кредитные рычаги, с диференцированным классовым подходом, усилив нажим на капиталистические элементы, усилив обобществленное производительное использование через кредит крестьянского накопления.

Развернутое же повышение цен обобществленным сектором даже вне нормированного снабжения серьезно затронет интересы всех трудящихся.

Партия со всей решительностью требует от всей системы обобществленной торговли максимального сокращения издержек и выполнения директив по снижению цен. Современная напряженная кон'юнктура рынка пока не позволяет проводить курса на значительное снижение розничных цен, но вместе с тем всяким попыткам протащить сейчас троцкистские установки на повышение уровня цен будет нанесен решительный удар.

Итак, решительное развертывание системы нормированного снабжения отнюдь не противоречит задаче укрепления денежной системы. Наоборот, укрепление позиции обобществленного сектора и вытеснение частника и ведет к укреплению денежной системы и покупательной силы рубля.

* * *

Процесс социалистической реконструкции сельского хозяйства на наших глазах создает прочную базу для преодоления дефицита предметов личного потребления. Предстоящий год будет еще безусловно напряженным в отношении наличия средств потребления, но уже ярко выявляет тенденцию к решительному перелому в этой области. Партия решительно отвергла предложения оппортунистов, перепевавших Громана, о ввозе предметов широкого потребления в ущерб ввозу оборудования, как попытку сорвать взятые темпы индустриализации. Мы ввозим лишь самый необходимый минимум оборудования. Сокращение этого минимума означает значительный ущерб делу индустриализации. Вместо этого, партия нажимает все рычаги по линии ускорения индустриализации, коллективизации, а в сфере обращения усиливает борьбу со спекуляцией, борется за дальнейший рост обобществленной торговли, за классовое распределение и правильное использование наличных ресурсов.

Задача политики распределения в твердом осуществлении организованного снабжения — вопреки всяким оппортунистическим попыткам — в максимальном обеспечении роста потребления рабочего и колхозника в улучшении снабжения бедняцко-середняцкой деревни, в подчинении снабжения деревни интересам выполнения плановых заготовок с соблюдением при этом классовой диференциации.

Система организованного снабжения является мощным рычагом роста товарного отчуждения сельхозпродукции. Нужно максимум промтоваров твердо и неуклонно проводить через эту систему

Необходимо твердо помнить, что процент товарности в деревне в этом году должен быть заметно повышен — этого требуют все наши планы снабжения. Необходимо шире развернуть роль общественности как по линии колхозов, так и по линии единоличников в деле борьбы с продажей на частный рынок, в деле точного выполнения обязательств по сдаче продукции обобществленному сектору. Необходима решительная борьба с невыполнением контрактации. Надо вести борьбу с имеющимися фактами продажи колхозами продукции на частный рынок путем общественного осуждения этих фактов и путем лишения этих колхозов тех или иных льгот.

Необходимо величайшее внимание к радикальной перестройке работы снабженческих организаций, прежде всего, на основе неуклонного роста пролетарского контроля.

И. Гайдуль.

Опыт борьбы за промфинплан*)

Первые два месяца 1929/30 хозяйственного года на заводе «Серп и Молот» дали прорыв. Программа в октябре была выполнена только на 83,1%, в ноябре — на 89,0%. Таков размах **прорыва**. А 25 сентября 1930 года рабочие завода «Серп и Молот» в принятом ими рапорте писали:

ЦК и МК ВКП(б), МОСПС, „ПРАВДЕ“ и „РАБОЧЕЙ МОСКВЕ“

РАПОРТ.

8 с половиною тысяч металлистов з-да «Серп и Молот» в ответ на обращение ЦК рапортуют:

Боевое задание партии и правительства—программу второго года пятилетки—выполнили 25 сентября. Завод должен был дать стране металла, в частности стали, на 34.557 тысяч рублей. Мы уже дали на 34.645 тыс. рублей.

Остающиеся пять дней будем работать на перевыполнение программы. Таков наш ответ правым и «левым» оппортунистам, нытикам и маловерам.

В 1931 году серпомолотовцы увеличат программу на 50 проц., т.-е. дадут стране металла на 52.500 тыс. рублей.

Строим при заводе школу-комбинат с пропускной способностью 1.300 чел. в смену для подготовки квалифицированных рабочих, техников и инженеров по металлургии. Примерно 50 проц. рабочих завода охватим учебой.

В ответ на обращение ЦК количество ударников возросло на 450 человек. Самозакреплением на заводе до конца пятилетки охвачено 2.500 человек. Поступило 400 рабочих предложений, поступило в партию 70 ударников, в комсомол—100.

Этих результатов мы добились на основе генеральной линии партии, благодаря развертыванию самокритики, социалистического соревнования, ударничества и поворота организаций лицом к производству.

У нас, конечно, еще много трудностей и недостатков в работе. Мы металлисты, трудностей не боимся, преодолевали их и будем преодолевать

Серпомолотовцы — за генеральную линию партии.

За выполнение пятилетки в четыре года!

Против правых и «левых» оппортунистов!

Против нытиков, маловеров, рвачей и «летунов»!

СССР должен быть и будет металлическим!

Да здравствует организатор и вождь рабочего класса и социалистического строительства — Всесоюзная Коммунистическая Партия и ее большевистский Центральный Комитет».

---

*) Помещая статью тов. Гайдуля о борьбе за промфинплан на з-де «Серп и Молот» (Москва), редакция «Большевика» предполагает в ближайших номерах осветить опыт мобилизации масс и перестройки работы в борьбе за промфинплан на крупнейших предприятиях СССР — в частности по материалам бригад ЦК ВКП(б) по реализации обращения ЦК от 3 сентября.

Редакция приглашает товарищей, работающих в бригадах ЦК, партийных комитетах, крупных предприятиях, присылать в «Большевик» материалы, рисующие и анализирующие их практический опыт.

Как же нам удалось добиться перелома выполнения программы и ее перевыполнения? Этот перелом был обеспечен, прежде всего, на основе развертывания самокритики и борьбы с оппортунизмом. В противовес представителям правого уклона на практике, занявшимся болтовней о непосильных темпах роста заводской производственной программы, парторганизация завода на основе жесточайшей большевистской критики, невзирая на лица, вскрыла действительные причины хозяйственного прорыва, забила тревогу, мобилизовалась на его ликвидацию сама и мобилизовала весь заводской коллектив, ударила по оппортунистам и левым фразерам, заострила классовую бдительность и ответственность рабочих за выполнение промфинплана, повернула все организации на деле лицом к производству, и тем самым обеспечила перелом. Уже декабрь дал 107,7% выполнения программы, вместо 83 и 89% в октябре и ноябре.

Практически это было проделано так: постановление заводского парткомитета через печать и собрания довели до каждого рабочего. В декабре провели экстренные пленумы ячеек ВКП(б), групповые, цеховые и сменные рабочие собрания, общезаводскую конференцию рабочих и отдельно конференцию рабочей молодежи и инженерно-технического персонала с обсуждением вопроса о хозяйственном прорыве и путях его преодоления. На этих собраниях рабочие проявили небывалую активность и энтузиазм, решение парткомитета всюду было одобрено и в дополнение к нему были внесены десятки и сотни ценных предложений о ликвидации прорыва. Правооппортунистические кривотолки о невыполнимости программы на всех рабочих собраниях нашли единодушный отпор. Ряд сомневающихся и неверящих в выполнение программы не посмели членораздельно отстаивать перед рабочими свою пораженческую точку зрения.

В агитационной и пропагандистской работе в качестве примера, показа, образца того, как надо работать, мы широко популяризировали работу Краснознаменного листопрокатного (450 раб.) и сталелитейного (700 раб.) цехов, которые за октябрь выполнили программу на 100% и 106,6% и за ноябрь — на 100,2% и 103,7%. Эти цеха, особенно сталелитейный, увеличивший свою программу по сравнению с 1928/29 годом на 50%, были ярким, живым показателем того, что и в целом по заводу программу можно выполнить и перевыполнить. Рабочие сталелитейного и листопрокатного цехов через заводскую газету «**Мартеновка**» и собрания обратились ко всем рабочим завода с призывом смыть позорное пятно с завода, и не только ликвидировать прорыв, но и перевыполнить программу. Из отстающих по выполнению программы цехов были организованы экскурсии рабочих в сталелитейный и листопрокатный цеха для ознакомления с работой этих цехов, с работой их ударных бригад, с их постановкой учета работы ударных бригад и т. д. Благодаря всему этому сталелитейный и листопрокатный цеха сумели передать свой положительный опыт работы другим цехам и сыграли роль буксира, который товарищески помогал отстающим и воодушевлял на борьбу за перевыполнение программы.

Во всей агитационной и пропагандистской работе, а также и организационной практике мы с особой резкостью подчеркивали, что общим разговорам об индустриализации страны и выполнении пятилетки в четыре года— грош цена, если не принимается никаких практических, конкретных мер к обеспечению выполнения и перевыполнения программы. Тот не большевик, а фразер и оппортунист, кто ограничивается лишь разговорами о быстрых темпах индустриализации. Мы говорили: мало, бия себя в грудь кулаком, клятвенно уверять: «я за генеральную линию партии», надо практически, на деле, в условиях завода, цеха, аггрегата доказать и показать умение проводить в жизнь боевые задания партии — промфинплан. От партийных ячеек, профорганизаций и коммунистов-хозяйственников мы требовали не рассуждений

о пятилетке вообще,— а систематической, настойчивой, четкой работы по организации рабочих масс и выполнению данных заводу, цеху, агрегату заданий и по преодолению трудностей, стоящих на этом пути. Эта, несомненно, правильная постановка вопроса многих встряхнула, повысила чувство ответственности и тем самым способствовала ликвидации прорыва.

Но одной агитации и пропаганды мало для ликвидации прорыва и выполнения программы. Гвоздь вопроса в организации, в умении нащупать наиболее слабые места, в умении подобрать людей, расставить их и каждому под его персональную ответственность точно определить, что он должен сделать. Исходя из этой установки, мы пересмотрели во всех цехах права и обязанности работающих, а где их не было — выработали. На всех прокатных станах назначили начальников станов вместо прежних мастеров, которые конкретно не руководили и не отвечали за работу того или иного стана. На мартеновских и нагревательных печах назначили старших, которые бы руководили и отвечали за состояние и работу агрегата. Почти во всех цехах выдвинули передовых рабочих-ударников на должности помощников заведующих цехами. Создали специальные сквозные бригады из рабочих и представителей ИТС, партийных и профсоюзных организаций по вопросам: капитального строительства, деталям и инструментам, по использованию внутрипромышленных ресурсов и планированию. Эти бригады оказали существенную помощь.

Путем составления пятидневных сводок-таблиц о ходе выполнения программы по каждому цеху в отдельности и заводу в целом установили открытый контроль за ходом выполнения программы. В этих сводках указывается задание на 5 дней в тоннах и ценностном выражении, его выполнение в абсолютных цифрах и процентах. Эти оперативные сводки, а также ежедневные и пятидневные сводки о прогулах, дают возможность контролировать выполнение программы по цехам и оказывать на ходу помощь отстающим. В цехах, на мартеновских печах, прокатных и листопрокатных станах, сталепроволочных станах ввели доски ежедневного учета работы агрегатов, благодаря чему, например, в мартеновском цеху в любое время можно было точно установить, сколько часов ушло на завал печи, сколько часов на плавку, сколько на разлив плавки и т. д. Если оказывается, что одна плавка сидела в печи 8 часов, а другая 11, то, видимо, слабо было давление воздуха или плохой доламит и т. д. Точный учет работы дает возможность оперативно, на ходу устранять тормозы и узкие места. Должен оговориться, что основные производственные цеха и заводы (сталелитейный, фасонно-литейный, прокатный, листопрокатный, сталепроволочный, прессовой, канатный и строительно-мостовой) имеют цеховые промфинпланы, а промзадание в них доведено до агрегата. Но раньше квартальные, месячные и пятидневные задания доводились до рабочего с запозданием, теперь мы этот недостаток через заводскую газету «Мартеновка» устранили, а посредством досок-заданий рабочие заранее информируются, что и сколько должен выработать их агрегат.

Правда, это крайне важное дело—учет, еще до самого последнего времени хромало.

Партийную и профсоюзную организации мы перестроили в соответствии с лозунгом — «лицом к производству». Эта перестройка в основном выразилась в том, что от комиссионной и заседательской работы мы перешли к функционально-секторной работе и персональной ответственности. В основу перестройки положили производственный принцип. В ячейке (при бюро) создали сектора: партийно-организационный, роста партии, агитации и массовых кампаний, учебы, по работе среди новых кадров рабочих, связанных с деревней, создали и сектор проверки выполнения решений.

На каждом производственном участке и агрегате избрали парторганизаторов. В цехах, где твердый состав смен, например, сталелитейном и прокатном, создали самостоятельные ячейки по сменам.

Примерно таким же образом перестроили и профорганизацию, создав, вместо цехпрофбюро, цеховые комитеты, по сменам — профуполномоченных и по производственным участкам и агрегатам — группоргов.

Опыт работы полностью оправдал основные принципы этой перестройки. Особенно важно и ценно то, что в каждом производственном участке и на каждом крупном агрегате есть треугольник в лице парторганизатора, профгруппорга и мастера или бригадира. Создается новый актив, гарантируется своевременная сигнализация производственных неполадок, а следовательно, и их быстрейшее устранение.

Конечно, в этой системе еще много недочетов, зачастую парторги и профгруппорги слабы, зачастую они плохо инструктируются, но это нисколько не умаляет того, что в принципе система верна. Доведение промфинплана или хотя бы промзадания до агрегата создает благоприятную базу для улучшения социалистического соревнования и для работы низового треугольника.

Мы перестроили также работу производственных комиссий и совещаний, вместо общецеховых стали проводить групповые — по производственным участкам и агрегатам,—это повысило интерес к ним, улучшило посещаемость и качество их работы.

Этот опыт говорит о том, что перестройка парторганизаций на деле способствовала повороту их лицом к производству и к выполнению промфинплана. Повестки дня пленумов парткомитетов и ячеек насыщены хозяйственными вопросами. На партийных и общих рабочих собраниях сейчас и члены бюро цеховых ячеек ВКП(б), рядовые члены партии и беспартийные рабочие, особенно ударники, говорят о работе завода и цехов с фактами, цифрами и конкретными предложениями. Выражением поворота парт- и профорганизаций лицом к производству может служить и то, что через каждые три месяца мы проводили массовую проверку выполнения промфинплана. Для этой цели создавались общезаводская и цеховые временные контрольные комиссии с привлечением к работе сотен рабочих-ударников. Эти самопроверки способствовали выявлению узких мест, их преодолению, а тем самым и выполнению промфинплана. Результаты самопроверок, как правило, обсуждались на конференциях ударников, рабочих собраниях, парторганизациях. Перестройка работы парторганизаций завода явилась важнейшим рычагом выполнения промфинплана.

Однако, и перестройка работы и ряд других мероприятий повисли бы в воздухе, если бы мы не имели гигантского под'ема творческой активности и производственного энтузиазма рабочих.

Рост ударных бригад по нашему заводу выражается в следующих цифрах:

Время	Количество ударных бригад	Количество ударников	% % охвата рабочих ударными бригадами
На 1/I-1929 г.	43	370	6%
„ 1/I-1930 г.	83	900	14%
„ 1/IV 1930 г.	245	3450	45%
„ 1/VIII 1930 г.	321	4200	52%
„ 20/IX 1930 г.	401	5000	62%

В производственных цехах мы имеем до 90% рабочих, охваченных ударными бригадами. В подсобных цехах этот процент снижается до 15—20.

В производственных цехах почти 100% коммунистов являются ударниками, а в подсобных цехах показатель снижается до 30%.

За последние 4—5 месяцев организуются сквозные бригады, бригады-буксиры, бригады образцового качества продукции. Десятки бригад показывают образцы действительно коммунистического отношения к труду. Бригады Романова, Савельева, Подрубаева, Арушановой, Новикова и других вырабатывают 120—145% задания. Благодаря развертыванию соревнования и самоотверженной работе ударников наш передовой Краснознаменный листопрокатный цех закончил выполнение годовой программы 10 сентября, сталепроволочный, канатный и прессовой---10—15 сентября. Благодаря работе ряда ударных бригад сердце завода—мартеновский (сталелитейный) цех, начиная с октября 1929 года, из месяца в месяц весьма напряженную программу перевыполняет. До революции, при Гужоне, бывшем владельце завода, мартеновский цех давал максимально 77 тыс. тонн металла, а в 1929/30 году он при том же количестве мартеновских печей дал СССР—145 тысяч тонн металла. Это один из показателей блестящей работы ударников, действительно пролетарского, социалистического отношения к труду. Заводская практика подтверждает тот факт, что для ударников—цифры, показатели работы являются вопросом чести.

Говоря о социалистическом соревновании и ударничестве, необходимо особенно подчеркнуть новое в соревновании—создание бригад образцовой продукции. Вскоре после XVI с'езда ВКП(б) в завком завода «Серп и Молот» поступило такое заявление:

«XVI с'езд партии в числе других задач поставил перед всем рабочим классом задачу всемерно улучшить качество продукции, которое за последнее время значительно ухудшается во всех отраслях промышленности.

Считая, что выполнение решений XVI с'езда партии на деле является непременным и обязательным долгом каждого сознательного пролетария, и в особенности ударника, мы, ударники бригады формовщика Подрубаева в количестве шести человек, ставим себе задачей давать стране только высококачественные изделия и об'являем себя бригадой «образцовой продукции».

Мы ставим перед собой следующие задачи:

1. Добиться повышения выхода I сорта с 94,85% до 96,22%.
2. Уменьшить количество брака по нашей вине с 1,37% в месяц до 0%.
3. Добиться изжития брака по вине завода с 3,78 до 2%.
4. Выявлять своевременно все причины, ухудшающие качество продукции и немедленно принять конкретные мероприятия к их устранению.
5. О недоброкачественности поступающего сырья, полуфабриката, инструмента и т. п. всякий раз ставить в известность через заводские организации рабочих тех заводов, от которых поступили недоброкачественные материалы, изделия и т. п.

Мы вызываем бригады формовщиков тов. Семенова и бригады Куяченко об'явить себя бригадами образцовой продукции, а также и ИТР цеха об'явить себя мобилизованными на выработку высококачественной образцовой продукции.

Подписи: 1. Подрубаев, 2. Самков, 3. Макаров, 4. Новиков, 5. Батибин, 6. Червяков.

Этот прекрасный почин бригады тов. Подрубаева мы всячески поддержали. Организовано уже шесть бригад образцовой продукции. Первые месяцы их работы дали блестящие результаты. Бригадники свои обязательства выполняют. Этот положительный опыт мы считаем необходимым всячески расширять, памятуя, что «качество продукции должно стать обязательным элементом социалистического соревнования и ударничества—без этого ничего не выйдет». (Куйбышев, из доклада на XVI с'езде ВКП(б).

В связи с обращением ЦК от 3/IX на заводе развертывается широкое движение за качество продукции. Уже больше 500 рабочих на 20/IX были охвачены договорами энтузиастов. Вот один из таких договоров:

ДОГОВОР ЭНТУЗИАСТОВ.

Я, рабочий Н. Сирота прокатного цеха, № 135518, вступая в третий, решающий год пятилетки, заключил настоящий договор с рабочим Воронковым, № 803, по которому мы обязуемся перед общественными организациями завода:

1. С 10 сентября с. г. повысить свою выработку на 54 тонны с тем, чтобы успешно завершить программу второго года пятилетки и в полной боевой готовности вступить в решающий предпоследний год пятилетки.
2. Добиться повышения выхода первого сорта до 100%, уменьшив количество брака до 0. Всемерно улучшать качество продукции, осуществляя решения XVI с'езда ВКП(б), ставя своей задачей выпускать высококачественную продукцию.
3. В целях успешного выполнения пятилетки в четыре года и выполнения и перевыполнения промфинплана завода, обязуюсь до конца пятилетки работать на заводе.
4. Вести решительную борьбу за рационализацию и улучшение своего рабочего места.
5. Ликвидировать прогулы до 0% и мерами общественного воздействия бороться со всякими проявлениями рвачества и разгильдяйства на производстве.
6. Вести решительную борьбу за улучшение и рационализацию своего рабочего места. Следить за чистотой станка, печи, агрегата. Бережно относиться к производственному инструменту. Взять на учет каждый лишний килограмм материала, топлива и отбросов производства.
7. Двигать рабочие предложения по улучшению производства, активно участвовать в производственных совещаниях. Довести посещаемость производственных собраний до 100%.
8. Взять под контроль загрузку оборудования.
Ликвидировать простои, зависящие от рабочих, до 0.
Добиваться максимального использования машины. В случае простоя из-за отсутствия материала, инструмента и т. п. всякий раз ставить в известность через цеховые организации рабочих того цеха или бригады, в которые материал должен поступить.
9. Систематически повышать свой производственно-технический уровень. Один час в пятидневку на учебу—на ликвидацию технической неграмотности.

Означенный договор вступает в силу с 10 сентября 1930 года до 1 октября 1932 года.

Подписи: Сирота и Воронков.

Социалистическое соревнование, борьба за качество продукции после XVI с'езда ВКП(б) идут на под'ем. Это — лучший показатель того, что рабочий класс одобряет решения с'езда о развернутом социалистическом наступлении по всему фронту.

Наконец, говоря о мероприятиях по ликвидации прорыва и обеспечению перевыполнения плана, нельзя не остановиться на организации питания рабочих на заводе. В этом деле завод имеет несомненные достижения. Они выражаются в том, что недавно еще рабочий тратил на обед примерно один час, а теперь, тратит 10—15 минут; раньше рабочий минут по 50 торчал в очереди и подчас не получал обеда, сейчас же без очереди получает обед. Невольно возникает вопрос, как это сделано? Отвечаю. Мы организовали закрытые столовые и буфеты непосредственно в цехах, куда пища доставляется в термосах.

Для контроля за работой столовых в каждом цеху выделена ударная бригада по улучшению питания. Комсомол шефствует над столовыми, буфетами и свинарником (последний организован в последнее время). В столовую и буфет для работы выдвинули рабочих завода из ударников. За последнее время при заводе организуем закрытый распределитель и доставку горячей пищи в ночные смены. К задаче улучшения питания рабочих заводские организации подошли как к одному из важных участков борьбы за выполнение промфинплана. Опыт показал, что этот подход был правилен.

Таковы важнейшие мероприятия, обеспечившие ликвидацию прорыва и перевыполнение промфинплана по заводу «Серп и Молот». Было бы несправедливо при этом умолчать о роли заводской газеты «Мартеновка» и цеховых

стенгазет. Надо прямо сказать, что роль заводской газеты в деле борьбы за промфинплан гигантски велика. Год тому назад наша заводская газета «Мартеновка» выходила один раз в десять дней, в сентябре 1930 года она выходит через день. Ее тираж—7.500 экз. Газету «Мартеновку» читают все. В условиях завода она один из могучих проводников идей партии в самую гущу рабочих, один из важнейших рычагов в деле коммунистического воспитания рабочих и в деле борьбы за промфинплан.

В заключение, хотя бы кратко необходимо остановиться на встречном промфинплане, во-первых, потому, что он на данном этапе есть высшая форма социалистического соревнования, во-вторых, потому, что он наиболее яркий показатель борьбы широких рабочих масс за мобилизацию внутренних ресурсов, за действительные большевистские темпы социалистического строительства. Завод «Серп и Молот» представлен Пролетарским РК ВКП(б) к премированию за примерную проработку встречного промфинплана. Поэтому осветить наш опыт в деле борьбы за встречный промфинплан будет далеко небезынтересно.

В прошлом на заводе «Серп и Молот», как и на большинстве предприятий, плановые наметки треста и заводоуправления обсуждались завкомом, ячейками, производственными совещаниями, смежными и цеховыми рабочими собраниями и заводской конференцией. Но не было самого важного—плановые наметки администрации не проверялись внизу—в агрегате (стан, печь и т. д.), бригаде, производственном участке и поэтому обсуждение планов администрации приводило, в большинстве случаев, к штемпелеванию.

По-иному завод «Серп и Молот» составил контрольные цифры на 1930/31 г. Партийные и профсоюзные организации (партком, завком, цехкомитеты и бюро ячеек ВКП(б), вместо штемпелевания плана, составленного администрацией, передали его на обсуждение и проверку в агрегаты, бригады и производственные участки. Рабочие и, прежде всего, рабочие-ударники с карандашом в руках и на основе своей практики проверили, насколько реальны планы администрации; учтены ли полностью производственные возможности станов, печей, станков, кранов, моторов бригад; не рассчитан ли план администрации на равнение по узким местам, не противоречит ли он курсу партии и рабочего класса на быстрые темпы социалистического строительства.

Для руководства проработкой встречного промфинплана были созданы общезаводская и цеховые временные контрольные комиссии (ВКК) и плановые бригады из лучших ударников по производственным участкам.

Например, фасонно-литейный цех был разбит на следующие производственные участки: формовка, стержневая, слесарная, кузница, обрубка токарная, обжигательная, электросварка, гидропроба, наждачная, закалочные печи, обдувка и друг. Всего в фасонно-литейном цеху было создано 20 плановых бригад с количеством участников в них—120 чел. Всего по заводу в плановых бригадах участвовало 680 рабочих-ударников. В обсуждении их выводов приняли участие 6.500 чел. К некоторым плановым бригадам и ВКК были прикреплены инженеры, техники, экономисты и студенты-практиканты для консультационной и счетной работы.

Плановые бригады, совместно с рабочими данного агрегата и производственного участка, учтя производственные возможности агрегатов, опыт работы ударных бригад, наметили ряд рационализаторских мероприятий и на этой основе внесли изменения, дополнения и поправки в план заводоуправления. Результаты работ плановых бригад рассматривались цеховой ВКК и администрацией, а затем утверждались на цеховых сменных рабочих собраниях и конференциях. Результаты работ цеховых ВКК и их разногласия с цеховой администрацией рассматривались общезаводской ВКК и дирекцией завода, а затем общезаводской встречный промфинплан был утвержден заводской конференцией рабочих и служащих.

В ходе проработки встречного промфинплана рабочие внесли около 500 предложений по рационализации производства и поднятию производительности труда.

В результате массовой проработки промфинплана, рабочие выявили скрытые резервы и производственные возможности цехов и завода, которые не были и не могли быть учтены в процессе кабинетной проработки контрольных цифр. В результате этого контрольные цифры заводоуправления на 1930/31 год рабочими по встречному промфинплану значительно увеличены. Например, по сталелитейному цеху администрация намечала выработать 156.000 тонн металла, а по встречному промфинплану утверждено 166.000 тонн; по фасонно-литейному вместо 5.600 тонн фасонного стального литья, утверждено 6.000 тонн; по прокатному, вместо 214.000 тонн—по встречному, утверждено 224.000 тонн; по сталепроволочному, вместо 20 500 тонн по встречному промфинплану, утверждено 23.500 тонн; по канатному цеху, вместо 2.500 тонн, встречный план дал 2.870 тонн.

В целом по заводу намечалось увеличение производственной программы по выпуску готовой продукции в ценностном выражении на 39,6%, а рабочие по встречному промфинплану наметили рост выпуска продукции 49,7%, т.-е. на 10,1% больше чем заводоуправление. По плану заводоуправления в 1930/31 году завод «Серп и Молот» должен был дать стране 154.000 тонн металлоизделий на 48.000 тыс. рублей, а по встречному плану завод даст 164.800 тонн металлоизделий на 52.500.000 рублей, т.-е. по встречному промфинплану намечено выпустить крайне нужной стране металлопродукции на 4.300.000 руб. больше. Неудивительно, что на заводе «Серп и Молот» стал в почете лозунг: «Даешь встречный промфинплан!»

Неправильно было бы полагать, что проработка встречного промфинплана прошла без сучка и задоринки. Наоборот, мы имели противодействие и сопротивление высоким темпам, выдвигаемым рабочими в ходе проработки встречного промфинплана. Отдельные хозяйственники пытались свести роль рабочей общественности только к обсуждению задания—плана заводоуправления и «наиболее выгодному и целесообразному развертыванию его (задания на 1931 год) по цехам, станам и агрегатам». Ряд хозяйственников проявили боязнь высоких темпов и всеми правдами и неправдами пытались доказывать невыполнимость заданий встречного промфинплана. Подобные же правооппортунистические вылазки мы имели и со стороны отдельных рабочих, в том числе и коммунистов. Правооппортунистическая боязнь высоких темпов социалистического строительства прикрывалась «учеными» разговорами, пословицами — «тише едешь дальше будешь» и т. п. Парторганизация завода квалифицировали эти настроения, как правый оппортунизм на практике. Встречный промфинплан завода «Серп и Молот» завоеван в борьбе с правым оппортунизмом, в борьбе с рвачеством и хвостизмом. Встречный промфинплан можно будет выполнить только при условии дальнейшей решительной борьбы с оппортунизмом и примиренчеством к нему и, прежде всего, с правым уклоном, как главной опасностью в партии.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

С согласия Института Ленина печатается здесь письмо Ленина т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре. Это мало известное письмо впервые было опубликовано в 1924 г. в предисловии т. Д. И. Курского к книге: «V Всероссийский с'езд деятелей советской юстиции» (изд. НКЮста РСФСР). Письмо печатается в выходящем в ближайшее время XXVII томе соч. Ленина (II изд.).

РЕДАКЦИЯ.

Ленин.

Письмо т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре.

17. V, 1922.

Тов. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного Кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всякой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом Ленин.

Вариант 1: Пропаганда или агитация или участие в организации или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности, и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или шпионажа или финансирования прессы и т. п. средствами,

карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств. лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2: а) Пропаганда или агитация, об'ективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер).

Вариант 2 б: содействующие или способные содействовать.

Примечание редакции XXVII тома (II издание) к письму Ленина тов. Курскому:

«Письмо Д. И. Курскому по вопросу о терроре написано Лениным в связи с разработкой первого Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. Написанию письма предшествовала беседа с Д. И. Курским (бывшим в то время наркомом юстиции), во время которой Ленин сам предложил набросать проект статьи, определяющей понятие контрреволюционного действия. Этот проект и лег в основу статьи 57-й Уголовного Кодекса, которая гласила: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании конституции Р. С. Ф. С. Р. рабоче-крестьянского правительства, а также действия *в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами*» (Опубликовано 15 июня 1922 г. в «Собрании Узак. и Распоряжений Раб. и Кр. правительства» № 15; подчеркнутое — взято из проекта Ленина)».

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

С согласия Института Ленина печатается здесь письмо Ленина т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре. Это мало известное письмо впервые было опубликовано в 1924 г. в предисловии т. Д. И. Курского к книге: «V Всероссийский с'езд деятелей советской юстиции» (изд. НКЮста РСФСР). Письмо печатается в выходящем в ближайшее время XXVII томе соч. Ленина (II изд.).

РЕДАКЦИЯ.

Ленин.

Письмо т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре.

17. V, 1922.

Тов. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного Кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всякой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом Ленин.

Вариант 1: Пропаганда или агитация или участие в организации или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности, и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или шпионажа или финансирования прессы и т. п. средствами,

карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств. лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2: а) Пропаганда или агитация, об'ективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер).

Вариант 2 б: содействующие или способные содействовать.

Примечание редакции XXVII тома (II издание) к письму Ленина тов. Курскому:

«Письмо Д. И. Курскому по вопросу о терроре написано Лениным в связи с разработкой первого Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. Написанию письма предшествовала беседа с Д. И. Курским (бывшим в то время наркомом юстиции), во время которой Ленин сам предложил набросать проект статьи, определяющей понятие контрреволюционного действия. Этот проект и лег в основу статьи 57-й Уголовного Кодекса, которая гласила: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании конституции Р. С. Ф. С. Р. рабоче-крестьянского правительства, а также действия *в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами*» (Опубликовано 15 июня 1922 г. в «Собрании Узак. и Распоряжений Раб. и Кр. правительства» № 15; подчеркнутое — взято из проекта Ленина)».

О письме Ленина т. Д. И. Курскому по вопросу о терроре.

Публикуемое здесь письмо Ленина к т. Курскому по вопросу о терроре представляет собой, как и всякий новый документ Ленина, огромный интерес. Вместе с тем этот документ имеет теперь особенно актуальное значение

Развернутое социалистическое наступление по всему фронту и прежде всего ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации вызывает бешеное сопротивление обреченных на гибель классовых врагов пролетариата в нашей стране, и сопровождается резким обострением классовой борьбы, принимающей самые разнообразные формы, особенно формы вредительства.

Наиболее яркими иллюстрациями этому могут служить факты, вскрытые за последнее время, как контрреволюционная организация Кондратьева—Громана, огромная по своему размаху и значению вредительская организация в области рабочего снабжения и т. п.

Естественно, что в своей последовательной борьбе за уничтожение классов пролетариат, подрывающий социалистической индустриализацией страны и сплошной коллективизацией сельского хозяйства самые основы существования эксплоататорских классов, не может останавливаться перед беспощадным подавлением сопротивления классовых врагов всеми имеющимися у него средствами. Одним из таких средств и является террор (напр., расстрел 48 активных вредителей в области рабочего снабжения). При этом пролетариат, использующий свое государство и все его атрибуты (армию, ГПУ, суд, милицию и т. д.) как орудие или как «особую дубинку» (Ленин) своей классовой борьбы, когда этого требуют интересы революции, особенно в моменты резкого обострения классовой борьбы, — не связывает себя никакими формальными условностями и юридическими процедурами. Но и сами законы и суд пролетариат также использует в интересах защиты революции, обосновывая и узаконяя все необходимые средства подавления сопротивления классовых врагов до террора включительно. «Суд, — *говорит Ленин, — должен не устранить террор,... а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас*».

Конечно, эту роль пролетарского суда в деле узаконения террора не понимает (или не хочет понять) тот, кто пытается изобразить суд, как воплощение а б с т р а к т н о й «справедливости», кто не понимает задач и условий классовой борьбы, и, наконец, тот, кто вольно или «невольно» предает пролетариат и поддерживает буржуазию.

Известно, например, какой неистовый вой поднимает международный социал-фашизм каждый раз, когда пролетариат применяет по отношению к своим классовым врагам острое оружие террора. Известно также, каким злобным шипением отвечают на эти четкие, разящие удары пролетариата трусливые обыватели, мещане и кликуши.

Но к такой точке зрения на террор пролетарского государства близка по существу и позиция правых оппортунистов. Не понимая классовых взаимоотношений в переходный период, не понимая характера нашего развития и условий строительства социализма в обстановке ожесточенной классовой борьбы, правые оппортунисты склонны рассматривать обострение классовой борьбы в настоящий период, как результат неправильной политики партии, а применение методов насилия и террора по отношению к классовым врагам как аномалию в деле осуществления пролетарской диктатуры. Ленин еще в 1916 г., в речи на с'езде швейцарской с.-д. партии, касаясь вопроса о терроре, отмечал эту склонность оппортунизма «отвергать всякое применение насилия со стороны угнетенных классов против угнетателей» и тут же добавлял: «Мы всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой» [1]).

Свое принципиальное отношение к террору как составной части и одному из средств классовой борьбы пролетариата против буржуазии Маркс и Ленин выявляли много раз. Приведем лишь несколько примеров.

Одну из своих статей в «Новой Рейнской газете», посвященную падению Вены после восстания 1848 г., Маркс, описывая расправу буржуазии над венским пролетариатом, заканчивает следующими словами: «Безрезультатная резня после июньских и октябрьских дней, надоевшие гекатомбы после февраля и марта, каннибализм контрреволюции убедят народы в том, что существует только одно средство для того, чтобы с о к р а т и т ь, упростить и локализовать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — р е в о л ю ц и о н н ы й т е р р о р» [2]).

Каутский — патриарх международного социал-фашизма — об'явил эти взгляды на террор «заблуждениями молодого Маркса».

В брошюре «Терроризм и коммунизм», изданной в 1919 г., Каутский выступил против красного террора. Самым бесстыдным образом извращая взгляды Маркса — Энгельса на революцию, на диктатуру пролетариата и на революционный террор, Каутский тоном обывателя и ренегата жаловался на то, что «революция приносит нам кровавый терроризм, проводимый социалистическими правительствами. Большевики в России вступили первые на этот путь и суровейшим образом осуждались поэтому всеми социалистами, не стоявшими на большевистской точке зрения». (Стр. 9).

Ленин всегда ставил вопрос о терроре в связь с общей борьбой пролетариата по завоеванию власти и по укреплению им своей диктатуры.

Еще в начале своей деятельности по организации большевистской партии Ленин, борясь и полемизируя п р о т и в взгляда на террор, как на г л а в н о е и даже е д и н с т в е н н о е средство революционной борьбы, заявлял:

«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях...» [3]).

После Октябрьской революции, при осуществлении пролетарской диктатуры Ленин особенно часто возвращается к вопросу о терроре, рассматривая его как составную часть диктатуры пролетариата.

В «Тезисах ответа «независимым» на предложение переговоров» Ленин в сжатой форме развивает свое учение о диктатуре пролетариата и касается, в частности, вопроса о терроре.

«Диктатура пролетариата, — пишет он, — означает сознание необходимости подавить насилием сопротивление эксплоататоров, готовность, уменье, решимость сделать это. А так как буржуазия, даже самая республи-

[1]) Л е н и н, т. XIII, изд. 1924 г., стр. 397.

[2]) К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, сочинения, т. VI, стр. 497.

[3]) Ленин, т. IV, стр. 34, изд. 1924 г.

канская и демократическая (например, в Германии, в Швейцарии, в Америке), систематически прибегает к погромам, к линчеванию, к убийству, к военному насилию, к террору против коммунистов и на деле против всяких революционных шагов пролетариата, то при этих условиях отрекаться от насилия, от террора — значит превращаться в плаксивого мелкого буржуа, значит сеять реакционные мещанские иллюзии о социальном мире, значит — говоря конкретно — трусить рубаки-офицера.

Ибо преступнейшая и реакционнейшая империалистическая война 1914—1918 гг. воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических республиках, именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата.

Поэтому — то отношение к террору, которое проявляют на деле в парламентских речах, в газетных статьях, во всей агитации и пропаганде немецкие независимцы и французские лонгетисты, есть фактическое полное отречение от сущности диктатуры пролетариата, есть фактический переход на позицию мелкобуржуазной демократии, есть развращение революционного сознания рабочих» [1].

Наконец, необходимо привести еще одно высказывание Ленина по вопросу о терроре.

В брошюре «О продналоге» Ленин, касаясь вопроса о бюрократизме в учреждениях, и особенно о «злоупотреблениях примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством», говорит, что «тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно». И дальше Ленин пишет:

«Пускай Мартовы, Черновы и беспартийные мещане, подобные им, бьют себя в грудь и восклицают: «хвалю тебя, господи, за то, что я не похож на «них», что я не признавал и не признаю террора». Эти дурачки «не признают террора», ибо они выбрали себе роль лакействующих пособников белогвардейщины по части одурачивания рабочих и крестьян. Эсеры и меньшевики «не признают террора», ибо они исполняют свою роль подведения масс под флагом «социализма» под белогвардейский террор. Это доказала керенщина и корниловщина в России, колчаковщина в Сибири, меньшевизм в Грузии; это доказали герои II Интернационала и Интернационала «два с половиной» в Финляндии, Венгрии, Австрии, Германии, Италии, Англии и т. д. Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистической войны 1914—1918 гг. — таковы все страны мира — без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный пролетарский террор. Середины нет, «третьего» нет и быть не может» [2].

Таким образом, признание необходимости красного пролетарского террора является составной частью марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата и неразрывно связано с необходимостью применять насилие по отношению к буржуазии и другим классовым врагам пролетариата.

Понятно, грубейшим извращением марксизма-ленинизма была бы всякая попытка ограничить понятие диктатуры пролетариата исключительно применением насилия и его составной части — террора. Тов. Сталин дает следующее определение диктатуры пролетариата:

[1] Ленин, соч., т. XX. стр. 392, ГИЗ, 1926 г.
[2] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 226—227, ГИЗ, 1924 г.

«Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в *отношении капиталистов и помещиков*, 2) руководство пролетариата *в отношении крестьянства* и 3) строительство социализма *в отношении всего общества*. Ни одна из этих трех сторон диктатуры не может быть исключена без ущерба исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата» [1])

Сохраняя все эти стороны своей диктатуры во все время ее существования, пролетариат особенно выпячивает ту или иную сторону в зависимости от особенностей переживаемого периода.

В настоящий период, являющийся последним периодом нэпа, когда пролетариат перешел в развернутое социалистическое наступление по всему фронту и когда непосредственно решается задача окончательного уничтожения классов в нашей стране путем неуклонного вытеснения капиталистических элементов города, социалистической переделки с. х., превращения бедняков и середняков в колхозников и путем ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, — классовая борьба в стране, естественно, резко обостряется. А это обязывает пролетариат, наряду с усилением руководства крестьянством и строительством социализма, значительно усилить и ту сторону своей диктатуры, которая выражается в применении неограниченного законом насилия, включая и применение в необходимых случаях *террора* по отношению к классовым врагам.

Диалектика классовой борьбы именно такова, что уничтожение классов происходит через усиление классовой борьбы и через ее резкое обострение в такие, например, периоды, как нынешний. Признание этого, а также вытекающих отсюда задач пролетарской диктатуры, и означает «доведение до конца идеи классовой борьбы» [2]).

Только отъявленные оппортунисты, подменяющие марксистско-ленинскую диалектику механистической метафизикой могут толковать о затухании классовой борьбы в период диктатуры пролетариата и о «мирно-спокойно-свободно-веселом врастании старого свинства в новое общество» (выражение Энгельса), а в понимании т. Бухарина о мирном врастании кулака в социализм. Ленин много раз подчеркивал, что уничтожение классов может идти только через обострение классовой борьбы. Достаточно напомнить хотя бы известное место из его письма к венгерским рабочим:

«Уничтожение классов, — писал Ленин, — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [3]).

Ленинское понимание процесса уничтожения классов в нашей стране включает в себя и понимание *пределов* обострения классовой борьбы, а следовательно, и использования той стороны диктатуры пролетариата, которая выражается в применении насилия, и, в частности, террора в отношении классовых врагов. Полный подрыв их экономической базы, следовательно, — полное вытеснение капиталистических элементов социалистической промышленностью, госторговлей и кооперацией, доведение до конца ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации сельского хозяйства и широкое развертывание совхозов; окончательный подрыв влияния классовых врагов в госаппарате и во всех областях культуры путем замены классово-чуждых элементов рабочими и колхозниками и путем мощного раз-

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 303, ГИЗ, 1928 г.
[2]) См. Ленин, «О диктатуре пролетариата», Ленинский сборник, т. III, стр. 503.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 227.

вития социалистической культуры — все это приведет к значительному ослаблению, а затем и к затуханию классовой борьбы в нашей стране. Тем самым постепенно будет отмирать и насилие в отношении классовых врагов, как одна из сторон диктатуры пролетариата, будет отмирать само государство как орудие классового господства и насилия.

Само собой разумеется, что в отношении классовой борьбы как в современный период, так и в ближайшем будущем (до победы пролетарской революции в важнейших капиталистических странах), необходимо всегда иметь в виду *роль международной буржуазии* в классовой борьбе в нашей стране. Ее роль, ее связь с классовыми врагами пролетариата в нашей стране Ленин специально подчеркивает в публикуемом здесь письме к т. Курскому. О беспощадном подавлении попыток к реставрации капитализма в нашей стране, исходящих от международной буржуазии, Ленин специально говорил в докладе на IX с'езде советов, когда касался вопроса о реформе ВЧК в ГПУ.

«У них, у капиталистов и помещиков, — говорил Ленин, — остались в руках все международные связи, вся международная поддержка, у них была поддержка государств, несравненно более могучих, чем наше. Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было.

Если попытки контрреволюции будут таковы, как они были до сих пор, — а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований — то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе нечто серьезное» [1]).

Таким образом, вопрос о классовой борьбе, о необходимости подавления насилием (в том числе и террором) сопротивления классовых врагов в нашей стране Ленин теснейшим образом связывал с классовой борьбой в международном масштабе, с сопротивлением, оказываемым побеждающей социалистической революции международной буржуазией.

Этот вопрос приобретает особо важное значение в настоящее время, когда на основе растущего кризиса мирового капитализма резко обостряются все классовые противоречия в буржуазных странах и когда империалисты усиленно готовятся к вооруженному нападению на страну строящегося социализма. Своей борьбой против растущего революционного движения, своей поддержкой сопротивления классовых врагов в нашей стране, своей подготовкой к военной интервенции в СССР мировая буржуазия *вынуждает* пролетариат прибегать к террору, как к одному из средств самозащиты и как к одному из орудий насильственного подавления сопротивления врагов пролетарской революции. Поэтому совершенно естественно, если пролетариат прибегал и прибегает к террору сейчас, если он вынужден будет прибегнуть к нему и в грядущих классовых боях, например, при военном нападении империалистов на СССР, то лишь потому, что без террора нельзя уничтожить классов, что необходимость применения террора *навязывается* ему бешеным сопротивлением и террором самой буржуазии.

Ленин неоднократно подчеркивал, что красный террор имеет *вынужденный характер*, что он является для пролетариата необходимым *средством самозащиты* и орудием *подавления сопротивления* классовых врагов.

...«Настоящие виновники террора, — писал Ленин в письме к английским рабочим, — империалисты Англии и их «союзники», которые проводили и проводят белый террор в Финляндии, в Венгрии, в Индии и в Ирландии, поддерживали и поддерживают Юденича, Колчака, Деникина, Пилсудского,

[1]) Ленин, т. XVIII, стр. 450—51, ГИЗ, 1924 г.

Врангеля. Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплоататоров, есть подавление сопротивления эксплоататоров» [1]).

Как видно из приведенных высказываний Ленина, условием, при котором пролетариат вынужден прибегать к применению насилия и, в частности, террора по отношению к классовым врагам, является их активная борьба против пролетарской диктатуры, их сопротивление победоносному социалистическому строительству, их стремление всеми средствами добиться реставрации буржуазно-помещичьего строя.

Вот почему в настоящее время, когда классовые враги заговорами, вредительством, убийствами, поджогами и т. п. средствами пытаются сорвать наше развернутое социалистическое наступление по всему фронту, пролетарское государство должно сломить это бешеное сопротивление контрреволюции усилением насилия, применением всех видов репрессий, в том числе и террора. «Ответственность за это падает на сопротивляющихся» (Ленин) [2]).

Применяя революционное насилие, революционный террор пролетариат делает это открыто, без грана того лицемерия, которое присуще буржуазии. Действуя в необходимых случаях и внесудебными методами, пролетарское государство в своем законодательстве «открыто выставляет, — как говорит Ленин в помещаемом письме, — принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы» (см., например, статью 58 действующего уголовного кодекса, специальное постановление Президиума ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. о лицах, предающих рабочий класс и переходящих на службу буржуазии и др.).

Совершенно иначе поступает буржуазия.

Ее лакеи — социал-фашисты, попы, ученые, юристы и им подобные, поднимают неистовый вой по поводу «ужасов большевистского режима», «насилий, творимых ГПУ», «преследований священнослужителей» и т. п. (вспомним, например, печально-знаменитое выступление папы римского). А в это время буржуазия применяет чудовищный террор, сажая на электрический стул, расстреливая, вешая, бросая в тюрьмы и на каторгу десятки и сотни тысяч рабочих, крестьян, коммунистов. Применяя несравненно больший по об'ему и невиданный по жестокости террор для защиты интересов ничтожной кучки грабителей-эксплоататоров, буржуазия осмеливается осуждать террор, применяемый для защиты от ее покушений интересов трудящихся, борющихся за коммунизм, за лучшее будущее человечества.

Вот почему пролетариат на вой буржуазии по поводу применяемых им насильственных мер подавления ее сопротивления может ответить следующими словами Ленина:

«...*Не может быть успешной революции без подавления сопротивления эксплоататоров. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплоататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это.*

Мы знаем, что во всех странах бешеное сопротивление буржуазии против социалистической революции неизбежно и что оно будет *расти* по мере роста этой революции. Пролетариат сломит это сопротивление, он созреет окончательно к победе и к власти в ходе борьбы против сопротивляющейся буржуазии» [3]).

[1]) Ленин, т. XVII, стр. 210.
[2]) Т. XV, стр 42.
[3]) Т. XV, стр. 411.

К вопросу о положении на философском фронте*)

(Резолюция Бюро ячейки ВКП(б) Института Красной Профессуры Философии и Естествознания, принятая 14 октября 1930 г.).

С переходом в развернутое наступление социализма на капиталистические элементы по всему фронту значительно обострилась классовая борьба. Колоссальные успехи в создании прочной индустриальной базы социалистического общества, на основе ленинской политики ВКП, успехи в деле индустриализации СССР и укрепления союза рабочего класса и бедноты с средним крестьянством против кулачества,—создали почву и обеспечили действительный и окончательный поворот основных масс крестьянства в сторону социализма.

Сплошная коллективизация и на этой основе ликвидация кулачества как класса практически ставит вопрос об окончательном уничтожении корней капитализма. Тем самым решается величайший вопрос во всей истории человечества, провозглашенный учителями рабочего класса Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» — уничтожение всякого разделения на классы, уничтожение всякой эксплоатации человека человеком.

Обострение классовой борьбы в стране проявляется и не может не проявиться и в области идеологии. Рубинщина в политэкономии, переверзевщина в литературоведении, кондратьевщина — сухановщина и т. д., — выражают собой упорное сопротивление капиталистических элементов. Влияние классового врага в области идеологии проявляется также в отвлечении теоретической мысли от практики, в отходе от решения коренных злободневных вопросов социалистического строительства.

Это и обусловило столь резкую постановку со стороны партии вопроса о необходимости решительного поворота теоретического фронта к актуальным задачам социалистического строительства, необходимость ликвидации недопустимого для революционного марксизма отрыва теории от практики.

Непонимание необходимости и существа поворота политически ничего иного не означает, как проявление оппортунизма в этих вопросах.

Бюро ячейки ВКП(б) Института Красной Профессуры Философии и Естествознания считает, что так наз. философское руководство до сих пор не понимает ни необходимости, ни существа поворота в области философии.

I. Период, протекший со времени философской дискуссии в ИКП и принятия бюро парт'ячейки ИКП резолюции по докладу партбюро философского отделения (см. «Правда» от 2/VIII с. г.), характеризуется дальнейшим обострением и углублением наметившихся ранее разногласий в среде философов-диалектиков. В этом отношении с исчерпывающей полнотой позиции философского руководства обнаруживает № 5 журнала «Под Знаменем Марксизма». Ни по одному из основных вопросов разногласия философское руководство не проявило ни малейшего

*) Редакция «Большевика» признает правильными основные положения резолюции бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е. от 14 октября 1930 г. «К вопросу о положении на философском фронте».

желания признать крупнейшие ошибки, допущенные ранее, не пожелало прислушаться к многочисленным голосам партийцев-философов, выступивших с самокритикой на философском фронте. Напротив, философское руководство, монопольно используя страницы журнала «Под Знаменем Марксизма», всей силой своего авторитета обрушивается на всякого товарища, осмеливающегося на страницах партийной печати поднять голос в защиту самокритики в области философии. Беспринципный метод личной дискредитации критикующих, всякое увиливание от прямой постановки и обсуждения принципиального существа разногласий, настаивание на своих явно ошибочных позициях, нагромождение новых ошибок как общефилософского, так и политического (групповая защита троцкистских положений Карева) характера—все это сочетается с дальнейшим отрывом теоретической работы ряда философов от политики, от актуальных политических задач.

Дискуссия с рубинщиной показала весь с о ц и а л ь н о - к л а с с о в ы й с м ы с л ухода от теоретической разработки проблем переходного периода и международного кризиса империализма. Она показала, что отставание теории от практики социалистического строительства в условиях выкорчевывания корней капитализма, наполняется враждебным классовым содержанием, приобретает определенный политический смысл, об'ективно направленный, а конечном счете, против диктатуры пролетариата.

При этих условиях дальнейшее отставание философского фронта от политики, непонимание необходимости и задач поворота, наоборот, упорное ему сопротивление и противодействие в н о в о м с в е т е характеризует нынешнюю линию философского руководства и грубейшие ошибки, допущенные ранее. Каждый шаг вперед в социалистическом строительстве, каждый шаг развернутого наступления социализма на капиталистические элементы по всему фронту — является лучшим испытанием для революционной теории и особенно ярко вскрывает все недостатки, все гнилое, все неленинское, что было в прошлом этапе философского развития.

II. Без правильной оценки предыдущего этапа не может быть правильного понимания перспектив развития философской мысли.

Нельзя дать верную оценку прошлого этапа развития, если предварительно не освободиться от ошибочного взгляда, который имеет место в работах тт. из так наз. философского руководства и состоит в том, что эти тт. о т о ж е с т в л я ю т развитие философской коммунистической мысли с работами определенной группы философов (Деборин, Карев, Стэн и др.). Развитие философской коммунистической мысли за последний период, прежде всего, характеризуется такими вновь опубликованными работами, как «Диалектика природы» Энгельса, работы Маркса, философские работы Ленина и —в первую очередь—мастерским применением материалистической диалектики нашей партией, ее Центральным Комитетом. Величайшее теоретическое значение, с точки зрения марксистско-ленинской диалектики, имеют решения XVI парт'езда о новом соотношении классов в стране, о превращении середняка, вступившего в колхоз, из союзника пролетариата в опору диктатуры пролетариата, о сплошной коллективизации и—на ее основе—ликвидации кулачества как класса. Особенно большое значение в разработке ленинского теоретического наследства имеют работы Сталина. К числу актуальных проблем материалистической диалектики, разработанных тов. Сталиным, относится дальнейшее развитие ленинского учения о звене (проблема соотношения особенного и всеобщего), о единстве противоположностей, о возможности и действительности, о соотношении теории и практики и т. д.

На этих образцах действительного применения материалистической диалектики необходимо воспитывать новые теоретические кадры. Решения партии необходимо брать за образец того, как надо сочетать революционную теорию с революционной практикой.

Этого не понимали и до сих пор не понимают тт. из так наз. философского руководства. Если они недооценили всего значения Ленина как теоретика (Дебо-

рии), то роли ЦК партии, как теоретического центра, они не поняли. Высшим критерием марксистской ортодоксальности они считают свои собственные писания.

III. Основные задачи философской коммунистической мысли и пути их разрешения были указаны Лениным еще в начале 1922 года в его письме в редакцию «П. З. М.» «О значении воинствующего материализма». Центральной задачей Ленин ставил разработку материалистической диалектики, изучение и материалистическую переработку Гегеля, на примерах империалистической войны и революции. Только на основе разработки материалистической диалектики Ленин считал возможной успешную борьбу с различными видами идеализма, вульгарного материализма, преодоление буржуазного мировоззрения. Здесь же Ленин выдвигает задачи борьбы с различными буржуазными, мелкобуржуазными социально-политическими взглядами, а также со всякого рода поповщиной. Ленин требует от марксистов-философов применения материалистической диалектики в естествознании и подчинения его методологическому руководству марксизма. При разработке материалистической диалектики Ленин особенно настаивает на необходимости критического, в духе работ Маркса и Энгельса, овладения гегелевским наследством.

Непосредственно философская работа в нашей стране за прошлый период в ряде областей велась, в общем, в направлении, указанном Лениным. Для понимания степени действительной близости линии философского руководства к установкам Ленина, для понимания достижений на прошлом этапе, а вместе с тем и существенных недостатков и ошибок, необходимо понимание тех традиций, с которыми приходили к ленинизму нынешние руководители этого движения. Уже ранние работы т. Деборина, представлявшего собой в дореволюционный период видного ученика Плеханова-философа, носят на себе печать аполитичности и формализма (см. его «Введение в философию диалектического материализма»). Проявляя самостоятельный интерес к методологическим вопросам марксизма, т. Деборин обнаружил после Октября и, особенно, за время борьбы с механистами, способности роста и движения вперед в сторону ленинизма. Вместе с тем т. Деборин унаследовал от Плеханова ряд ошибочных положений и традиций, выражающих как-раз те стороны Плеханова как философа-марксиста, которые подверглись особой критике Ленина (напр., переоценка философского значения и роли Фейербаха для марксизма, недостаточное понимание соотношения теории и практики, созерцательность, разрыв между общими писаниями о диалектике и ее применением и т. п.). Все эти обстоятельства не могли не отразиться на ряде философских работ т. Деборина на прошлом этапе.

Было бы нелепо, однако, отрицать большие достижения философской мысли за прошлый период. Об'ектом и общим содержанием философской работы в это время стали уяснение, защита, разработка и пропаганда материалистической диалектики в ее наиболее общей форме. Работа философов-диалектиков велась за прошлый период по следующим четырем направлениям: 1) пропаганда диалектического материализма, как всеобщей методологии общественных и естественных наук; 2) преимущественно пропаганда, а также первые шаги в деле применения диалектического материализма как методологии естествознания; 3) разработка вопросов генезиса диамата и широкое в связи с этим изучение диалектики Гегеля, а также разработка истории материализма и 4) преодоление механистического материализма, механистической ревизии марксизма в наших рядах.

Во всех этих областях на прошлом этапе развития линия философского руководства в основном была правильной. Особенно важное значение имела борьба с механистами, отражающими в своих выступлениях упорное и длительное сопротивление значительной части буржуазных естественно-научных кругов проникновению в естествознание марксистско-ленинской методологии. Нет никакого сомнения, что борьба с механистами содействовала широкой популяризации основ диалектического материализма, нанесла значительный удар по деляческим ползучеэмпирическим настроениям в известных прослойках партии.

Отрицание этого, как это имеет место, напр., у тов. Дмитриева, утверждающего, что линия философского развития на прошлом этапе была вообще неправильной, без сомнения, угрожало бы опасностью значительного усиления механистов, подорвало бы решения второй конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, квалифицировавшей механистическое течение, как течение ревизионистское.

IV. Однако, заслуги в прошлом ни в какой мере не должны заслонять факта, что значительная часть философского завещания Ленина не была выполнена, не должны заслонять существенных недостатков и ошибок прошлого движения, тем более, что эти ошибки и недостатки являются в настоящее время значительным препятствием в деле окончательного преодоления механистов и развертывания положительной философской работы. Эти ошибки и недостатки сводятся в общем к следующему:

а) Коренным пороком философского руководства является недооценка значения Ленина в развитии диалектического материализма, непонимание того, что ленинская философия представляет собою новую и высшую ступень в этом развитии. Философские работы Ленина представляют собой наиболее последовательное и ортодоксальное развитие взглядов Маркса и Энгельса. В связи с этим философское руководство неправильно ставит вопрос о соотношении между Лениным и Плехановым как философами-марксистами, и систематически затушевывает недостатки и ошибки Плеханова в области философии, стоявшего на позициях диалектического материализма, но допускавшего ряд ошибок и делавшего уступки вульгарному материализму.

Больше того, со стороны т. Деборина мы имеем прямую защиту Плеханова от критики Ленина в вопросах иероглифической теории познания (см. Деборин, «Ленин как мыслитель») и в корне неверную, не партийную оценку Ленина как практика в отличие от Плеханова как теоретика. Попытка представить совокупность философских работ Плеханова только и просто как об'ективное отражение определенной фазы в интернациональном социалистическом движении (Деборин), замалчивание того факта, что эти работы Плеханова не стоят изолированно от его общеполитических меньшевистских взглядов,—все эти попытки имеют единственной целью оправдание пороков философской деятельности Плеханова, якобы об'ективной незрелостью рабочего класса соответствующего периода. Простым опровержением этих рассуждений является философия Маркса и Энгельса. Ошибочной также является попытка представить различие между Лениным и Плехановым только как различие в глубине понимания марксизма (Карев). Глубина понимания марксизма есть не только продукт личной талантливости вождей рабочего класса, но и продукт определенных исторических и социально-классовых условий. Нельзя забывать высоких оценок, которые давал Плеханову, как диалектическому материалисту, Ленин, но вместе с тем для правильного понимания соотношения между Лениным и Плехановым как теоретиками незыблемым остается следующее, впервые высказанное еще в начале 1924 г. тов. Сталиным, положение: «Может быть наиболее ярким выражением того значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорит, «что материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший поте-

шаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решался даже серьезно приступить к выполнению такой задачи.

б) В этой связи стоят и ошибки, допущенные философским руководством в своей работе над гегелевским наследством. Признавая большие успехи, достигнутые на прошлом этапе в деле изучения Гегеля, в деле популяризации диалектики Гегеля и ее значения в подготовке марксизма—нельзя вместе с тем пройти мимо существенных ошибок, которые были допущены в этом вопросе. Сущность этих ошибок состоит в том, что гегелевская идеалистическая диалектика отождествлялась с материалистической диалектикой (Карев), в том, что признавалось, будто Гегель дает «всеисчерпывающую, реальную картину всех форм движения» (Деборин), в том, что совершенно недостаточно критиковался гегелевский идеализм, гегелевская система Ошибочным являлось также утверждение, неоднократно подчеркиваемое, что в разработке материалистической диалектики, несмотря на наличие трудов Маркса, Энгельса, Ленина—даже и в настоящее время—исходным пунктом является все же гегелевская логика (Деборин). Ошибочным явилось то, что наряду с совершенно правильным определением диалектики, давались такие характеристики, из которых следовало, что ее категории не есть просто отражение законов развития об'ективного мира, а, наоборот, они — вносят связь и закономерности в об'ективный, материальный мир (Деборин). Ошибочным надо считать также и то, что целый ряд моментов гегелевского построения логики воспринимались совершенно некритически. Тот факт, что Гегель представил в абстрактной, идеалистической, мистифицированной форме общую картину диалектического движения, ни в какой мере не дает права некритического отношения к гегелевскому наследству. Крупнейшая ошибка руководящих товарищей заключается в том, что положения Гегеля часто брались ими непосредственно, без переработки, с формальной оговоркой, что, мол, это надо понимать материалистически. Основное завещание Ленина в этом отношении: «Логику Гегеля нельзя применять в данном ее виде, нельзя брать, как данное. Из нее надо выбрать логические (гносеологические) оттенки, очистив от мистики идей. Это еще большая работа» (Ленинский сборник XII, стр. 205) — часто игнорировалось. В результате во многих произведениях философских руководителей явственно стала обозначаться формалистическая струя, разработка материалистической диалектики приобретала характер оперирования категориями, не связанными ни с каким конкретным содержанием.

в) В этой связи, и отчасти как результат неизжитого влияния ошибок Плеханова, стоит факт переоценки тов. Дебориным Фейербаха, прикрашивание Фейербаха под диалектического и исторического материалиста, стоят утверждения вроде: «время Фейербаха еще придет», что «марксизм—продолжение фейербахианизма», утверждение, что вопрос о практике Фейербахом решен в духе Маркса и т. п. Элементы фейербахианства, достаточно ярко проявившиеся в работе т. Деборина «Людвиг Фейербах», находятся в тесной связи с его недостаточным пониманием роли и значения «революционной практически-критической деятельности».

Нет сомнения, что в настоящее время борьба вокруг оценки философии Фейербаха означает и должна означать, в первую очередь, подлинное понимание «революционной практически-критической деятельности», ее роли и общей теории марксизма-ленинизма.

г) Значительные элементы формализма и схоластики, имеющие место в разработке материалистической диалектики тт. Дебориным, Каревым, Гоникманом, Тымянским, Дмитриевым и др., элементы фейербахианства (Деборин), несомненно, нашли отражение, прежде всего, в факте почти полного игнорирования ими работы над проблемами исторического материализма. Попытку тов. Карева выяснить соотношение диалектического материализма, истории и исторического материализма, необходимо признать совершенно неудачной, проведенной в духе выхолащивания конкретного содержания категорий исторического материализма, в духе схоластически-кантианского отрыва формы от содержания.

д) В теснейшей связи со всем этим стоит тот факт, что философское движение в нашей стране прошло мимо долго и горячо обсуждавшихся в партии вопросов классовой борьбы, социалистического строительства, смычки пролетариата и крестьянства, возможности победы социализма в одной стране и т. д. Оно не только не оказало ни малейшей помощи партии в деле борьбы с троцкизмом, не только защищало взгляды рубинщины, проповедуя их со страниц «П. З. М.», но и ничем не реагировало на протаскивание в нашей печати явно контрреволюционных буржуазных теорий Базарова, Кондратьева, Макарова, Суханова и др. Критика методологии этих контрреволюционеров, критика их махистско-идеалистических, механистических, вульгарно-эмпирических, позитивистских взглядов являлась и является теперь первейшей обязанностью диалектических материалистов.

е) Мало того. Отсутствие борьбы со стороны философских руководителей с внутрипартийными оппортунистическими течениями и откровенно буржуазными политическими и экономическими теориями в стране, отсутствие активного участия в разрешении партией практических вопросов классовой борьбы и социалистического строительства, дополнялись чрезвычайно активной и длительной антипартийной борьбой отдельных руководителей (напр., Карева), в части своих философских работ, обосновывавших взгляды оппозиционных течений — троцкизма, каменевско-зиновьевской и об'единенной оппозиции.

Нет никакого сомнения в том, что формалистическая тенденция в понимании общей методологии—со стороны философского руководства давала обоснования его практической аполитичности и, обратно,—аполитизм усиливал формалистическую тенденцию и толкал философскую мысль в схоластические тупики.

V. Нельзя никоим образом отрицать успехов, которые мы имеем на прошлом этапе в деле пропаганды диалектического материализма среди естественников, успехов, связанных с признанием руководящей роли марксистской методологии в конкретных областях естествознания. Нельзя недооценивать первых попыток применения диалектики в этих областях. Однако, и тут допущены крупнейшие ошибки: а) некритическое отношение к идеалистам-естественникам, выступавшим с критикой механистического материализма, б) прямые идеалистические шатания среди марксистов-естественников (Гессен и др.). Особенно следует отметить нагромождение ошибок, допущенных в последнее время уже в момент поворота на философском фронте и в процессе разворачивающейся дискуссии. Руководящие статьи в журн. «П. З. М.» № 5 по вопросам биологии и медицины (Агол, Левит) грешат тем, что не ставят достаточно остро вопрос о необходимости изучения наследства Маркса, Энгельса, Ленина в целях применения диалектического материализма в естествознании. Более того, Энгельса безоговорочно зачисляют в лагерь механистов-ламаркистов (Левит), а проф. Серебровский дополняет эту установку утверждением, что «весь процесс эволюции человека Энгельс представляет здесь себе как чисто физиологический процесс» («Естествознание и марксизм»).

Энгельс ставится проф. Серебровским в один ряд с Ламарком и идеалистом Бергом, о которых Серебровский тут же пишет, что они также «должны быть квалифицированы, как представители физиологизма».

Протаскивается вульгарное, механическое отожествление достижений естествознания с марксизмом и социалистическим строительством: «за или против марксизма, за или против интересов социалистического строительства, за или против новейших завоеваний теоретической биологии» (Левит); совершенно недостаточно критикуется реакционная теория проф. Серебровского, советующего выполнить пятилетку с помощью использования генфонда.

Далее, дарвинизм подменяется полностью генетикой, генетика берется, как общая методология биологии, ее содержание не детализируется с точки зрения материалистической диалектики. Имеется скатывание к идеалистической концепции автогенеза, который берется под защиту.

Общей нитью проходит проведение чуждых установок в естествознании при формальном признании материалистической диалектики. Философское руководство, вместо жестокой критики указанных извращений, их покрывает и, солидаризируясь с ними, несет за них ответственность.

VI. Недооценка и недопонимание ленинской диалектики, накопление элементов формального усвоения диалектики, не вполне изжитые традиции тех недостатков и ошибок Плеханова-философа, которые критиковались Лениным, естественно, дополнялись у философского руководства предпочтением книжного материала, формул и цитат—живой жизни, деятельности миллионов, дополнялись отрывом от широкой повседневной общественно-политической работы в рядах партии. Все это в результате неизбежно вело к замыканию теоретической философской работы в тесных рамках ограниченного круга работников, к недопущению самокритики в философских рядах; сильно задерживало широкую и массовую подготовку и выдвижение философских кадров. В результате к настоящему времени мы имеем налицо беспринципную группу покрывающих ошибки друг друга «чистых теоретиков», имеем все элементы замкнутой философской «школки», все более отрывающейся от политической жизни, борьбы партии, рабочего класса и многомиллионных трудящихся масс.

VII. Положительный факт присоединения к борьбе с механистами известной прослойки беспартийных философов, в виду всех этих условий, обнаружил к настоящему времени все свои отрицательные стороны. Небольшая группка руководящих философов-диалектиков оказалась обросшей элементами, частью вообще ничего общего не имеющими с интересами партии, частью далеко не выдержанными и неустойчивыми партийцами. В результате—формализм, имеющийся в произведениях философов-руководителей, оказался дополненным довольно значительной ревизионистской, формалистической, схоластической литературой (Асмус и др.).

VIII. В условиях нового этапа социалистического строительства и обострения классовой борьбы, в свете новых философских работ Маркса, Энгельса и Ленина—все отдельные существенные ошибки философского движения на прошлом этапе, усугубляемые их беспринципной защитой со стороны философского руководства, нагромождением новых ошибок, идущих в том же направлении, непониманием необходимости и существа поворота на теоретическом фронте, упорным сопротивлением повороту, зажимом самокритики, антипартийностью поведения ряда философов-руководителей,—об'ективно увязываются в систему ошибок. *Это свидетельствует о том, что в философских рядах на данном этапе развития, кроме механистической ревизии материалистической диалектики, сложился формалистический, с большой примесью эклектики, уклон, представляющий, по своему внутреннему существу, процесс отхода ряда философов-диалектиков от позиций диалектического материализма и ведущий в конечном счете к идеалистической ревизии марксизма.* Этот уклон, представляющий собой форму проявления мелкобуржуазного влияния на отдельные, недостаточно устойчивые, слои научных работников-коммунистов, становится существенным препятствием как в деле борьбы с идеализмом, так и в деле преодоления механистического течения, являющегося в настоящее время теоретической базой откровенного оппортунизма, так и в дальнейшей положительной философской работе. Формалистический уклон усиливает механистов, развязывает им руки, способствует попыткам их реабилитации, вместе с тем питает экстремистские, по существу, эклектические и примиренческие к механицизму тенденции части философов (Дмитриев и др.), стремящихся огульно дискредитировать достижения прошлой философской работы. Формалистический уклон и примиренчество к нему, выражающееся в отрицании принципиального характера нынешних философских разногласий, в сведении этих разногласий к организационным

вопросам и т. д.,—ослабляет позиции диалектических материалистов в борьбе с теоретическими (эклектическими, механистическими) основами откровенного оппортунизма, являющегося в настоящее время главной опасностью.

IX. Исходя из всего этого, задачами философского движения на ближайший период являются:

1. Действительное изучение, разработка и пропаганда философского наследства Ленина, особенно его работ по диалектике в связи с изучением как всех произведений Маркса, Энгельса и Ленина, так и новых явлений мирового кризиса капитализма, победоносного строительства социализма и развернутого социалистического наступления по всему фронту в нашей стране. Совершенно несостоятельным, абстрактным, не отражающим условий и потребностей нового этапа в развитии революции надо признать выдвигаемое ныне философским руководством требование разработки материалистической диалектики вообще, без учета конкретного содержания этой работы, ее решающего направления, ее первейших насущных задач и целей, связанных с непосредственной практикой социалистического строительства.

2. Разработка теории материалистической диалектики остается главной задачей в настоящее время. Кто этого не понимает, подобно механистам и примиренцам к ним, тот не понимает важнейшей стороны ленинского философского завещания.

Материалистическая диалектика представляет собой могучее теоретическое оружие для познания и практического изменения «старого мира», перестройки всей общественной структуры, оружие правильной и научно-построенной тактики и политики. Диалектика—это теоретическое оружие, при помощи которого партия пролетариата получает возможность правильного понимания действительности и революционного ее изменения.

Задача разработки теории материалистической диалектики приобретает как-раз *особую актуальность* на данном этапе пролетарской революции. Это связано с тем, что именно теперь мы имеем особенно быстрый рост социализма, громадные классовые сдвиги, которые ведут к окончательной победе социализма.

Особую актуальность имеет разработка теории материалистической диалектики также и потому, что мы стоим перед задачей марксистской переделки всей науки, естествознания, техники, переработки ее с точки зрения материалистической диалектики.

Общая постановка задачи разработки материалистической диалектики, в свое время совершенно правильно заостренная против огульного отрицания диалектики механистами, в настоящее время должна быть дополнена требованиями такой ее разработки, которая исключала бы возможность как механистической дискредитации этой работы, так и формалистических ее извращений, и обеспечивала бы максимально тесную связь работы над материалистической диалектикой, как «философской наукой» (Ленин), с повседневной практикой социалистического строительства и классовой борьбы.

При разработке теории материалистической диалектики нужно исходить из ленинских указаний по этому вопросу. Ленин указывает, что диалектика, как «философская наука», должна быть создана на основе всей совокупности человеческого знания. «История отдельных наук, история умственного развития ребенка, животных, история языка, психология, физиология органов чувств—кратко, история познания вообще, вся область знания—вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (Ленин).

Философское руководство, правильно подчеркивая эти положения, забывает другие указания Ленина, которые не только не противоречат указанным положениям, а, наоборот, их развивают и конкретизируют.

«Опираясь на то, *как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля*, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений

Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя, образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много» (Ленин).

Нужно повести борьбу с опасностью сузить базу материалистической диалектики, сведя ее только к задачам изучения текущего момента. Такого рода ползучему эмпиризму необходимо давать решительный отпор, так как он ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом. Однако, не менее решительный отпор должен быть дан тем, кто подобно философскому руководству, общими разговорами «о всей совокупности человеческого знания» пытается отделаться от актуальных проблем переходного периода, от конкретных вопросов и практики социалистического строительства.

3. Разработка проблемы: Ленин и Плеханов, как философы-марксисты. Необходимо подвергнуть специальному исследованию связь и взаимодействие философских и политических работ Плеханова с точки зрения ленинского решения вопросов о соотношении теории и практики. Особенное внимание при этом необходимо обратить на тенденцию, с одной стороны, недооценки Ленина как высшей, по сравнению со всем предшествующим периодом; ступенью в развитии диалектического материализма и, с другой стороны, попыткой огульного метафизического отрицания исторических заслуг Плеханова—диалектика-материалиста, высоко оцененных Лениным, недооценки положительного содержания многих его философских работ на том основании, что он якобы «буржуазный демократ», и т. д. С таким неисторическим, софистическим, глубоко вредным подходом необходимо вести решительную борьбу.

4 Одной из важнейших задач при разработке материалистической диалектики является изучение богатейших успехов современного естествознания; проникновение диалектического материализма во все области естественных наук. Необходимо повести борьбу с получившим широкое распространение среди естественников—явлением формальным признанием диалектики, механическим склеиванием «диалектических формул» и конкретного материала естествознания. Этому глубоко вредному явлению, дискредитирующему позиции диалектического материализма в области естествознания, необходимо противопоставить такую работу, когда диалектика становится действительным орудием и методом научного познания.

Проникновение диалектического материализма в естествознание возможно только на основе усиленной борьбы с реакционными, идеалистическими, поповскими взглядами, протаскиваемыми буржуазными учеными в науку.

5. Борьба с извечным и коренным врагом марксизма—идеализмом должна быть решительной и беспощадной. Необходимо постоянно помнить, что все формы отклонения и ревизии марксизма в конечном счете суть проявление влияния коренного врага марксизма—идеализма. Поэтому, ведя решительную борьбу с механистической ревизией, как главной опасностью, и борясь с формалистическим искажением материалистической диалектики в собственных рядах, вместе с тем основной удар во всей нашей работе мы должны направить против идеализма во всех его формах и проявлениях.

6. Одной из важнейших задач перед теоретическим фронтом стоит оказание реальной помощи в теоретической работе нашим братским компартиям. Особо важной задачей в этой области является борьба с социал-демократической ревизией марксизма, в частности, критика последних работ Каутского, подменяющего марксизм вульгарным позитивизмом. Теоретический фронт СССР должен оказать непосредственную помощь братским компартиям в овладении ими огромным теоретическим наследством Ленина.

7. Бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е. решительно подчеркивает, что механистическая опасность является в настоящее время главной, так как механицизм,

прежде всего, является методологией правого оппортунизма. Поэтому борьба с механистами ни в коей мере не должна прекращаться. Наоборот, необходимо ее всемерно усилить и ни на одну минуту не прекращать разоблачение механистов, под каким бы видом и в какой бы форме они ни выступали.

Необходимо отметить, что оживление механистов, имевшееся за последнее время их выступления в «Безбожнике», «Антирелигиознике» и др., не получившие никакого отпора со стороны философского руководства, об'ективно являются не чем иным, как одной из форм оживления правооппортунистических идей.

На настоящем этапе социалистического строительства критика механистов, борьба с ними должна носить более глубокий, чем до сих пор, характер. Эта критика наряду с общими вопросами теории марксизма, наряду с критикой механистов в общих вопросах естествознания должна опираться на богатый конкретный материал как естественных наук, так и опыта социалистического строительства

Бюро ячейки ВКП(б) ИКП Ф. и Е. важнейшей политической задачей считает систематическую и глубокую критику работ Бухарина. В частности, надо специальной задачей поставить всестороннюю критику «Теории исторического материализма» Бухарина. Наряду с этим должна быть начата работа по созданию выдержанного учебника по диалектическому материализму.

8. Крайне настоятельной является работа над проблемами исторического материализма. В первую очередь, здесь необходимо сосредоточить внимание на изучении основных категорий исторического материализма, как они проявляются в условиях диктатуры пролетариата и, в частности, в реконструктивный период (проблема классов, производительные силы и производственные отношения и т. д.).

9. Необходимым моментом в философской работе должна стать борьба за генеральную линию партии, борьба со всякого рода уклонами от этой линии—в первую очередь с откровенно оппортунистическим уклоном, смыкающимся с контрреволюционной, реставраторской идеологией Кондратьева—Суханова, а также всестороннее разоблачение методологических корней троцкизма и «левых» загибов и примиренчества к ним.

10. Необходимо совершенно по-новому, в противоположность оппортунистической, деляческой постановке проблемы кадров (ставка на работоспособность вообще, см. передовую «П. З. М.» № 2—3 1930 г.), поставить проблему подготовки философских кадров в соответствии с требованиями реконструктивного периода. Одним из важнейших условий этого является реализация поворота во всей работе ИКП Ф. и Е.

11 И, наконец, популяризация и пропаганда марксистско-ленинской философии должны приобрести неизмеримо больший по сравнению с прошлым размах как по об'ему охватываемых ею масс, так и по количеству пропагандистов-философов и по об'ему и качеству выпускаемой литературной продукции, многочисленности и регулярности постановки философских докладов, командировок в провинцию и т. д. Необходимо оживить и усилить работу организаций ОВМД, пересмотреть повестку дня философской конференции и обеспечить созыв ее не позже весны 1931 года. Необходимо обеспечить работу групп содействия соответствующими планами работ, литературой, руководящими кадрами, докладами и т. д. и т. п. Надо ускорить перестройку программ и постановки учебной работы по диалектическому материализму в основных научно-исследовательских учреждениях и вузах, подготовляющих философские кадры. Необходимо добиться, чтобы журнал «Революция и Культура» действительно стал массовым, популярным, общетеоретическим, боевым, гибким, максимально подвижным пропагандистом ленинской диалектики, условием чего является регулярное интенсивное участие в его работе широких философских кадров.

Необходимо добиться перестройки работы журнала «Под Знаменем Марксизма» переименовав его в журнал «Под Знаменем Марксизма-Ленинизма», со-

здания вокруг него широкого актива философов-марксистов, оживления его работы и его политической актуализации.

12 Широкое развертывание самокритики на философском фронте, как основной метод дальнейшей работы, как форма наиболее быстрого роста философских кадров, как гарантия против опасности групповщины, «школок» и т. п., вместе с тем, как условие сплочения всей массы теоретических работников и плодотворной коллективной их работы.

Лозунг партийности философии должен во всей работе на философском фронте стать руководящим. Необходимо в ближайшее время особо заняться специальным изучением этого вопроса, как его ставил Ленин.

Спор о необходимости поворота на философском фронте должен быть окончен. Вся энергия, все силы должны быть приложены к тому, чтобы на основе ясной принципиальной позиции поворот реализовать на деле.

Бюро констатирует, что наличие новых учебных планов и программ в работе ИКП Ф. и Е., постановка вопроса о производственной практике в основном создают условия для планирования научной работы в соответствии с задачами поворота.

Бюро ячейки считает необходимым в ближайшее время в ИКП Ф. и Е. поставить ряд докладов для партактива и научных работников по важнейшим проблемам, особенно связанным с изучением и разработкой ленинского философского наследства; поставить также ряд открытых заседаний семинаров, на которых разрабатываются актуальные проблемы переходного периода.

В ближайшее время при ИКП необходимо организовать вечерний рабочий антирелигиозный университет, обслужив его силами ИКП Ф. и Е.

Бюро ячейки осуждает полное игнорирование данного заседания бюро со стороны преподавателей ИКП Ф. и Е. из так называемого философского руководства.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Об основных моментах развития ВКП (б).

(О статье А. С. Бубнова «ВКП (б)» в БСЭ, т. XI).

Статья тов. Бубнова «ВКП(б)» наряду с недавно вышедшей стенограммой совещания по преподаванию ленинизма, истории партии и Коминтерна послужит толчком к развернутому обсуждению основных вопросов истории партии и в частности вопросов методологии истории партии. В этом плане и следует рассматривать работу тов. Бубнова. Одной из важнейших проблем, подлежащих разработке, несомненно, является проблема закономерности в развитии партии и вопрос о периодизации истории ВКП(б). По существу, это один вопрос, ибо дать законченную периодизацию исторического развития ВКП нельзя без того, чтобы не проследить «последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей» (Энгельс).

Вся сложность и трудность периодизации истории ВКП проистекает оттого, что в одном плане-схеме нужно охватить все богатство изумительной по своему всемирно-историческому размаху многогранной деятельности партии, ее программы, тактики и организации в изменяющейся международной и внутренней экономической и политической обстановке. Познать закономерности истории развития партии и установить на основе определенного принципа соответствующую периодизацию, которая отразила бы диалектику исторической действительности, такова задача исследователя.

Для тов. Бубнова «история нашей партии есть история грандиознейшей маневренной войны». История партии не может быть сведена к изложению фактов, к описанию развития партии, она должна явиться анализом этого развития, обнаружением его закономерностей, она требует, чтобы давалась «философия истории» [1].

В связи со сдвигами в экономике и политике внутри страны и в области международной, в связи с ходом классовой борьбы изменяется тактика и организационное строительство партии. Можно ли, однако, сделать отсюда вывод, что никакой особой периодизации истории партии, которая не покрывалась бы периодизацией истории классовой борьбы и революционного движения, не может быть. Это возможно было бы лишь в том случае, если бы партия являлась простым регистратором исторических событий, мягким воском, из которого стихия истории лепит все, что угодно. Но дело обстоит не так. Партия делает историю, и сила ее воздействия на исторический процесс, об'ективный ход которого определяет победу пролетариата, зависит от правильности ее политики, революционной энергии и инициативы, силы и глубины связи с массами не только пролетариата, но и всех трудящихся. История партии глубоко своеобразна, не растворима в общеисториче-

[1] А. Бубнов. «Основные вопросы истории РКП». 1925, стр. 46.

ском процессе. Партия, будучи сознательной выразительницей бессознательного процесса революционного развития, представляет могущественный самостоятельный фактор исторического действия.

Нужно, однако, отбросить теории, изображающие партию как надисторический, сверхисторический фактор, точно так же как и хвостистские теории, растворяющие партию в общеисторическом процессе. По этому пути и идет тов. Бубнов. Тов. Бубнов делит историю партии на следующие основные периоды: 1) партия в эпоху царизма до начала буржуазно-демократической революции (70 годы—от народничества к марксизму,—группа «Освобождение Труда»—1883 г.), 2) партия в эпоху буржуазно-демократической революции (1903—1917); 3) партия в эпоху пролетарской революции (1917 до XV с'езда партии). Не получается ли здесь сведение периодизации истории партии к периодизации истории русской революции? Отнюдь нет. Ибо на этих трех этапах развития русской революции глубоко изменялась стратего-тактическая установка партии, ее политическая и организационная деятельность, развивались ее программно-теоретические воззрения. Деление тов. Бубнова дает не только внешнюю картину развития партии, но и внутреннюю. Статья тов. Бубнова по своему содержанию дает картину маневренной войны партии против ее классовых врагов, но вместе с тем и мобилизации собственных сил авангарда, сил самого рабочего класса и его резервов в этой войне, дает изображение внутреннего ее развития, не стирая специфических черт этих этапов, тактических поворотов в развитии партии в течение каждого такого основного стратегического отрезка генеральной ленинской линии партийного развития.

Очень важно определить историческое значение каждого такого основного отрезка в развитии партии, представляющей процесс слияния революционного марксизма-ленинизма с движением пролетариата.

Как подчеркивал Ленин в статье «Исторические судьбы учения К. Маркса», в развитии марксизма—в соответствии с диалектикой исторического развития—выпячивается то одна, то другая сторона его. Ленинизм не явился на свет готовым, он глубоко чужд всякой метафизике. В развитии ленинизма как теории и тактики пролетарской революции наблюдаются крупнейшие повороты и «скачки», но, как правильно подчеркивает тов. Бубнов,—это есть внутренне-единый процесс,—каждый предыдущий период подготовляет последующий.

Каково же содержание деятельности и борьбы партии? Первый период—эпоха «возникновения и организации социал-демократии до буржуазной революции, программно-теоретическое и организационное формирование партии в период подготовки революции, подготовки к решению ближайшей исторической задачи—задачи не только российского, но и международного значения—свержения помещичьего самодержавия. Второй период—реализация первой части генерального стратегического плана—свержение царизма, борьба за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, оформление большевизма как особой революционной партии пролетариата, массовой рабочей партии, которая в третий период выступает как партия, осуществляющая диктатуру пролетариата и строящая социализм, как партия, закладывающая основу бесклассового общества и тем самым ведущая к «отмене» самой себя в этом обществе. Диалектика требует того, чтобы в каждом данном этапе установить связь с прошлым и тенденции будущего. Тов. Бубнов и дает такую монистическую, диалектическую картину развития партии. Устанавливаемые им три периода

соответствуют в области экономической переходу от крепостничества к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Нередко делаются возражения, что такое деление на три периода ничего не дает, ибо оно слишком обще. С этим, однако, нельзя согласиться. Каждый из этих трех периодов связан с этапами борьбы за революционную диктатуру: сначала—демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, а затем—социалистическую диктатуру пролетариата.

Каждому из крупных отрезков истории соответствуют основные лозунги, значимые для целой эпохи в развитии рабочего движения. Забыть это значит не уметь подняться до широкого исторического обобщения, за деревьями отдельных, правда, крупных тактических поворотов не видеть борьбы за реализацию основного стратегического плана партии, направленного к борьбе за диктатуру пролетариата и коммунизм.

Наряду с основной периодизацией тов. Бубнов дает более детальную, в основу которой он кладет специфические организационно-тактические моменты в деятельности партии, являющиеся составной частью реализации большого стратегического плана.

1884—1894 гг.—«возникновение и упрочение теории и программы социал-демократии» (Ленин). 1894—1898 гг.—социал-демократия выступает как политическая партия, имеющая всероссийское значение. 1898—1903 гг.—борьба с кустарничеством и конструирование партии на основе организационных принципов старой «Искры». 1902—1905 годы «подготовки революции». 1905—1907 гг.—борьба за гегемонию в революции, развертывание основных тактических принципов большевизма. 1908—1910 гг.—борьба за партию против ликвидаторства справа и «слева». 1911—1914 гг.—выход большевизма, как вполне оформившейся партии пролетариата, на арену широкого массового революционного движения. 1914—17 гг.—сплочение вокруг ленинизма передовых элементов не только российского, но и международного пролетариата, закладывание фундамента будущего Коммунистического Интернационала. Партийное развитие в период диктатуры пролетариата т. Бубнов характеризует следующими задачами: 1) завоевание власти, 2) выход из империалистической войны, 3) организация управления страной, 4) организация военного отпора вооруженным силам буржуазно-помещичьей контрреволюции и 5) социалистическая организация народного хозяйства—восстановительный и реконструктивный периоды нэпа.

Эта периодизация, данная тов. Бубновым, несомненно, нуждается в дальнейшей разработке и уточнении, особенно в отношении советского периода, но, в общем, т. Бубнов стоит на правильном пути.

Глубоко правилен вывод, который делает тов. Бубнов из анализа развития большевизма в борьбе с врагами внутри рабочего движения: «на протяжении почти всей эпохи буржуазно-демократической революции в России большевизм существовал как самостоятельная и организационно-оформленная революционно-пролетарская партия». (БСЭ, т. XI, стр. 471).

Большая работа должна быть проделана исследователями для того, чтобы показать, как исторически подготовлялся большевизм, ленинизм, как складывались элементы партии, унаследовавшей лучшие традиции революционной социал-демократии (здесь вполне правильно и уместно говорить об элементах будущей ленинской партии до раскола в рядах РСДРП).

ском процессе. Партия, будучи созиательиой выразительиицей бессознательного процесса революциоиного развития, представляет могущественный самостоятельный фактор исторического действия.

Нужно, однако, отбросить теории, изображающие партию как надисторический, сверхисторический фактор, точно так же как и хвостистские теории, растворяющие партию в общеисторическом процессе. По этому пути и идет тов. Бубнов. Тов. Бубнов делит историю партии иа следующие основные периоды: 1) партия в эпоху царизма до иачала буржуазно-демократической революции (70 годы—от народничества к марксизму,—группа «Освобождение Труда»—1883 г.), 2) партия в эпоху буржуазно-демократической революции (1903—1917); 3) партия в эпоху пролетарской революции (1917 до XV с'езда партии). Не получается ли здесь сведение периодизации истории партии к периодизации истории русской революции? Отнюдь нет. Ибо на этих трех этапах развития русской революции глубоко измеиялась стратего-тактическая установка партии, ее политическая и организационная деятельность, развивались ее программио-теоретические воззрения. Деление тов. Бубиова дает не только внешнюю картину развития партии, но и внутреннюю. Статья тов. Бубиова по своему содержанию дает картину маиевренной войны партии против ее классовых врагов, ио вместе с тем и мобилизации собствеииых сил аваигарда, сил самого рабочего класса и его резервов в этой войне, дает изображение внутреннего ее развития, ие стирая специфических черт этих этапов, тактических поворотов в развитии партии в течение каждого такого основного стратегического отрезка генеральной ленинской линии партийного развития.

Очень важно определить историческое зиачение каждого такого основного отрезка в развитии партии, представляющей процесс слияния революционного марксизма-ленинизма с движением пролетариата.

Как подчеркивал Ленин в статье «Исторические судьбы учения К. Маркса», в развитии марксизма—в соответствии с диалектикой исторического развития—выпячивается то одна, то другая сторона его. Ленинизм ие явился на свет готовым, он глубоко чужд всякой метафизике. В развитии ленинизма как теории и тактики пролетарской революции иаблюдаются крупиейшие повороты и «скачки», но, как правильно подчеркивает тов. Бубиов,—это есть виутренне-единый процесс,—каждый предыдущий период подготовляет последующий.

Каково же содержание деятельности и борьбы партии? Первый период—эпоха «возникновения и организации социал-демократии до буржуазной революции, программно-теоретическое и оргаиизационное формирование партии в период подготовки революции, подготовки к решению ближайшей исторической задачи—задачи не только российского, но и междуиародного значения—свержения помещичьего самодержавия. Второй период—реализация первой части генерального стратегического плана—свержение царизма, борьба за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, оформление большевизма как особой революционной партии пролетариата, массовой рабочей партии, которая в третий период выступает как партия, осуществляющая диктатуру пролетариата и строящая социализм, как партия, закладывающая основу бесклассового общества и тем самым ведущая к «отмене» самой себя в этом обществе. Диалектика требует того, чтобы в каждом данном этапе установить связь с прошлым и тенденции будущего. Тов. Бубиов и дает такую моиистическую, диалектическую картину развития партии. Устанавливаемые им три периода соответствуют в области экономической переходу от крепостничества к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Нередко делаются возражения, что такое деление иа три периода ничего ие дает, ибо оно слишком обще. С этим, однако, нельзя согласиться. Каждый из этих трех периодов связан с этапами борьбы за революционную диктатуру: сначала—демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, а затем—социалистическую диктатуру пролетариата.

Каждому из крупных отрезков истории соответствуют основные лозунги, значимые для целой эпохи в развитии рабочего движения. Забыть это значит ие уметь подняться до широкого исторического обобщения, за деревьями отдельных, правда, крупных тактических поворотов ие видеть борьбы за реализацию основного стратегического плана партии, иаправленного к борьбе за диктатуру пролетариата и коммунизм.

Наряду с основной периодизацией тов. Бубнов дает более детальную, в основу которой он кладет специфические организационно-тактические моменты в деятельиости партии, являющиеся составной частью реализации большого стратегического плана.

1884—1894 гг.—«возникновение и упрочение теории и программы социал-демократии» (Ленин). 1894—1898 гг.—социал-демократия выступает как политическая партия, имеющая всероссийское значение. 1898—1903 гг.—борьба с кустарничеством и конструирование партии на основе организационных принципов старой «Искры». 1902—1905 годы «подготовки революции». 1905—1907 гг.—борьба за гегемонию в революции, развертывание основных тактических принципов большевизма. 1908—1910 гг.—борьба за партию против ликвидаторства справа и «слева». 1911—1914 гг.—выход большевизма, как вполне оформившейся партии пролетариата, иа арену широкого массового революционного движения. 1914—17 гг.—сплочение вокруг ленинизма передовых элементов ие только российского, но и междуиародиого пролетариата, закладывание фундамента будущего Коммунистического Интернационала. Партийное развитие в период диктатуры пролетариата т. Бубнов характеризует следующими задачами: 1) завоевание власти, 2) выход из империалистической войны, 3) организация управления страной, 4) организация военного отпора вооруженным силам буржуазно-помещичьей контрреволюции и 5) социалистическая организация народного хозяйства—восстановительный и реконструктивный периоды нэпа.

Эта периодизация, даниая тов. Бубиовым, несомненно, нуждается в дальнейшей разработке и уточнении, особенно в отношении советского периода, но, в общем, т. Бубнов стоит на правильном пути.

Глубоко правилен вывод, который делает тов. Бубиов из анализа развития большевизма в борьбе с врагами внутри рабочего движения: «на протяжении почти всей эпохи буржуазно-демократической революции в России большевизм существовал как самостоятельная и организационно-оформленная революционно-пролетарская партия». (БСЭ, т. XI, стр. 471).

Большая работа должна быть проделана исследователями для того, чтобы показать, как исторически подготовлялся большевизм, ленинизм, как складывались элементы партии, унаследовавшей лучшие традиции революционной социал-демократии (здесь вполне правильно и уместно говорить об элементах будущей ленинской партии до раскола в рядах РСДРП).

Основная установка в истории партии и периодизация, данные тов. Бубновым, имеют плодотворное значение для научной разработки ленинской истории партии. Это большевистская установка. Но нужно все же полностью отрешиться от той установки, которая была в старых статьях тов. Бубнова и которая оставляет лазейку для теории мало связанных периодов истории партии, если хотите,—трех партий... «В неустанной борьбе с меньшевиками, ликвидаторами и социал-шовинизмом,—говорит тов. Бубнов,—возникает, складывается и оформляется **большевистская** партия, которая продолжает революционное дело **социал-демократической** партии и закладывает фундамент **коммунистической партии**» [1]).

Не затушевывается ли при этом невольно монистичность и монолитность истории большевизма с момента выступления Ленина на арене рабочего движения до нынешних дней? Нет ли здесь увлечения терминологической стороной вопроса?

Тов. Бубнов дает правильную в основном и главном периодизацию единого процесса, однако, нельзя согласиться с точкой зрения тов. Бубнова, развиваемой в последней статье—о том, что весь предоктябрьский период являлся «не чем иным, как подготовлением элементов (!) такой пролетарской партии, которая на деле смогла бы непосредственно руководить классовой борьбой пролетариата в эпоху переходную от капитализма к социализму» (БСЭ, т. XI, стр. 17).

Правильно делает тов. Бубнов, когда подчеркивает огромнейшее принципиальное значение прихода партии к власти в период диктатуры пролетариата, знаменующий **высший** момент развития пролетариата как класса «для себя», но все же не следует недооценивать значения дооктябрьского периода. К октябрю 1917 года партия в идейном, организационном и тактическом отношении была вполне подготовлена к осуществлению диктатуры пролетариата и строительству социализма. Мало сказать, что были подготовлены лишь элементы такой партии.

Дело, однако, не только в этом, а и в том, что зарождение большевизма, образование элементов его тов. Бубнов ставит в прямую связь и зависимость именно от того, что «конец 90-х и начало 900-х годов были годами зарождения **элементов** монополистического капитализма», тем, что «Россия, только что поднявшаяся до промышленного капитализма, начала поворачивать в сторону финансового капитализма» (стр. 25, 27).

Появлению и развитию **элементов** финансового капитала в России соответствует, по тов. Бубнову, одновременное формирование **элементов** будущей коммунистической партии. Тов. Бубнов дает довольно полную картину обстановки, в которой вырос и развивался большевизм, но это ему не мешает несколько механистически связывать отдельные шаги большевизма, ленинизма с развитием элементов финансового капитала. Принципиально правильно связывать этапы развития большевизма с этапами развития империализма во всем мире и в России, беря вопрос в целом на крупных исторических отрезках. В этом отношении исследователям предстоит большая работа, но нет ли здесь со стороны т. Бубнова некоторого упрощения вопроса?

Развитие промышленного и монополистического капитализма при господстве крепостничества в России, тесно связанных и сильно зависимых от финансового капитала, уже сложившегося в Западной Европе, обусловливало развитие классовой борьбы и рабочего движения в России. Марксизм Ленина обогащался опытом революционной борьбы в России, на империалистическом Западе и колониальном Востоке. Марксизм-ленинизм с первых шагов своего развития был глубоко интернациональным учением, усваивавшим, в первую очередь, опыт борьбы революционнейшего в мире русского пролетариата. В своем развитии он в борьбе преодолевал враждебные идеологии и системы взглядов. Без всего этого нельзя понять условий развития ленинской теории. Таким образом, формирование финансового капитала в царской России сказывалось на развитии ленинского учения очень сложными опосредствованными путями национального и интернационального базисного и надстроечного порядка. Вот почему «теорию элементов» в концепции тов. Бубнова нужно признать неправильной. Как неверно связывать зарождение большевизма с одновременным зарождением **элементов** финансового капитала в России, так неверно считать, что до периода, когда Россия окончательно вошла в стадию монополистического капитализма, были созданы лишь **элементы** коммунистической партии. Эту механистику нужно отбросить.

[1]) «Основные вопросы истории РКП, стр. 21. Разрядка наша. *Д. К.*

Вообще же говоря, точка зрения тов. Бубнова по вопросу о русском финансовом капитале не вполне отчетлива. Он, с одной стороны, приводит известную цитату Ленина от августа 1915 года о том, что «в России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм». С другой стороны, тов. Бубнов тут же утверждает: «Громадное значение промышленного под'ема 1910—14 гг. заключается в том, что, пройдя через него, Россия **окончательно** вступила в стадию монополистического капитализма» [1]).

Эти рядом приводимые положения не вяжутся одно с другим. Для указанного периода есть довольно четкая характеристика, данная тов. Лениным и, к сожалению, еще не приводившаяся в литературе. В статье, написанной в марте 1914 года, «Еще одно уничтожение социализма» Ленин писал: «Россия быстро европеизируется. Буржуазия у нас **почти** совсем созрела и даже **кое в чем перезрела**» [2]).

Совершенно ясно, о каком перезревании, загнивании буржуазии идет здесь речь, и это не совпадает с мнением тов. Бубнова об **окончательном** вступлении России в стадию монополистического капитализма.

Этот процесс очень сильно двинулся вперед в годы под'ема, затем в особенности в период империалистической войны, необычайно ускорившей процесс монополизации капитала, и закончился во время февральской революции, когда империалистическая буржуазия пришла к власти.

Одной из важнейших закономерностей, подлежащих изучению историка партии, является закономерность развития мелкобуржуазных уклонов в ВКП, особенно в период диктатуры пролетариата, их развитие от уклона, находящегося еще в пределах коммунизма, до антипартийной и далее антисоветской, контрреволюционной группировки, если уклон не исправляется, а углубляется. Тов. Бубнов формулирует чрезвычайно остроумно и правильно подмеченный факт возрастающей антипартийности выступлений оппозиции и прогрессивно убывающей силы и растущей беспочвенности ее, встречающей при каждой атаке все более и более сплоченный и единодушный отпор. Сформулированный тов. Сталиным закон развития и укрепления партии

[1]) БСЭ, т. XI, стр. 28. Разрядка наша. *Д. К.*
[2]) Ленин, т. XVII, 2 изд., стр. 378.

путем преодоления внутрипартийных противоречий проиллюстрирован достаточно полно в работе тов. Бубнова.

Если роль и значение троцкизма иногда несколько переоценивается в статье «ВКП(б)» в отношении до-октябрьского периода, то в отношении после-октябрьского периода оценка троцкизма в основном дана правильно, хотя и нуждается в известном уточнении (напр., спорной является характеристика роли троцкизма в профсоюзной дискуссии). Троцкизм в рядах ВКП в период после-октябрьский в известном смысле играл такую же роль, какую меньшевизм в целом играл в рядах РСДРП, поскольку, вообще говоря, возможна такая аналогия. Известное различие обусловливается монопольным положением нашей партии при диктатуре пролетариата. Троцкизм был осколком меньшевизма, чужеродным, враждебным телом в ВКП, он докатился до создания особой партии, и его контрреволюционность в определенный момент обнаружилась так же, как контрреволюционность меньшевизма—с той разницей, что в отношении меньшевизма это стало вполне ясно уже в 1917 году. Напрасно утверждает Троцкий в «Моей жизни», что троцкизм до 1917 года был всегда наиболее близким и родственным течением для большевизма. Период пролетарской диктатуры не менее, чем до-октябрьский, говорит о совершенно обратном. Тов. Бубнов далее разрабатывает ленинское положение о том, что открытый оппортунизм был основным и главным врагом партии и рабочего движения, и показывает, в чем главная опасность нынешней правой оппозиции в ВКП, хотя нужно отметить недостаточную полноту использованного автором материала.

Вторая часть статьи, написанная в основном сотрудниками тов. Бубнова, дает довольно подробную прагматическую историю партии. Особенно удачными являются главы 6, 14 и 15, основанные на серьезном знании фактического материала. Тов. Бубновым, как редактором этой части статьи, проделана серьезная работа над оформлением коллективной работы сотрудников. Однако, всех шероховатостей сгладить не удалось. Встречается ряд мест, отличающихся неточностью формулировок, недостаточно исчерпывающей полнотой изложения.

В главе VI о революции 1905 года, в разделе «II Интернационал и его отношение к расколу в РСДРП», автор делает следующее утверждение: «Изо всего II Интернационала, кроме Розы Люксембург, Ленин и большевики имели на своей стороне лишь частично К. Каутского. Важно также подчеркнуть, что уже тогда Ленин видел тенденцию развития II Интернационала и занимал в отношении него соответствующую этой тенденции позицию» (стр. 323). Здесь автором делается ряд ошибок. Уж в главе о расколе в РСДРП вряд ли приходится говорить о том, что большевики имели на своей стороне Р. Люксембург. Сам же автор приводит факты, противоречащие его заявлению. Ведь еще в 1913 году Р. Люксембург называла Ленина разжигателем раскола в РСДРП и фракции IV Государственной Думы. Организационный вопрос был одним из главных вопросов, хотя и далеко не единственным, отделявшим Р. Люксембург от II Интернационала. Как же можно без всяких оговорок утверждать, что Роза была в тот период на стороне большевиков. Это противоречит тому, что говорится в разделе «II Интернационал и его отношение к расколу в РСДРП» (*БСЭ*, т. XI, 285—291). Далее не верно, что уже в 1905 году Ленин видел тенденцию развития II Интернационала. Для Ленина были ясны очень сильные тенденции ревизионизма и оппортунизма в рядах II Интернационала, но он считал, что II Интернационал сумеет еще изгнать реформистов из своих рядов. Если бы он видел в то время, к чему идет II Интернационал в целом, то его тактика была бы в значительной мере иная,—тогда вопрос о III Интернационале был бы поставлен еще в период первой революции. Между тем этого не было. Ленин до войны еще весьма тревожно смотрел на положение дел во II Интернационале. Он выступал не только против ревизионизма, но и, вопреки утверждению Коршей, против господствовавшего в Интернационале центризма в ряде важнейших вопросов. Так было в период первой революции, в 1907, в 1913, в 1914 гг. В 1910 году Ленин созвал совещание ряда представителей левого течения II Интернационала, но отсюда еще далеко до утверждения автора. Такая постановка вопроса неисторична.

В очень недурной XV главе, на стр. 491 мы встречаем, например, следующую формулировку: «он (троцкизм) игнорирует тот факт, что в условиях диктатуры пролетариата в з а и м о д е й с т в и е [1]) крупного социалистического производства и мелкого крестьянского хозяйства, при условии правильной политики господствующего пролетариата, обеспечивает возможность социалистической переделки крестьянского хозяйства». Вряд ли правильно здесь говорить о в з а и м о д е й с т в и и крупного социалистического производства и мелкого индивидуального крестьянского хозяйства. Здесь точнее было бы сказать о р у к о в о д я щ е й р о л и, о мощном экономическом и политическом в о з д е й с т в и и и активной переделке мелкого индивидуального хозяйства.

В главе XVI дается характеристика роли и решений XIV партконференции. И здесь, к сожалению, недостаточно четко сказано о том, что решения XIV партконференции в основном и главном были ставкой на середняка как центральную фигуру земледелия в деревне. Об этом говорится достаточно ясно в части, написанной тов. Бубновым. Именно это значение решений подчеркивал тов. Сталин на XIV с'езде. «Вот эта идея и послужила основой тех решений и тех уступок крестьянству, которые были приняты нами на XIV апрельской конференции нашей партии», говорил тов. Сталин. Об этом нужно было обязательно сказать и здесь, не связывая целиком освещения этого момента только с изложением решений XIV партс'езда. Вряд ли поэтому можно считать вполне удачной такую формулировку задач конференции, что она, будучи шагом на пути к реконструктивному периоду (что целиком правильно), вела к тому, чтобы «путем форсированного развития товарооборота в стране, расширения возможностей для еще большего развития индивидуального крестьянского хозяйства и накопления в деревне, т.-е. создания т а к и м п у т е м (вот это-то не раз'яснено автором. *Д. К.*) предпосылок для максимального ускорения темпа социалистического накопления и индустриализации страны» (стр. 305, разрядка наша. *Д. К.* Говорить об «еще большем развитии индивидуального крестьянского хозяйства и накоплении в деревне» (накоплении вообще? *Д. К.*) в такой общей форме, не подчеркивая основного смысла решений XIV партконференции,—это значит дать возможность неправильного истолкования решений, как это, например, делали троцкисты, изображавшие решения XIV партконференции, как уступку кулаку.

Так или иначе тов. Бубновым и его сотрудниками проделана огромная, положительная работа. Концепция истории партии, данная тов. Бубновым, является большевистской концепцией, хотя ряд положений можно считать спорными.

Статья тов. Бубнова, несомненно, двигает вперед дело научной разработки истории партии. В этом неоспоримая ценность работы.

Д. Кин.

[1]) Разрядка наша *Д. К.*

Разоблачим правый оппортунизм в теории и практике на аграрном фронте.

(О книге Г. С. ГОРДЕЕВА — «Основные проблемы сельскохозяйственной экономики», изд. «Новый агроном», 1930 г. Второе исправленное издание, страниц 390. Ц. 2 р. 50 к.).

Ряд правооппортунистических ошибок в трактовке вопросов экономической политики партии и вульгарно-механистических—в теории, допущенных т. Гордеевым в первом издании «Основных проблем», получил, в свое время, частичное освещение в ряде рецензий.

Во втором издании, вышедшем в 1930 году, внесенные автором поправки, не исправляют, а усиливают вредные стороны первого издания книги.

Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета книга снова рекомендуется в качестве учебного пособия для вузов. Это усиливает необходимость вскрыть со всей решительностью все немарксистское правооппортунистическое в этой книге.

Попытаемся это сделать, насколько позволяют размеры рецензии.

Диалектический метод, являющийся «душой» марксизма и ленинизма, есть, как известно, «сознательное и научное применение лежащей в природе бытия и мышления закономерности».

Его исключительное значение, его строгая научность заключается в том, что в нем отображается содержание, изменение и развитие об'ективной действительности. Попытки тов. Бухарина ограничить метод Маркса познавательной ценностью, Ленин осудил, как стыдливый агностицизм. Мы знаем, что против соответствующих слов Бухарина в его книге «Экономика переходного периода», сводящих значение метода Маркса только к познавательной ценности, Лениным написано: «Только «познавательная ценность» ?, в необ'ятный мир отражающая?? «стыдливый «агностицизм!»

Несмотря на эти, обязательные для каждого марксиста, положения Ленина, Гордеев в «Основных проблемах» продолжает раз'яснять метод, как средство для «экономии мышления», как «вспомогательное средство для построения (?!) научной системы». По мнению автора, метод выполняет такую же техническую вспомогательную роль, как компас для мореплавателя, по его изложению, метод имеет ту познавательную ценность, что через него достигается «усовершенствование познания».

Само собой разумеется, что в таком определении метода автору не может служить опорой ни марксизм, ни ленинизм, и он находит ее для себя у ... кантианца Солнцева.

> «Снова обращаемся к Солнцеву,—пишет наш автор на странице 36,—совершенно правильно полагавшему, что «научный метод в каждой научной дисциплине так же необходим и важен, как компас для мореплавателя».

«Метод,—пишет дальше сам автор,—не важен сам по себе, он не имеет самодовлеющего значения. Компас важен, как вспомогательное средство для мореплавателя, но важность компаса заключается в том, что мореплаватель легче и правильнее достигает с его помощью поставленной цели».

В согласии с таким формалистическим толкованием метода, автор дает определение предмета политической, а отсюда и сельскохозяйственной экономии.

> «Политическая экономия,—пишет он,—не описывает все случаи пестрой действительности. Политическая экономия создает известные схемы (?!), конструкции (?!) более или менее абстрактные, в которых и укладываются (?!) экономические явления» (стр. 13).

После такого «определения» (подчеркнутого нами. *Ф. Н.*) предмета и метода политэкономии никакие ссылки на Маркса, к которым прибегает автор, не могут прикрыть ревизионистского характера отстаиваемых им в книге положений.

Марксистская политическая экономия, конечно, не описывает все случаи пестрой действительности, но она не занимается тем, чем занимались философы прошлых столетий, и куда ее пытается тащить теперь тов. Гордеев, т.-е. она не занимается «созданием» схем и конструкций.

Марксистская политическая экономия «изучает общественные отношения людей по производству» (Ленин). Она изучает производственные отношения, как форму развития производительных сил данной общественной формации. Тем самым она познает о б 'е к т и в н у ю закономерность возникновения, развития и упадка данных отношений, т.-е. экономические законы движения общества.

> «Исследование производственных отношений данного исторически определенного общества в их возникновении, развитии и упадке—таково содержание экономического учения Маркса» (Ленин).

Вместо этого автор «Основных проблем» тащит читателя в прошлые столетия, к схоластике, к агностицизму. Мы должны со всей решительностью отвергнуть эти попытки, как ничего общего с марксизмом не имеющие.

В книге во многих местах отождествляется техника с производительными силами. (См. стр. 10 и 27). Отсюда, как следствие, у автора не развитие производительных сил, а развитие техники определяет изменение производственных отношений. Тот жесточайший отпор, который в партии получило это механистическое положение, не явился уроком нашему автору.

Вообще в области определения категорий политэкономии: производительных сил, производственных отношений, средств производства, капитала и друг. у автора царит невероятная путаница. Вот как, например, он определяет средства производства:

> «Средства производства,—пишет он,—состоят в капиталистическом обществе из земли, капитала постоянного и переменного» (стр. 23).

Если, по Марксу, производительные силы состоят из предмета труда, орудий труда и рабочей силы, то автор берет только орудия труда (технику) и, не стесняясь, выбрасывает предмет труда и даже «наиболее производительную силу», сам революционный рабочий класс.

Если, по Марксу, средства производства, являясь составной частью производительных сил, включают в себя только предмет труда и орудия труда, то автор «Основных проблем» почему-то дополняет их «переменным капиталом», смешивает в одну кучу вещи с общественными категориями — землю с капиталом, и т. д. Автор здесь отразил обыденное для буржуазного общества представление, для которого рабочий действительно есть не что иное, как «говорящее орудие».

Таким образом «Основные проблемы» искажают правильное понимание самых элементарных и в то же время важнейших категорий политической экономии. Вместо четких марксистских определений, автор преподносит эклектику от буржуазных учений, плохо прикрытую марксистской фразеологией.

В книге неправильно освещаются категории необходимости и случайности. На стр. 13 случайность, как об'ективная категория, отрицается. Автором не дается диалектическое проникновение этих двух категорий.

Для нас ясно, что ошибки в теории в современных условиях, быстро перерастают в ошибки в политике. Не мог избежать этого и автор «Основных проблем».

Как ни много путаницы и эклектики у автора, а основном его теоретические ошибки являются вульгарно-механистическими, служащими теоретическими корнями правого уклона, который представляет главную опасность в партии в данный период строительства социализма. Отсюда становятся ясными те извращения генеральной линии партии, которые допускает автор в рецензируемой книге и о которых речь будет впереди.

Открыто-буржуазным является положение автора о кооперации двух классов—капиталистов и рабочих—в капиталистическом обществе (стр. 76). Также открыто-буржуазным является его утверждение, что классовая борьба «принижает развитие народного хозяйства» так же, как войны и кризисы разрушают производительные силы (стр. 68 и 69). Автор может сослаться на другие места книги, где правильно характеризуется значение классовой борьбы. Но этим дело не исправляется, в том и состоит характерная особенность эклектики, что она состоит из «кусочков». «Кусочек» от марксизма у автора сопровождается «глыбой» от буржуазных теорий.

Открытой туган-барановщиной является изложение автора вопроса о распределении ценности, производимой в капиталистическом обществе, между классами по удельному весу в процессе производства и по силе классов. Послушаем автора:

«Каждый индивидуум, поставленный на одной веточке огромного дерева общественного производства, получает известную долю своего совокупного товара. Величина его доли будет соответствовать удельному весу в процессе производства и силе того класса, к которому он принадлежит». «Путем цен рынок отмеряет долю, приходящуюся той или другой коллективной единице» (стр. 27).

И эта возмутительная буржуазная болтовня, вместо марксизма, теория «равноправия» капиталистов и рабочего класса в вопросах распределения, вместо марксистской теории прибавочной стоимости, являющейся фундаментом понимания классовой борьбы в капиталистическом обществе,—переиздается советским издательством в 1930 году, несмотря на предупреждения печати!!

Наконец, открыто буржуазным, струвистским является «учение» автора о богатеющей деревне при капитализме (стр. 62). Вместо того, чтобы показать, как капитал разрушает мелкое производство и какие формы при этом принимают классовые противоречия, как дальнейшее развитие ведет к тому, что торговый капитал перерастает в промышленный, обостряя еще больше классовую противоположность; вместо того, чтобы развернуть перед читателем действительный путь развития капитала через ухудшение благосостояния и вымирание многих миллионов крестьян и нарастающую пропасть между городом и деревней, автор «Проблем» этот путь капитала изображает, как самый заурядный апологет капитализма.

Оказывается, происходило только выгодное для деревни разделение труда.

«Низкие цены,—пишет автор,—произвели настоящую революцию в деревне. Деревня увидела не только то, что она сама производила, но и многое такое, чего совсем в деревне не производилось. Деревня бросила ткацкие станки, женщины перестали просиживать ночи за прялкой (вот кто, оказывается, раскрепостил женщину! А мы, грешным делом, до сих пор думали, что это сделала и делает дальше только советская власть. *(Ф. Н.)*.

Выгоднее стало купить плуг в городе (много ли их беднота покупала? *Ф. Н.*), чем делать соху дома. Постепенно от деревни отходили одна за другой отрасли домашней промышленности. (Вот как оказывается развивалось противоречие между городом и деревней!—*Ф. Н.)* Земледелец вынужден был заниматься только сельским хозяйством. *Такое взаимодействие облегчило (?!) рост сельского хозяйства, так как из города в деревню попадали новые машины, знания и опыт»* (подчеркнуто нами.—*Ф. Н.)*.

И в этой связи у автора найдутся места в книге, где кой-чего сказано и о расслоении в деревне. Но ведь без этого нельзя, в этом характерная особенность эклектики.

Правооппортунистическая установка автора в вопросах коллективизации во втором издании еще больше углубляется.

В 1930 году, после указания автору на ряд его ошибок в первом издании, во втором издании, наряду с неясным, путаным и отрывочным изложением сущности кооперативного плана Ленина, сохранены разговоры о том, что у нас

«*кооперировалась наиболее маломощная беспомощная часть крестьянства*», что «*колхозы обнаруживают большую прогрессивность по сравнению со* СРЕДНИМ *крестьянским хозяйством района*» (см. стр. 388—389).

Не очевидно ли, что автор смазывает успехи коллективизации, продолжает отрицать, что *середняк* пошел в колхозы и в основных зерновых районах стал действительной и прочной опорой советской власти в деревне. Автор принижает огромное значение колхозов в отношении развития производительных сил. Он позволил себе замазать экономические преимущества колхоза перед *всеми* без изъятия формами индивидуального хозяйства, в том числе и перед кулацким хозяйством, которое до сих пор, для автора, остается экономически непревзойденным типом хозяйства в деревне. Во втором издании сохранено оппортунистическое утверждение автора, что

«лучшие организации коллективных хозяйств не означает еще, что форма колхоза идеальна, *что на данной стадии найдена удовлетворяющая всем условиям форма обобществленного хозяйства*», (стр. 389—90, подчеркнуто нами. — *Ф. Н.)*.

Оказывается, что совхоз, этот становой хребет переделки *старого* уклада деревни, и артель, как основная форма коллективизации в данный период, не являются, по мнению тов. Гордеева, удовлетворяющей формой обобществления хозяйства, оказывается, что такую удовлетворяющую форму надо еще найти. При этом, автор, естественно, не может говорить о сплошной коллективизации, как необходимом

методе партии в деле выполнения пятилетнего плана, предусматривающего завершение в основном коллективизации всех областей СССР.

Он его подменяет лозунгом массовой коллективизации: «*За последнее время коллективизация вступила в новую полосу—массовой коллективизации и укрупнения колхозов*» (стр. 390, подчеркнуто нами. — *Ф. Н.)*.

Отрицая преимущества колхоза перед капиталистическими формами сельского хозяйства, отрицая наличие поворота миллионных масс беднейшего и среднего крестьянства на путь коллективизации, отказываясь признать за совхозами и колхозами основную, опытом миллионов проверенную форму социалистического переустройства деревни, отказываясь признать, наконец, сплошную коллективизацию как основной метод социалистической реконструкции деревни,—автор тем самым вольно или невольно смыкается с врагами коммунизма.

Автор, как мы видели выше, продолжает оставаться в области теории на вульгарно-механистической точке зрения.

В главах III, IV, V и VI автор разбирает вопросы ренты. Автор не дает ясной и четкой постановки о двух монополиях при капитализме—монополии, вытекающей из ограниченности земли и монополии земельной собственности. Поэтому у него не выступает четко основание дифференциальной ренты, не выявляется, почему последняя остается и при уничтожении частной собственности на землю. Последнее у автора констатировано, но необосновано. При изложении ренты, как и в других главах, допущены ошибки. Так, напр., на стр. 77 он пишет, что теория ценности не может быть понята без правильного представления о ренте. Почему автор ставит на голову связь между категорией стоимости и категорией ренты—неизвестно. Если это не простая оговорка, то остается один вывод, а именно; что стоимость слагается из прибыли, заработной платы и ренты. Но, как мы знаем, Маркс давно опрокинул это представление вульгарной политической экономии.

Не развернуто автором в должной мере и значение национализации земли, особенно для дела переделки мелкособственнической сущности крестьян и развертывания коллективизации.

В главе IX автор излагает теорию мелкого и крупного хозяйства. Здесь автор в основном остается на позиции Чаянова. И от этого его не спасает попытка дать критику теории Чаянова об оптимальных размерах хозяйства, теории, которая, как мы теперь знаем, выдвигалась ее авторами со специальной вредительской целью. Гордеев доказывает Чаянову, что оптимальный размер или наиболее эффективная величина предприятия не есть что-то, раз навсегда установленное. Дальше он продолжает, что «оптимум подвержен постоянному изменению в *зависимости от развития техники*» (стр. 372). Исходя из этого, основной недостаток чаяновской теории Гордеев усматривает в недоучете им развития техники и распределения издержек в связи с территорией.

Итог таков: «проблема оптимальности существует», «существует дифференциальный или разностный оптимум», но «определение» точки оптимума должно производиться, однако, на основе анализа издержек по эксплоатации машин, в не на основе внутрихозяйственного транспорта» (стр. 373).

В основном у Гордеева с Чаяновым полное единство, а различие заключается только в способе определения оптимума, при чем это различие не существенно, так как у обоих способ определения базируется *на технических моментах*, благодаря чему у Чаянова целесообразные размеры хозяйства получаются «слишком мелкими» для наших дней, а у Гордеева—покрупнее.

Если последовать за Чаяновым и Гордеевым, пользуясь их общим методом, мы должны были бы притти к выводу, что в капиталистической Америке, где машинизация поставлена пока еще несравненно лучше, чем в СССР, оптимальные границы хозяйства шире, чем в Советском Союзе.

Отсюда, организация гигантов-совхозов и крупных колхозов у нас лишилась бы научной обоснованности и политика партии на этом участке выглядела бы как «эксперимент», обреченный на провал. В действительности же мы видим обратное (смотри очень показательные цифры в докладе тов. Яковлева на XVI с'езде партии) Практика отбрасывает, как ненужный хлам, буржуазную постановку вопроса об оптимумах. Целиком и полностью подтверждается марксизм и ленинизм также и в этой области теории и практики, а именно: *каждая общественная формация имеет свои законы развития*, в том числе и в области организации крупного производства в сельском хозяйстве.

При этом по отношению к капитализму, например, мало сказать, что там невозможны гигантские сельскохозяйственные предприятия, подобные развивающимся в СССР.

Там «крупная земельная собственность,—как говорит Маркс,—идет гигантскими шагами навстречу раздроблению, доказывая неопровержимым образом, что, пока существует вообще буржуазный строй, земледелие должно постоянно вращаться в этом круге из концентрации и раздробления» [1]).

Таким образом, дело не только в технике, но и в качестве производственных отношений, оказывающих обратное активное воздействие на производительные силы, лежащие в основе общественного развития. Распространяться здесь на эту тему нет никакой необходимости после знаменитых выступлений т. Сталина по этим вопросам в 1929 и 1930 годах.

В СССР, не в пример капиталистическим странам, развернулись и развертываются крупнейшие совхозы и колхозы, потому что у нас, в противоположность капиталистическим странам, господствующим классом является пролетариат, ведущий строительство социализма, потому что советская система хозяйства освобождена от противоречий, свойственных капитализму. В противоположность капитализму, у нас нет частной собственности на землю, со всеми вытекающими отсюда последствиями, наши гиганты-совхозы не нуждаются для своего развития в средней прибыли, наконец, у нас проводится система льготных кредитов, льготных налогов и др. мероприятия, содействующие развитию совхозов и колхозов.

Значит, дело в качестве наших социалистических производственных отношений. Здесь лежат различные возможности для капитализма и социализма в деле создания крупного хозяйства. Огромнейший вред всяких «теорий», подменяющих исследование производственных отношений анализом технических факторов и на этой основе выводящих «законы», якобы действительные для всех экономических структур—очевиден. В этом отношении гордеевская теория не лучше чаяновской. Нужно именно теперь, больше чем когда-либо, решительно отбросить эти, ничего общего с марксизмом не имеющие и политически вредные теории.

Таким образом и в этой части книги Гордеев верен себе. И здесь налицо эклектика. Новые проблемы строительства социализма не освещаются. Больше того, отрезывается всякий путь к их разрешению теоретическому, преподносится в утонченном виде чаяновщина.

После всего изложенного не трудно сделать вывод о книге в целом. Путаница, эклектика, соб ранне буржуазных идей, механистические взгляды и правооппортунистические установки—эти характерные признаки книги исключают возможность пользования ею в качестве учебника по с.-х. экономии. Необходимо выкорчевать остатки буржуазных теорий в аграрном вопросе. Необходимо беспощадно ударить по попыткам извращения марксизма-ленинизма в теории аграрного вопроса и по контрреволюционным правооппортунистическим установкам автора в экономической политике партии в деревне.

Ф. Незнамов.

---

[1]) Маркс. Сочинения, т. VIII, стр. 316.

Против оппортунистической клеветы на партию.

(По поводу книги П. Суслова «Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года»).

Война 1920 г. была начата буржуазно-шляхетской Польшей. Советские республики, руководимые партией во главе с Лениным, шли на серьезнейшие уступки, лишь бы избавить трудящихся от тягот войны и получить возможность приступить к мирному строительству. Это — факт совершенно бесспорный. Война была начата Польшей не без давления и воздействия Антанты, стремившейся уничтожить советскую власть. Но польские капиталисты и помещики преследовали и свои цели в этой войне захватить Украину, распространиться на восток до границ 1772 г.— таковы были мечты польской буржуазии. Известно, что вожделения Антанты не осуществились. Не суждено было сбыться и мечтам панской Польши. Больше того: в результате войны — Польша принуждена была заключить с советской страной мир на условиях, гораздо менее для нее выгодных, чем предлагавшиеся ей советским правительством до начала войны.

Достаточно сказать, что до войны Минск, значительная часть Белоруссии находились под властью Польши. В результате войны ей пришлось от них отказаться.

Нет сомнения, что празднование «чуда на Висле» установлено не столько в честь прошлого, сколько ради будущего. Это празднование — одна из форм подготовки к новой войне.

Советские республики добились разрешения тех задач, которые они выдвигали еще до войны. Именно поэтому мы можем утверждать, что в конечном счете победителями в советско-польской войне 1920 г., несмотря на понесенное Красной армией под Варшавой тяжелое поражение, оказались советские республики. «Война кончилась в нашу пользу», «советская республика оказалась победительницей», — эту мысль Ленин подчеркивал неоднократно (см. т. XXV, стр. 414, 420, 482 и др.). И сейчас, спустя 10 лет после окончания войны, когда в стане нашего противника на все лады отмечают и празднуют «чудо на Висле», — мы должны еще и еще раз подчеркнуть этот, в свое время отмеченный Лениным, общий итог войны.

Это тем более необходимо сделать, что в наших собственных рядах, среди исследователей-коммунистов находились и находятся отдельные товарищи, которые оценивают войну 1920 г. — как проигранную нами. И эта совершенно вздорная, явно антиленинская мысль проникает даже в печатные произведения. На одном из таких произведений — книге т. Суслова — мы считаем необходимым остановить внимание самых широких слоев нашей партии. Необходимо это и потому еще, что, по сути дела, независимо от того — стремился к этому автор или нет — он под свою концепцию о проигрыше нами войны подводит целую теорию, центральным местом которой является положение, будто партия, грубо говоря, проморгала военную опасность со стороны Польши, дезориентировала всю страну, переключив ее внимание с фронта военного на фронт хозяйственный. Таким образом, по сути дела, автор ревизует тактику партии на значительном отрезке времени.

В заключительной главе автор формулирует основные итоги. Он пишет: «И сам итог войны Ленин не считал «голым проигрышем», так как война показала, что «Польша победить нас не может, мы же не далеки от победы и были и есть» (стр. 157). Взятые автором в кавычки слова принадлежат Ленину. Но цитирует он Ленина более, чем своеобразно. Если взять эти слова Ленина в контексте, то довольно ясно, что скорее вся фраза в целом — «создавшееся в результате этого безусловно тяжелое впечатление отнюдь не является для нас голым проигрышем» (т. XXV, стр. 377) была направлена т. Лениным как-раз против одного из пессимистически настроенных товарищей, оценивших положение, как «голый проигрыш». А Ленин опроверг его. Но основное даже не в этом. Вся соль в том, что Ленин эти слова говорил на сентябрьской партконференции, до окончания войны, до заключения перемирия и выработки условий мира. И поэтому его оценка положения относилась не к итогу войны, как считает т. Суслов, а к обстановке на фронте после августовско-сентябрьского отступления. А это далеко не одно и то же. Итак, маскируясь Лениным, при помощи отдельных цитат, взятых

вне всей ленинской концепции, вне связи с многочисленными его высказываниями, автор констатирует, что фактически мы войну проиграли. Правда, проигрыш не абсолютный, не голый, но все-таки проигрыш. Победителями мы не вышли, но зато мы были недалеко от победы, а главное — пусть будет нам утешением, что и Польша нас победить не смогла. Так оценивает итог войны автор, так ревизует он Ленина, пытаясь прикрыться Лениным.

Где же, по мнению т. Суслова, причины этого «проигрыша» («правда, не голого»), причина того, что мы не победили («хотя и были недалеко от победы»).

«Для нас бесспорно, что в кампании были допущены политические и специально военные (оперативные) ошибки», — пишет автор (стр. 157). Остановимся здесь только на одной — решающей, по мнению автора, ошибке, допущенной в политической подготовке войны.

Этому вопросу уделена специальная глава. Как же рисуется эта политическая подготовка автору?

Тов. Суслов признает, что Ленин и после разгрома Колчака и Деникина не забывал о военной опасности, в частности, со стороны Польши. Но, не забывая о польской опасности и настаивая на сохранении известной военной готовности, Ленин, а за ним и вся партия, однако считал, что «серьезно враг нам угрожать не может», и поэтому достаточно решительно и последовательно брал курс на переход к разрешению задач и неотложнейших нужд трудового хозяйственного фронта» (стр. 25, 26). С этими установками Ленин пришел и на IX с'езд партии. «Крайне тяжелое хозяйственное положение страны, — пишет т. Суслов, — заставило IX с'езд опасность новой войны и в связи с этим военные задачи в известной степени отставить на второй план. Правда, ближайшие события показали, что столь решительная ставка с'езда на мирное строительство не полностью оправдалась. Но с'езд партии давал директивы правительству и всей стране. Поэтому его генеральная установка на «хозяйственный фронт» и некоторая недооценка белопольской опасности привели к тому, что вся страна, все общественные организации и Красная армия оказались ориентированными на внутрихозяйственные задачи и в известной степени «демобилизованными» в отношении продолжавшего еще существовать польского фронта» (стр. 27, 28). Таковы основные положения главы о политической подготовке войны. От них автор не отказывается до конца. Подводя в заключении итоги, он снова пишет, «что ставка с'езда на длительную и прочную передышку не полностью оправдалась».

Расчет на «передышку», ставка на «трудовой фронт» обосновывались будто бы известными мирными иллюзиями, частичной демобилизацией внимания к вопросам военной подготовки. Ленин говорил, что «основой нашей агитации и пропаганды должно быть «наряду с шагами к миру» постоянное и настойчивое «напряжение военной готовности». Однако, параллельная мобилизация усилий на сохранение боеготовности вооруженного фронта революции и вновь выдвигающийся трудовой фронт оказались (кому? — *С. Р.*) не под силу» (стр. 150).

Автор, таким образом, пытается доказать, что Ленин, хотя и говорил об опасности со стороны Польши, но считал, что этот враг нам серьезно угрожать не может; Ленин предсказывал длительную и прочную передышку, на деле же Польша очень скоро выступила. Следовательно, ленинский анализ и выводы были неверны. Это привело к тому, что высший орган партии—IX с'езд, тоже сделал ставку на мирное строительство, отодвинув на второй план военные задачи. Это будто бы дезориентировало не только партию, но за ней и всю страну, рабочий класс и Красную армию. Уделять же внимание и хозяйственному строительству и военному строительству — партии было не под силу. Итак, Ленин, предупреждая об угрозе со стороны Польши — говорил на ветер, ибо сам этому не верил. И Ленин, и ЦК и с'езд допустили якобы непростительную ошибку, последствия которой столь тяжело отразились как на всем ходе войны, так и на ее результатах. Таковы великие «откровения» тов. Суслова!

Не приходится особенно доказывать, что вся концепция автора ничего общего не имеет с действительностью, насквозь ошибочна, сугубо оппортунистична.

В самом деле. Многочисленные напоминания Ленина о военной опасности с Запада, которые вынужден отметить и автор, не делались же им впустую. Смешно думать, что партия и ее руководство во главе с Лениным не могли разобраться и оценить сложившейся политической обстановки. Ленин говорил, что «серьезно враг нам угрожать не может» не в том смысле, что угроза войны вообще очень далека, а лишь в том, что—в отличие от 1918—19 г., эта война существованию советских республик в такой же мере, как тогда, угрожать уже не может. Но даже, несмотря на этот совершенно бесспорный факт, Ленин заблаговременно и задолго до IX с'езда партии вполне определенно предупреждал партию о неизбежности войны и о необходимости принять нужные меры. Так, напр., 11 марта он телеграфирует т. Орджоникидзе (в РВС Кавказского фронта) «Поляки, видимо, сделают

войну с нами неизбежной, главная задача сейчас — не забота о Кавтрудармии, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Западный фронт; на этой задаче сосредоточьте все усилия» (см. «Гражданская война», т. III, стр. 317). Тогда же Ленин предупреждает т. Уншлихта (РВС Запфронта): «Поляки, видимо, воевать будут. Мы все возможное делаем для усиления обороны...» (там же, стр. 308, вкладной лист). «Мы все возможное делаем для усиления обороны», — подчеркивает Ленин, а грозный Суслов обвиняет: «допустили ошибку, отодвинули на второй план нужды обороны». Вот уже действительно попал пальцем в небо!

Ленин и IX с'езд так много внимания уделяли хозяйственным вопросам именно потому, что для партии было и остается бесспорной истиной, что отрывать хозяйственное строительство от дела обороны невозможно, что обороноспособность страны в сильнейшей степени зависит от хозяйственной ее мощи. И этой простой вещи автор не мог усвоить. А между тем к началу 1920 г. вопросы хозяйственные встали перед партией и советской властью с особенной остротой. Без некоторого сдвига в этой области ни о каких возможностях оборонять советские республики нельзя было говорить. И если в советско-польскую войну и были одержаны значительные успехи и в конечном счете мы вышли победителями, то именно благодаря некоторым (хотя, конечно, совершенно недостаточным) достижениям на хозяйственном фронте. Любопытно, что сам т. Суслов приводит иллюстрации, полностью подтверждающие нашу мысль. Он, например, указывает, что благодаря энергичным мероприятиям в области транспорта количество здоровых паровозов возросло с 4.140 (в 1919 г.) до 7½ тыс. к июлю 1920 г. (стр. 8). И даже при этих условиях в решительную минуту—во время наступления на Варшаву — как отмечает автор — «советский транспорт не мог удовлетворить настойчивых просьб командования Запфронта о поддержке несколькими десятками паровозов» (стр. 89) для перевозки пополнений. Легко представить положение Красной армии, если бы не удалось добиться хотя бы некоторых успехов на трудовом фронте. А автор никак не может понять, что именно наличие серьезной угрозы войны на фоне совершенно разрушенного хозяйства требовало особенного внимания к последнему. Нужно было во что бы то ни стало добиться перелома именно на этом участке. А этого как-раз и добивался Ленин.

И когда в первую половину 1920 г. партия начала кампанию за восстановление народного хозяйства, то это было не забвение партией и ее руководством военной опасности (это, конечно, не значит, что таких настроений в партии вовсе не было), а мобилизация внимания к важнейшему участку — хозяйственному, без которого нельзя было серьезно укрепить военную мощь советской страны. И даже привлечение частей Красной армии к трудовому строительству было (разумеется, до известных пределов и в зависимости от конкретной обстановки) неизбежным и правильным, ибо оно требовалось об'ективными условиями. Совершенно вздорным является положение автора, что партия не смогла одновременно уделять внимание и хозяйственному фронту и нуждам обороны страны.

Наконец, последнее: почему партия не вела изо дня в день кампании за подготовку к войне с Польшей и не прав ли автор хотя бы в этом отношении? Автор не только не прав, но показывает полное непонимание внешней политики партии и совласти в обстановке того времени. Партия хочет во что бы то ни стало добиться мира, идет для этого на ряд серьезнейших уступок, а автор обвиняет ее в том, что она недостаточно кричала о военной опасности и о подготовке к войне с Польшей. Автор обвиняет ЦО партии «Правду» в том, что ею «возможность польского наступления все же не принималась всерьез» и что она «занималась, главным образом, пропагандой нашего миролюбия и нашего стремления заключить мир» (стр. 28). Бесспорно, что у печати были ошибки, и часть их автор правильно отмечает. Но то, в чем он обвиняет «Правду» — ни на чем не основано, ибо «Правда» проводила совершенно правильную партийную линию. А перестроиться на военный лад, когда понадобилось—«Правда» сумела быстро и хорошо.

Таким образом, мы видим, что от всей концепции автора о якобы ошибочной политической установке Ленина и партии в вопросе о возможности войны с Польшей ничего не осталось. Вся его концепция — клевета на партию.

Ошибки автора в общеполитических вопросах этим не ограничиваются. Мы еще не выяснили, **почему** он (и некоторые другие исследователи) считает советско-польскую войну нами проигранной, что именно мы проиграли и почему; наоборот, Ленин и вся партия считают, что из войны 1920 года мы вышли победителями.

Тут дело в прямо противоположной оценке политических целей войны и степени их реализации.

Ленин неоднократно подчеркивал, что нашей целью было добиться мира, принудить Польшу этот мир заключить, получить возможность по-настоящему развернуть хозяйственное строительство. А укрепление советских республик, раз-

вернутое строительство социализма в них — лучшая помощь делу мировой революции, укрепление ее базы и плацдарма. Этой основной политической цели партия в конце концов добилась. Именно это и позволило Ленину говорить о нашей победе.

Существует другая точка зрения, считающая, что основной политической целью войны с нашей стороны было добиться революции на Западе (в Польше, Германии и др. странах), разрушить Версальский мир. Эта цель формулируется по-разному: принесение революции извне, уничтожение барьера между советскими республиками и европейским революционным движением и т. п. Как известно, революции на Западе мы не добились, следовательно, войну мы проиграли. Эта точка зрения, явно неправильная, отражает взгляды «левого» мелкобуржуазного радикализма. Эти взгляды в конечном счете своими корнями уходят в теорию невозможности построения социализма в нашей стране, а стало быть — в троцкизм. С этой же теорией, в сущности, связана недооценка значения хозяйственного строительства в советской стране.

Ошибка командования советских войск при наступлении на Варшаву в 1920 г., состоявшая в том, что были, если взять только военную сторону дела, нарушены основные законы наступления: — «закрепить захваченные позиции, перегруппировать свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, подтянуть тылы, подвести резервы» (см. Сталин «Ответ товарищам колхозникам») — не была случайной, а в большой мере вытекала из общеполитической, явно антиленинской концепции некоторых руководящих работников Красной армии (Троцкий).

К второй точке зрения приближается и автор разбираемой книги. Он пишет: «Война с помещичье-капиталистической Польшей... неизбежно должна была перерасти и переросла в непосредственную войну с международным империализмом, с Версальским миром, в войну за расширение плацдарма пролетарской революции» (стр. 24). В другом месте он также указывает, что война, «весь ход событий вел нас от самозащиты в пределах России и Украины к столкновению с Версальским миром под стенами Варшавы» (стр. 157).

У т. Суслова, таким образом, получается как бы два этапа в войне 1920 г., которым отвечали две политических цели. На первом этапе — война с Польшей, цель — самозащита; на втором — непосредственная война с международным империализмом (в лице Польши), — цель — расширение плацдарма революции, уничтожение Версальского договора. Вот этой-то основной политической цели мы не добились. Потому автор и склоняется к мнению, что война нами была проиграна.

Рассуждения автора явно противоречат тому, что говорил неоднократно Ленин.

Во-первых, абсолютно неверно положение о том, что война с Польшей лишь в процессе своего развития «переросла» в непосредственную войну с международным империализмом. Таковой она была с самого начала. Больше того — гражданская война с белыми генералами также была войной с Антантой. Разница лишь в том, что «война с Польшей оказалась более непосредственной войной против Антанты, чем предыдущие войны» — и что последние, в отличие от советско-польской войны, «не могли превратиться в войны, которые поколебали бы Версальский мир» (Ленин, т. XXV, стр. 401—402).

Во-вторых, из сказанного выше вытекает, что с самого начала войны «разрушая польскую армию, мы разрушали Версальский мир» (там же).

Но, — и это, в-третьих, — Ленин нигде никогда не говорил, что на каком-нибудь этапе советско-польской войны основной политической целью стало именно разрушение Версальского мира или расширение плацдарма революции. Ленин неоднократно говорил, что мы были недалеко от этого, что мы стремились к этому, но никогда не забывали действительно основной цели — отстоять советскую страну и получить возможность строить социализм, что и являлось действительным укреплением плацдарма мировой революции. По Ленину, наступление на Запад — было лишь прощупыванием, своего рода разведкой революционной готовности европейского пролетариата, а у Суслова получается, что целью наступления была сама революция. Отсюда все его ошибочные анализ и выводы.

Не имея возможности — за недостатком места — остановиться на той части книги, где говорится о политической работе в Красной армии, укажем только, что на основе ряда случайных документов и недостаточного изучения имеющихся материалов автор нарисовал, в основном, исключительно отрицательную картину. Вероятно, не один из участников войны 1920 года с недоумением, если не с гневом, разведет руками, прочтя эту книгу. Ошибки в политической работе были, и очень, как известно, существенные. Их нужно вскрывать и изучать, но измышлять и выдумывать их — нечего.

* * *

Подведем итоги. К 10-летию советско-польской войны т. Суслов дал «труд», извращающий все основные вопросы, с нею связанные, клевещущий на партию и ее вождя, защищающий явно оппортунистические положения. Читая книгу, невольно вспоминаешь ряд обвинений, выдвигаемых оппортунистами всех мастей против партии и ее руководства: там то не рассчитали, там то не предусмотрели, в теории все хорошо, а на деле — ошибки, и т. д.

Сейчас оппортунисты получают своего рода подкрепление «из прошлого». Но вряд ли таким «подкреплением» можно воспользоваться — уж больно скверного оно качества.

С. Рабинович.

ПОПРАВКА

В № 18 „Большевика“ на стр. 36 в статье т. Чернова „На решающем этапе хлебозаготовок“

напечатано:	следует читать:
„развернуть среди колхозников массовую раз'яснительную работу под лозунгом „ни одного пуда колхозного хлеба на частный рынок!“	„развернуть среди колхозников массовую раз'яснительную работу под лозунгом „ни одного пуда хлеба *колхозников* на частный рынок!“